

«Каждый день я просыпаюсь и первое, что я чувствую — это боль в груди. А иногда я просто не сплю, потому что знаю, что, когда проснусь, тебя не будет рядом со мной».

Навсегда-навсегда

— Чарли! Эй, Чарли!

Светловолосая голова Оливера Скотта высунулась из-за стеллажа с изоляцией, верёвками и прочей хозяйственной мелочью. Чарли обернулась, поправила очки на переносице и, увидев, как Олли машет ей с «жутко таинственным» видом, вприпрыжку помчалась к нему. Только скрип её кед о линолеум да жужжание осветительных приборов нарушали тишину торгового зала.

— Вот ты где, Оливер Мэйсон Скотт! — подражая тону мисс Линнет, их учительнице, изрекла Чарли. Сделала она это громче, чем следовало, потому что Олли тут же зашипел на неё и глянул с укором.

— Тише, Чарли! Иначе всё испортишь! — опасно оглядевшись по сторонам, прошептал Оливер, а Чарли оживилась в предвкушении новой проделки.

Детям приходилось как-то выкручиваться, чтобы летние каникулы проходили с толком и весело. Обычно Чарли с Олли приходили в магазин стройматериалов, принадлежащий семье Скоттов, и играли, бегая по торговым залам и складам, пока терпение мистера Скотта не иссякало, и детей не прогоняли за очередную проказу. Тогда Олли и Чарли подавались на заправку, где миссис Тимонс продавала самый вкусный и холодный лимонад, становившийся спасением в летнюю жару.

— Пойдём за мной, только тихо! — скомандовал Оливер и, пригнувшись, как в каком-нибудь фильме о шпионах, стал пробираться в сторону склада. Решив проявить почтение, Чарли так же пригнулась, семеня за другом. Её сердце стучало всё быстрее и быстрее, и радость от грядущего приключения наполняла грудь вместе с воздухом.

Чарли всегда было весело с Олли. Он был её лучшим другом с тех пор, как они встретились в

начальной школе. Чарли с родителями и двумя сёстрами тогда только переехала в Гери и никого тут не знала. Когда Чарли пришла в школу, оказалось, что только она одна из девочек носит мальчишескую одежду и вместо забав со скакалками предпочитает игры с мячом. В итоге девочки не захотели дружить с новенькой, а вот мальчишки с радостью приняли в свой круг, не став воротить носы. Особенно Чарли сдружилась с Оливером Скоттом, и теперь ей казалось, что они знали друг друга целую вечность. Это было три года назад — почти что самая настоящая вечность, когда тебе девять.

Дети пробрались на крышу трёхэтажного магазина — третий этаж служил офисом для мистера Скотта; была там и небольшая квартирка, в которой, впрочем, никто не жил.

— Гляди, Чарли!

И Олли с гордостью показал Чарли с десяток наполненных водой воздушных шариков, рядочком уложенных у парапета.

— Что это ты удумал, Оливер Скотт? — Карие глаза Чарли сверкнули лукавством за стёклами очков. С тех пор как Чарли потеряла третью пару контактных линз, ей приходилось носить на лице уродские очки в чёрной оправе.

Плохое зрение досталось Чарли от отца, а у того в семье почти все были слепы как кроты. Не совсем так, конечно, хотя дядя Ховард и тётя Луиза, надо признать, имели схожие черты с этими подземными зверками.

Олли широко ухмыльнулся, кивнув Чарли. Конечно же, она поняла его замысел, и он не только не возмутил девочку, но и вызвал трепет от нетерпения приступить.

И они приступили.

Надёжно спрятавшись за парапетом, послали первый заряд в мистера Фергюсона, старого брюзгу, который как раз вышел из магазина, куда приходил за садовыми перчатками. Шарик с громким шлепком приземлился у ног мужчины, обдав того крупными брызгами. Мистер Фергюсон стал озираться вокруг себя и сыпать проклятьями, а Чарли и Олли, зажимая рты от смеха, юркнули в своё укрытие.

Следующей целью их обстрела стала миссис Муди, которая всюду таскала с собой свою противную болонку Тинкербел. Вот и на сей раз визгливое животное сидело на руках хозяйки, получив свою порцию брызг.

Обстреляв ещё нескольких прохожих, дети катались по раскалённой на солнце крыше, держась за животы от хохота.

— А здорово ты придумал, — оценила Чарли, когда, успокоившись, они лежали на спине и, прищурившись, разглядывали безоблачное небо.

— Я же говорил тебе, Чарли — держись меня и не пропадёшь!

Легонько стукнув Олли в плечо, Чарли показала ему язык.

— Воображала ты, Оливер Скотт.

Замолчав на некоторое время — после хорошей шалости всегда наступал такой момент спокойствия, когда хотелось отдохнуть, а заодно поразмыслить над следующим приключением, — Чарли и Олли дышали июльским зноем, слушая звуки их сонного маленького городка. И в этой уютной тишине их мизинцы сплелись, выражая тем самым, что не было дружбы крепче на всём белом свете.

Во всяком случае, в штате Индиана точно не было.

— Олли, — позвала Чарли шёпотом, как будто боялась спугнуть бабочку — взмахнёт крылышками и упорхнет.

— Что, Чарли? — Олли повернул голову — их лица были так близко, что даже со своим не очень хорошим зрением Чарли видела все веснушки на его носу.

— Пообещай мне, что мы навсегда будем друзьями и никогда-никогда не расстанемся, — ещё тише, на выдохе, сказала Чарли.

— Мы навсегда-навсегда будем друзьями, Чарли, — со всей серьёзностью заверил Олли, крепко сжав её мизинец своим.

— Оливер Скотт и Шарлотта Пирс! — послышался совсем близко рассерженный окрик мистера Скотта. — Что это вы тут устроили?!

Шустро подскочив, дети обернулись к лестнице, на верхушке которой как раз показался хмурый мистер Скотт.

Олли взглянул на Чарли и вдруг весело подмигнул ей. Они были готовы понести наказание за проделки. Им было не привыкать.

Чарли

«— Чарли, это Лиз. Папа... — быстрый, судорожный вздох моей сестры. — У него был удар. Он умер, Чарли».

Я не помню, сколько раз прослушала это сообщение. Я всё слушала и слушала, но от этого смысл не становился яснее. Слова не желали аккуратно уложиться в моей голове, смешиваясь в беспорядок, образуя хаос. Выходила какая-то ерунда, потому что мой отец не мог быть мёртв. Я говорила с ним недавно, и он был полностью здоров, его голос звучал бодро, как и всегда. Как и положено папе.

«Всё работаешь, Чарли. Нехорошо. Приезжай домой, дочка, отдохнёшь».

«Обязательно, пап, но не сейчас. Сейчас не могу. В следующем месяце постараюсь, а если не выйдет, обещаю, что приеду на твой день рождения».

«Ах, Чарли...»

Я никогда больше не услышу папино: «Ах, Чарли», как и «Чарли гоняет в мяч почище любого мальчишки».

Вернувшись в родительский дом, я не застаю там папу — лишь комнаты, вещи и предметы, сохранившие память о нём.

Я постаралась вспомнить день нашего последнего разговора. Это было на прошлой неделе, или в прошлом месяце? Одно я знаю точно: Митчелл Пирс был лучшим отцом, который только мог быть. Я же оказалась недостаточно хорошей дочерью.

— Мисс Пирс, такси уже ожидает вас.

Мягкий голос Эвелин заставил вынырнуть меня на поверхность сознания, в реальность марта 2015 года. Солнце за окнами моей квартиры лгало — день вовсе не был таким хорошим, как могло показаться.

— Спасибо, Эвелин.

Я подхватила ручку чемодана, отказавшись от помощи домработницы, и двинулась к двери, надеясь, что у меня получится продержаться весь путь. Захлебнуться в слезах во время перелета Лос-Анджелес — Индианаполис не лучшая идея.

— Когда вас ждать обратно, мисс? — осторожно спросила Эвелин.

Я обернулась, оглядев небольшой холл своей квартиры. Всё здесь было декорировано по моему

вкусу, но внезапно то, что я видела, показалось мне чужим. Возникло странное чувство, что мне больше не придётся вернуться в это место.

Абсурдные мысли.

— Ещё точно не знаю, Эвелин. Я позвоню.

— Удачи, мисс Пирс.

Я кивнула со слабой улыбкой и вышла за дверь.

Меня зовут Шарлотта Пирс. Если вы смотрите телевизор или ходите в кинотеатр, возможно, вы меня видели. Я из тех везунчиков, которые, попав в Лос-Анджелес, быстро находят путь к успеху. Я никогда не грезил Голливудом и славой и, оказавшись в Лос-Анджелесе семь лет назад, не ставила себе цели непременно попасть на голубые экраны.

Отдельные случаи часто играют знаковые роли в человеческой жизни, так случилось и со мной. Многим удобна мысль, что мои достижения – исключительная заслуга протекции мужчин с набитыми кошельками, чью постель я согреваю. Я никогда не пыталась доказать обратное, это как война с ветряными мельницами. В шоу-бизнесе сплетни и слухи занимают своё нерушимое место.

Кто я такая, чтобы ломать систему?

Правда куда менее захватывающая. Я родилась в Гери — это небольшой городок в центре Индианы. И где бы я ни находилась сейчас, я навсегда останусь девчонкой из «штата верзил».

Часы полёта сливаются в какую-то вереницу обрывочных воспоминаний из детства. Мои глаза прикрыты, и я слышу голос отца, летящий из глубины памяти. Этот голос я узнала бы из миллионов других голосов, а теперь я боялась, что однажды могу забыть его.

Что, если однажды я и правда не смогу вспомнить?

От Индианаполиса до Гери около двух часов езды. В аэропорту я беру машину напрокат, и с каждой покрытой милей во мне растёт паника. Я боюсь того, что увижу дома. Больше всего меня пугает встреча с мамой. Наши отношения никогда не были простыми, особенно в последние годы, но они с папой всегда так сильно любили друг друга. И теперь, когда его не стало, я не знаю, как она переживёт это.

Уже почти вечер, когда я въезжаю в город. Вывеска на въезде гласит, что население Гери 7842 человека. Думаю, погрешность на сегодняшний день довольно большая, потому что эта цифра там с тех пор, как мне исполнилось тринадцать. Всякий раз как мы с Олли смотрели на неё, он говорил, что эта последняя двойка — это мы с ним. Всегда только вместе.

«— Знаешь Чарли, если ты когда-нибудь исчезнешь, я тоже перестану быть».

Я смотрела на него и смеялась, но в такие моменты не было девушки счастливее меня на всей планете.

«— Все ты врешь, Олли. Скорее всего, сразу побежишь к Келли Портер!» — подначивала я, но Олли было не смутить.

«— Не побегу».

«—И откуда мне знать, что это правда?»

«— Я не смогу побежать, Чарли».

«— Это почему ещё?»

«— Потому что меня больше не будет», — совершенно серьёзно отвечал он.

«— Глупый Олли!» — ворчала я, толкая его в бок, а после непременно набрасывалась с

поцелуями.

Интересно, увижу ли я Олли? Наверное, если он всё ещё в Гери.

Видите ли, я исчезла, но Олли, конечно же, нет.

Наше «навсегда-навсегда» однажды закончилось.

«Сам дурак, сама дура»

2001

— Чарли!

— Господи, Лиз! Ну и напугала же ты меня!

Чарли прижала руку к груди, в которой, как оголтелое, билось сердце. Ох уж эта Лиз с её привычкой бесшумно подкрадываться!

— Что ты там прячешь? — Лиз вытянула шею, пытаясь рассмотреть внутренность шкафа за спиной сестры.

— Ничего я не прячу! Прекратишь ты тут вынюхивать? — рассердилась Чарли.

— Прячешь. — Лиз прищурилась. — Или покажи, или маме расскажу!

— Какая же ты ябеда! — топнула ногой Чарли, но от шкафа всё же отступила.

— Ого! Какое красивое, Чарли!

Лиз восхищённо смотрела на нежно-персиковое платье из шёлка и кружева. Чарли не боялась, что мама увидит платье — наоборот, она была бы только счастлива увидеть дочь в чём-то, помимо штанов и шорт. Чарли не хотелось излишнего внимания, потому что домашние непременно сделают из этого большое событие.

— Для чего оно тебе?

Лиз подозрительно уставилась на покрасневшую Чарли.

— Лиз, не приставай!

— Это случайно не связано с балом в эту субботу и одним лохматым парнем? — догадалась Лиз, заулыбавшись.

— Не твоё дело, — пряча платье обратно в шкаф, проворчала Чарли.

Вот прилипчивая!

— Хм. Только странно получается.

— Что?

Лиз слегка нахмурила тоненькие брови.

— Мелисса Метьюз сказала, что её младшая сестра уже согласилась пойти на бал с Оливером Скоттом.

— Олли? — Глаза Чарли полезли на лоб. — Моим Олли?

Лиз дёрнула плечами.

— Может, не таким и твоим.

Чарли одарила сестру гневным взглядом и пулей выскочила из комнаты. Она должна была выяснить немедленно, о чём это болтает Лиз.

Олли пригласил какую-то девицу на школьный бал? Это что ещё за новости?! Да, они не договаривались, что пойдут вместе, но Чарли и не думала, что это требуется.

Девочка выкатила велосипед из гаража и покрутила педали к дому Олли, что находился на соседней улице.

Комната Олли была на втором этаже, но Чарли не составило труда взобраться по дереву, ветки которого достигали крыши, на одну из них она и перебралась, а оттуда оставалось юркнуть через окно. Оказавшись в комнате, Чарли увидела, что та пустая.

Уперев руки в боки, Чарли вышагивала по ковру, недовольно сопя. Ну, вот где его носило? По расписанию его тренировка по лакроссу должна была закончиться полчаса назад. Было бы проще, будь у них с Олли сотовые — в школе многие ребята имели их — но что её родители, что родители Олли считали это излишеством.

Чарли нарезала уже пятнадцатый круг, когда дверь отворилась и Олли с бутсами через плечо вошёл в комнату.

— Чёрт возьми, Чарли! — вздрогнул парень, не ожидая увидеть кого-нибудь.

— Оливер Скотт, ты что, позвал кого-то на бал? — не тратя время на приветствия — виделись сегодня уже — набросилась на него Чарли.

— Эм... Да. — Оливер замялся, чувствуя прилив крови к щекам. Только после того как он пригласил Холли Метьюз, подумал, что с Чарли могут возникнуть проблемы.

— Ты в неё влюбился? — угрюмо спросила девочка, сначала растерявшись, а потом разозлившись. Она как идиотка перемерила гору платьев, пока нашла то, которое, как она думала, ему понравится.

— Чарли, не говори глупостей! — Олли открыл дверцы стенного шкафа, зашвырнув бутсы в его глубину. — Слушай, это только лишь бал. Ты сама говорила, что подобные сборища — отстой.

Чарли закатила глаза: гадёныш использует её слова против неё же!

— Да, отстой, но я думала, что мы пойдём туда вместе, чтобы посмеяться над дурачками, для которых это важно, — не запнувшись, солгала Чарли.

— Так и будет, только я приду с Холли. Это же не проблема?

Олли уставился на неё в ожидании ответа. Чарли хотела показать ему язык, но потом вспомнила, что им уже по четырнадцать. Нельзя все проявления чувств выражать через высунутый язык.

Но какой же Олли болван!

Как он только может подумать, что она готова мириться со всякими там Холли, которые — конечно же — находят его привлекательными. Не то чтобы сама Чарли считала его таким уж красавчиком, хотя за прошлое лето Олли так вытянулся, и его плечи стали шире благодаря игре в лакросс. А ещё ему шла длинная чёлка, хотя она и дразнила Олли пуделем.

— Как знаешь. Хочешь идти с Холли — иди.

Слова и вид Чарли не сходились между собой. Она не знала, что сказать такого, чтобы отбить у него охоту идти с другой девочкой, и её это особенно раздражало.

— Так и планирую, — оборонительно произнёс Олли, неприветливо глядя на Чарли. Это был их первый конфликт за долгое время. И дело даже не в том, что Олли так уж хотелось пойти на бал с Холли Метьюз, но ему надоели подколки парней из команды насчёт его и Чарли.

— Поздравляю! Теперь я тоже могу пойти с кем-нибудь, — не успев как следует подумать, выпалила Чарли. — Раньше я думала, что ты будешь один, а теперь, если ты с Холли...

— С кем это? — перебил её Оливер. Ему вдруг не понравилась мысль, что Чарли может пойти на бал с каким-нибудь мальчиком из их школы.

— Неважно. — Чарли выпятила подбородок. — Увидишь в субботу.

И так же, как и вошла, Чарли покинула комнату Оливера Скотта, гадая, как теперь выйти из ситуации.

— Эй, Алекс!

Алекс Вильямс затормозил и обернулся, удивлённо выгнув брови, увидев затаившуюся за шкафчиком Чарли Пирс. Вообще-то её звали Шарлотта, но все, включая учителей, называли девочку Чарли.

— Иди сюда!

Чарли поманила Алекса, и тот, пребывая в растерянности, подошёл поближе.

Чарли знала, что Алекс играет с Олли в команде по лакроссу, хотя друзьями они не являлись. Это была основная причина, по которой она решилась пригласить Алекса на бал. Девочка очень нервничала и надеялась, что Алекс не откажется.

Олли должен пожалеть, что позвал с собой Холли, когда увидит её с Алексом Вильямсом.

— Что такое, Пирс?

Алекс был заинтригован, да и Чарли девочка симпатичная, хотя одевается и ведёт себя как типичная пацанка. Но она была неразлучна с Оливером Скоттом, это все знали.

— У тебя пара на бал есть? — на одном дыхании выпалила Чарли.

Мальчик озадаченно покачал головой.

— Не-а.

— А со мной пойдёшь?

— Ты разве не со Скоттом? — подозрительно протянул он.

Чарли стиснула челюсти.

— Пойдёшь или нет?

Недолго думая, Алекс согласился, и они с Чарли условились на грядущую субботу.

«Ну, держись, Олли».

Чарли казалась надутой всю неделю и избегала Оливера, а он и не навязывался, считая, что подруга ведёт себя по-детски. Если ей угодно не разговаривать с ним – пожалуйста.

Порой Олли забывал о напряжённости между ними и набирал её номер, но потом спохватывался и клал трубку.

Не хотелось признавать, но Олли очень не хватало долгих разговоров с Чарли. Большую часть их жизнью Олли и Чарли общались практически каждый день, только если кто-то не уезжал с визитом к родне или в летний лагерь.

Поэтому к субботе, когда пришло время собираться на бал, Олли совсем затосковал. Сдалась ему эта Холли Метьюз, когда всё, о чём он думает, это Чарли!

Ещё Олли изводило то, что она пойдёт на бал с Алексом Вильямсом. Не то чтобы Оливеру не нравился Алекс, но любой парень, который так или иначе имеет отношение к Чарли, вызывал неприязнь у него.

Уже в первые минуты вечера Олли понял, что совершил ошибку, пригласив Холли. Его спутница болтала без умолку о каких-то глупостях, чем наводила на него скуку. Только хорошее воспитание, полученное от матери, удержало Олли от того, чтобы попросить Холли заткнуться.

Но где-то спустя полчаса после начала случилось событие, которое сделало трескотню Холли недоступной для ушей Оливера. Этим событием стало появление Чарли.

Чарли и Алекс вошли в спортзал, украшенный по случаю танцев.

Чарли была в платье — красивом бледно-персиковом платье. Её волосы были собраны на макушке и мягкими локонами спадали на неприкрытые хрупкие плечи. До сегодняшнего дня Олли ни разу не видел, чтобы Чарли — его Чарли — была одета в платье. И с ним случилось что-то странное: искренне восхитившись, Олли так же испытал злость, потому что это платье делало Чарли кем-то чужим.

Олли весь вечер не мог отвести глаз от подруги, даже когда танцевал с занудой Холли. А Чарли всячески делала вид, что не замечает его. Олли очень надеялся, что это всего лишь её уловка, ведь не могла же Чарли забыть про него.

Улучив момент, когда прилипала Вильямс куда-то отошёл и Чарли осталась одна, Олли решился и подошёл к ней.

— Чего это ты так смешно вырядилась, Чарли? — со злой издёвкой спросил Олли. — Для Вильямса старалась?

Девочка метнула в него сердитый взгляд, но при этом её нижняя губа дрогнула. Она-то хотела быть красивой и в первую очередь для него, а он посчитал её глупой и смешной!

Чарли хотелось разреветься.

— Дурак ты, Оливер!

— Сама дура, Пирс! — ещё больше озлобился Олли.

Чарли толкнула его в грудь и ушла, а он понуро пошёл назад к Холли Метьюз.

Тем вечером Оливер Мэйсон Скотт впервые поцеловал девочку, пока в тот же самый момент Шарлота Пирс рыдала в кабинке туалета из-за своего лучшего друга.

Чарли

До сегодняшнего вечера я не знала, что выбор гроба может быть таким огромным.

«Какое дерево вы предпочитаете?..»

«Обивка из атласа или шёлка?»

«Вот этот немного дороже, но его размер больше».

Я едва сдержалась от неуместного вопроса: *«Думаете, там ему будет тесно?»*

Мама не плачет, на её лице вообще ни одной эмоции. Я думала, что, когда вернусь, застану свою всегда сильную маму развалиной в слезах, но прогадала. Меня это пугает. Думаю, я бы хотела, чтобы она плакала. Может, тогда мне было бы легче осознать весь масштаб трагедии, что пришла в нашу семью.

Я что, правда хочу, чтобы моя мама плакала?

Это должно быть делает меня паршивым человеком.

Через час пребывания в похоронном бюро я чувствую, что готова сорваться. Я не хочу выбирать гроб для отца. Мне плевать, из какого он будет дерева и какая обивка будет внутри. Я хочу, чтобы мой папа был жив и иметь возможность сказать ему, как сильно я его люблю.

Я хочу позвонить Олли и рассказать ему, как мне больно из-за того, что никогда не увижу отца и не смогу извиниться перед ним. А ещё мне больно потому, что я не могу просто так взять и позвонить Олли.

Я вышла на воздух и, схватившись за поручень, до боли в пальцах сжала его. И вот тогда я

разрыдалась.

Ещё одно событие в моей жизни, которое я не смогу исправить.

Когда-то Оливер Мэйсон Скотт назвал меня испорченной. Он тогда шутил, и мы оба смеялись. Но Олли был прав — я испорченная.

Вечером, когда мы вернулись домой, я сказала маме, что хочу полностью оплатить похороны отца.

— Бога ради, Шарлотта, я сама могу заплатить за похороны своего мужа!

Мамин голос прозвучал с лёгким раздражением, а потом она поднялась к себе. С самого приезда домой я чувствовала в ней скрытое недовольство.

Наши отношения с мамой не были плохими, но они усложнились несколько лет назад, и, хотя мы никогда не говорили о том, что случилось, я чувствовала, что мамино отношение ко мне изменилось навсегда.

— Мама злится на меня, — поделилась я с Лиз, когда мы разбирались с едой, которую принесли друзья и соседи.

Сестра взглянула на меня, ставя очередную запеканку в холодильник.

— Ты знаешь из-за чего.

На мгновение я напряглась, испугавшись, что Лиз могла всё узнать, но нет — если бы она знала, то немедленно позвонила мне в тот же момент и потребовала объяснений. Никто, кроме мамы, не знает.

— Ты должна была чаще навещать их, Чарли, — с укором сказала Лиз. — Папа столько раз просил тебя приехать.

Лиз права, её слова справедливы, но мне всё равно хочется защититься.

— Ты же знаешь, что не могла. Он здесь, и я... не могу, — пробормотала я, покачав головой.

— Господи, Чарли, да всем начхать! — не сдержалась Лиз, а я вздрогнула как от пощёчины. — Даже самому Оливеру. Он живёт своей жизнью, как и ты, между прочим! Это ребячество с твоей стороны. Ты не должна была отказывать папе из-за ваших старых проблем с Оливером!

— Думаешь, я не знаю этого? — Я тоже повысила голос, и на глазах выступили слёзы раскаянья. — Думаешь, не корю себя за это? Это всегда будет преследовать меня, Лиз!

На её лице мелькнуло виноватое выражение.

— Чарли, прости. Я не должна была так говорить.

— Эй, что у вас тут происходит?

Эмили вошла в кухню, удивлённо глядя на нас. Её глаза были красными и опухшими, потому что Эмили почти всё время плакала. Она самая младшая и ещё учится в университете.

В какой-то мере Эмили сложнее остальных.

— Немного поспорили. — Я попыталась улыбнуться. — Ничего серьёзного.

Я протянула руки к младшей сестре, и она с готовностью приняла мои объятия. Наш отец умер, но наша семья всё ещё жила, и это помогало держаться.

Когда все уснули, я тихо вышла из дома и ноги сами понесли меня на соседнюю улицу, к дому Оливера. Я не знала наверняка, но, скорее всего, он давно не живёт там. С тех пор как мать бросила их и уехала, в доме Скоттов словно навечно поселилась бледная тень скорби. Цветы увяли, ставни часто подолгу стояли, нуждаясь в покраске, и, казалось, даже свет в окнах

потускнел.

Олли признавался мне, что мечтает убраться из родительского дома, как только сможет, и испытывал вину перед отцом за это.

В первое время после ухода миссис Скотт мы с Олли часто говорили о том, почему она это сделала и как могла решиться. Но однажды Олли посмотрел на меня серьёзно и произнёс таким жёстким тоном, которого я прежде от него не слышала.

— Никогда больше не говори о ней, Чарли. Она бросила нас с отцом, решив, что мы не вписываемся в план её жизни. С этого дня я буду думать, что моя мама умерла.

Это был последний раз, когда он упоминал о ней. Олли не мог простить женщину, которая родила его. Так мог ли он простить меня, когда я клялась, что никогда не оставлю его, а потом нарушила свою клятву?

В доме темно, но сквозь незашторенное окно я вижу голубоватое свечение телевизора в гостиной. Не знаю, откуда, но уверена, что Олли там нет. Я не чувствую его. Я не очень верю в мистику, но как-то так получилось, что мы с Олли всегда чувствовали друг друга.

Я стою под деревом и смотрю на дом, в котором прошли многие дни моего детства и юности. Мой взгляд надолго задерживается на крыше, и в какой-то момент мне кажется, что я вижу нас с Олли в те дни, которые давно канули в вечность.

«Целуя Чарли»

2003

— Отец сказал, что у неё давно был роман с тем мужчиной, — затянувшись и выпустив дым в сторону, сказал Оливер.

— И мистер Скотт знал об этом? — Чарли выпучила глаза и открыла рот, став похожа на выброшенную на берег рыбу. Всё её тело и разум размякли от выкуренной травки, которую где-то достал Олли.

— Говорит, что нет, но я не очень ему верю. — Лицо Олли искривилось.

Чарли злилась на миссис Скотт, потому что Олли страдал, а когда страдал Олли, страдала и Чарли.

— Олли, — Чарли придвинулась ближе к нему и, обхватив его бицепс, прижалась к нему щекой, — всё будет хорошо.

— Ты не можешь этого знать, Чарли. — Олли сделал ещё одну затяжку, внезапно ясно осознав близость сидящей рядом девушки.

Их отношения с Чарли за последний год стали... странными. Они были по-прежнему друзьями, но Олли подозревал, что не все друзья имели такую близость, как у них с Чарли. Ещё за последний год Олли стал очень много думать о девочках и сексе. Иногда о сексе с Чарли. Эти мысли беспокоили парня. Но надо признать: он давно воспринимал Чарли больше, чем друга.

Прикосновений стало больше. Взглядов, за которыми было что-то скрыто — тоже, но никто не заговаривал о том, что происходит.

— А вот и знаю! — Чарли подняла лицо и упрямо посмотрела на Олли, не догадываясь, какие мысли его одолевают.

И в этот момент — потом Олли оправдывал это тем, что марихуана придала ему смелости — он наклонился и поцеловал губы Чарли. Немного неуклюже и торопливо, но стоило ему

попробовать её на вкус...

Чарли (Шарлотта) Пирс навсегда прочно укоренилась в сердце Оливера Мэйсона Скотта.

— Олли, — испуганно прошептала Чарли, когда, тяжело дыша, Оливер отстранился от неё, — ты что, поцеловал меня?

— Ага. — Это всё, что Оливер смог выдать из себя. Ему стало стыдно, и не за поцелуй, а за то, что он возбуждился из-за поцелуя.

Проклятые гормоны!

— Ну и как? — закусив губу, лукаво спросила Чарли. Не то чтобы её сильно удивил поцелуй — к этому всё шло, — но она не ожидала этого именно сейчас.

— Ты не злишься? — Олли насторожился.

— Почему я должна злиться? Олли, это случилось бы всё равно, — снисходительно улыбнулась Чарли.

Олли с сомнением посмотрел на остатки сигареты и затушил её о покрытие крыши.

— Так... хм, и что теперь?

Он сделал вид, что очень занят разглядыванием пустынной ночной улицы.

— Олли, — мягко растягивая «л», позвала Чарли. — Повтори, — попросила она, когда Оливер вновь посмотрел на неё.

Чарли улыбалась ему какой-то новой, кроткой улыбкой, и её глаза сияли ожиданием. Олли волновался, но отважился положить ладонь на её щёку — какая же нежная у неё, оказывается, кожа! — и повторил поцелуй, но теперь уже не так спеша. Боясь сделать что-то не то и спугнуть Чарли, Олли нежно скользил по губам девушки, молясь, чтобы она не заметила, как он возбуждён.

Каково же было удивление Оливера, когда Чарли перебросила через него ногу и оседлала его колени.

Теперь она точно всё почувствует!

Чарли слишком хорошо знала Олли и видела, что он очень уж осторожничает. В этот самый момент происходил перелом их дружбы. Как прежде уже не будет, но может быть намного лучше. Или наоборот, но Чарли не хотела думать об этом.

Она показывала ему, что бояться не стоит и ей нравится то, что он делает. Ему можно быть посмелее. И Олли правильно уловил посыл. Осмелев, языком раздвинул её губы, окунаясь в теплоту рта девушки.

Чарли не была первой девочкой, которую поцеловал Оливер Скотт, но она та, кто всегда будет первой в его сердце.

Чарли

Раньше мне казалось, что день похорон непременно должен быть пасмурным, холодным и дождливым. Разве может солнце светить, а птицы чирикать, когда ты переживаешь потерю?

Это неправильно, но, если бы подобное заключение соответствовало истине, солнце никогда бы не выглянуло из-за туч, а земля не просохла. Каждый день кто-то кого-то теряет. Каждый переживает свою маленькую драму в этот самый момент. Это процесс, который равняется знаку бесконечности.

Мама расплакалась на кладбище. Прямо во время речи преподобного. Лиз обняла её за подрагивающие плечи, а я испытала облегчение. Это держало меня в напряжении больше, чем я

думала.

Моего отца предали земле, и много людей сказали столько хороших слов о нём, а я... я злилась на солнце, потому что оно не имело права светить сегодня! Солнце должно было быть в трауре, потому что мой папа был этого достоин.

Когда Лиз бросила свою пригоршню земли на крышку гроба, я вышла вперёд и сделала то же самое, беззвучно попросив прощения у папы.

«Ты заслужил лучшей дочери, чем была я».

Последней частью церемонии шли соболезнования. Я знаю, что все эти люди искренне скорбели из-за смерти папы, но мне хотелось сбежать от потока сочувствующих фраз. Разве они могут помочь?

Конечно же, нет.

— Спасибо. — Я заставила свои губы приподняться в печальной улыбке, и миссис Харрис наконец-то отошла.

Отчаявшись, я скользнула взглядом по холму, мечтая скрыться за ним.

Дыхание замерло у меня в груди, зато сердце забилося с удвоенной скоростью.

— Чарли! — позвала меня Лиз, но я уже мчалась к этому холму, но не в забытом желании сбежать. Я догоняла своё прошлое в лице Оливера Мэйсона Скотта.

Всегда и везде я узнаю Олли, даже если вижу только его затылок.

Каблуки проваливались в землю, и я пожалела, что не надела обувь на плоском ходу.

— Олли! — позвала я, когда расстояние между нами сократилось достаточно, чтобы мне не пришлось кричать на всё кладбище. — Оливер!

Я не знала, как должна называть его теперь, поэтому использовала оба имени. Я всегда предпочитала Олли.

«Мой Олли»...

Только вот давно уже не мой.

Он остановился и обернулся, а мне захотелось засмеяться и расплакаться одновременно. Это был Олли, которого я знала, но он изменился за то время, что мы не виделись. Его волосы стали немного длиннее, с тех пор когда мы виделись в Лос-Анджелесе, а на лице появилась небольшая щетина. А ещё Олли определённо повзрослел. Передо мной стоял мужчина. И я любила его так же, как и десять лет назад. Любила так же, как и всегда.

Всегда буду.

Непривычно было видеть Олли в белой рубашке. Наверное, в последний раз он надевал её на нашу свадьбу, но кто знает — может, теперь он их любит? Я ведь столько всего пропустила в его жизни с тех пор, как уехала из Гери.

— Привет! — выдохнула я, когда его губы сложились в столь хорошо знакомую мне улыбку.

— Привет. — Он подошёл ко мне ближе, и я занервничала ещё больше, как пугливая девчонка. — Как ты?

Глаза моего Олли смотрели печально, и я захотела сказать ему правду. Я никогда не любила лгать Олли. Хотела бы я сказать, что не делала этого.

— Паршиво, — кивнув, ответила я. — Ты же знаешь...

Я не стала договаривать, да этого и не требовалось.

— Мне жаль, Чарли. Митч был хорошим человеком.

— Спасибо. — Я быстро втянула воздух ртом, чувствуя, что на глаза наворачиваются слёзы. —

И спасибо, что пришёл.

Олли пожал плечом.

— Разве я мог поступить иначе.

Я вдруг испытала неловкость и не знала, что бы такого сказать. Олли всегда поступал правильно. Иногда мне казалось, что все наши старые проделки происходили только из-за меня. Я толкала Олли на них, а он соглашался, потому что никогда не мог мне отказать.

Мне стало совестно, ведь я подумала, что он может не прийти сегодня. Наверное, Олли держался в стороне, потому что я не заметила его, а из-за расстройств даже не почувствовала.

— Ты зайдёшь к нам вечером? — Я с надеждой посмотрела на него. — Люди принесли столько еды, не знаю, что мы будем с ней делать... — Я замолчала, потому что это было не то, что я хотела сказать ему. — Приходи, Олли. Мне бы этого очень хотелось.

Я испугалась, что он откажется, когда в его глазах отразилось колебание. Раньше такого бы не случилось, но мне пришлось напомнить себе, что я сама виновата в том, что наши отношения стали такими.

— Я не знаю, Чарли. — Олли провёл рукой по волосам, и впервые выдержка изменила ему.

— Пожалуйста, Олли. — Я подступила к нему ближе. Пришлось почти умолять его, но мне было всё равно, потому что я хотела, чтобы он был рядом в этот тяжёлый период для меня.

Он шумно выдохнул и кивнул.

— Хорошо. Я приду, Чарли.

Я улыбнулась, и этот грустный день стал немного светлей.

Оливер

Одна тысяча сто восемьдесят четыре дня.

Это столько я не видел Чарли до сегодняшнего дня, столько не говорил с ней, пока она не позвала меня на кладбище.

Тысяча сто восемьдесят четыре дня. Столько моё сердце было неподвижным, пока я не услышал «Олли» за спиной.

Я не понимал этого, пока не увидел её в кругу сестёр и матери. Чарли плакала, беззвучные слёзы катились по её щекам, но она не издавала ни звука. Она даже почти не двигалась.

Я знаю — я наблюдал за ней. Странно, что она не почувствовала.

Я думал, что смогу уйти незамеченным, но, когда услышал её голос...

На меня будто ведро ледяной воды вылили, столкнули с крыши и переехали дорожным катком — и всё это за долю секунды. Я обернулся и подумал:

«Ну, вот ты и попал, Олли».

А потом она попросила меня прийти, и в тот же момент я знал, что не смогу отказать ей. Единственный раз, когда я отказал Чарли, касался армии. Тот же раз стал началом нашего конца.

Знал ли я тогда, что моё решение похоронит наши отношения?

Нет, Господи, нет. Потому что, если бы кто-то сказал мне тогда, что из-за своего решения я потеряю Чарли, я бы никуда не ушёл. В тот период армия была моей потребностью. Чарли была моей жизнью.

Не было вопроса, что для меня предпочтительней.

Чарли всегда была моим приоритетом, но так получилось, что однажды я перестал быть

приоритетом для неё.

«Ты вновь можешь увязнуть», — говорю я своему отражению, когда вечером собираюсь к Пирсам. Но тут же признаю, что я никогда и не выбирался из того, что можно назвать одним словом «Чарли», поэтому не играет большой роли, поеду я сегодня к ней или нет.

Я любил Чарли с тех самых пор, как она вошла в класс мисс Томас в своих джинсовых шортах, держа в руке сиреневый бокс для ланча с Джеком из «Амазонки». Когда дело доходит до абсурда, мне кажется, что я любил Чарли ещё до того, как узнал о её существовании.

Я любил её всегда, а всегда — это долго.

Хотите знать, как проживать каждый день без человека, которого любишь, и нет никакой вероятности разлюбить в ближайшие миллион лет?

Ну так вот — это хреново. Это хреново помноженное на миллион раз.

— Ты гонишь, приятель. Очень, — заключил Майло — мой лучший друг с тех пор, как мы оказались в одном отряде, — когда я сказал ему, куда направляюсь.

Ему не раз доводилось выслушивать мои пьяные исповеди про Чарли, так что его слова имели смысл.

— Не та ли это «сука, которая вырвала моё сердце и сыграла им в футбол?»

Я поморщился — мне не следовало этого говорить, и даже выпитая текила той ночью не оправдывает меня.

— Не используй мои слова против меня, — натянув клетчатую рубашку поверх серой футболки, предупредил я.

— Серьёзно, Оливер, что ты делаешь? — без тени улыбки посмотрел на меня друг. — Она уедет, вернётся в Калифорнию через несколько дней. Ты готов снова потерять её?

— Да, — солгал я.

«Ни черта подобного». Я никогда не привыкну к тому, чтобы терять Чарли. У меня есть опыт в этом — больше, чем хотелось бы, но каждый раз не легче предыдущего.

— Врёшь, сержант Скотт, — невесело усмехнулся Майло.

Я ценил нашу дружбу, мы через многое вместе прошли, но отстойно, что он видел меня в самые паршивые моменты после того, как я вернулся из Калифорнии три года назад. Тогда-то и был последний раз, когда мы виделись с Чарли.

— Ничего не будет, мы просто поговорим, — подав ему бутылку с пивом, сказал я, но даже меня самого это не убедило. — У неё отец умер, Майло. Чарли нужна поддержка сейчас.

— Где она была, когда поддержка нужна была тебе? — справедливо заметил мой друг.

Слова Майло заставляли меня злиться на Чарли, а этим вечером я не хотел быть злым на неё.

Майло никогда не был знаком с Чарли лично, но недолюбливал её, и в этом моя вина. Я слишком часто напивался и жаловался на неё. Он не мог знать, что Чарли была не только бессердечной эгоисткой, как он мог подумать из моих рассказов.

Чарли была лучшим другом и девушкой, которую только можно пожелать. Поэтому я не знаю, что именно пошло не так и где мы сломались, потеряв нас.

Я сижу в машине перед домом Чарли, не решаясь выйти. Но здесь хватает других авто, поэтому не думаю, что привлекая много внимания. Мы просто поговорим, это займёт всего пару часов. Нам даже не надо касаться прошлого. Мы не будем вспоминать о том, что случилось в Калифорнии. Потом я уеду, а Чарли вернётся в Лос-Анджелес, и я снова буду дышать в полсилы, говорить, что у меня всё заебись, а один я, потому что у меня нет времени на постоянную подружку. Иногда буду напиваться и звать во сне Чарли и подышать, потому что

каждый день без неё это медленная смерть.

Я жалок, потому что люблю её спустя всё это время. И я ненавижу её за то, что люблю.

«Ох уж эти короткие юбки!»

2003

На следующее утро после поцелуя Олли впервые за последний месяц проснулся не с мыслью о том, что мама ушла, а о Чарли. Он вспомнил, как его язык был у неё во рту, и как она ёрзала на нём, пока он был весь такой возбуждённый, и Олли вновь испытал желание.

Вот уже долгое время утренний душ Оливера сопровождался мастурбацией. Он пытался представлять Ребекку Ромейн или Никки Тейлор, но всегда неизменно перед внутренним взором возникала Чарли в своём оранжевом бикини.

Это бикини стало пыткой для него этим летом. Олли негодовал про себя из-за того, что она его купила, потому что купание в общественном бассейне стало для него проблемой. Было лучше, когда она носила сплошные спортивные купальники и её груди не выделялись так сильно.

Подумав о груди Чарли, Олли вымученно застонал, выскочил из постели и понёсся в ванную.

Душ сегодня будет холодным.

У Олли и Чарли было два совместных предмета, и химия была одним из них. Олли любил химию, а вот Чарли она не давалась. Если бы Олли не был её партнёром по лабораторным, Чарли бы давно завалила предмет.

— Что ты делаешь? — покосился на Чарли Оливер — голос его прозвучал севшим шёпотом. Олли очень старался слушать пояснения мистера Хитча к сегодняшней лабораторной работе, но это трудно, потому что колено Чарли его отвлекает. Оно бьётся о ногу Олли. Голое колено Чарли, потому что она пришла в юбке.

С каких пор Чарли носит юбки?

— Я ничего не делаю, Олли, — невинно улыбнулась ему Чарли, кусая кончик карандаша. Она видела мучения Олли, и это было очень забавно.

— Ты меня отвлекаешь.

Он опустил взгляд вниз — её колено как раз в очередной раз ударилось о его бедро.

— Мне перестать? — Чарли подалась к нему, заглянув в глаза. Олли уловил запах её мятной жвачки; почувствовал тепло её тела.

Настанет когда-нибудь момент, когда он сможет не думать о теле Чарли хотя бы пять минут?

Он хотел ответить ей утвердительно, но это была бы неправда, поэтому Олли промолчал, вернув внимание учителю. Попытавшись это сделать.

— Олли, — Чарли ещё ниже наклонилась к нему, — мне скучно.

Оливер закатил глаза. Начинается. Так всегда. Когда дело доходит до лабораторных, она жалуется на скуку и, вместо того чтобы помогать или хотя бы не мешать, всячески отвлекает его.

— Терпи, Чарли, звонок будет через тридцать минут, — не проявил сочувствия Олли.

Чарли надулась.

— Олли, а ты думал обо мне вчера после того, как я ушла?

«Сгорание метана в кислороде воздуха. Думай Олли, думай...»

— Угу.

Было очень трудно не посмотреть на толкнувшее его колено, но он сдержался.

— Конечно же, думал, — заулыбалась Чарли. — Я тоже думала, Олли.

Он хотел было спросить, что именно она думала, но мистер Хитч прервал их.

— Мисс Пирс, мистер Скотт, может, вы продолжите свой разговор после занятия?

— Простите, мистер Хитч, — изобразила раскаяние Чарли, но от Олли всё же отстала.

После химии шла большая перемена, на которой все ринулись в столовую. Все, кроме Олли и Чарли. Когда они вышли из класса, Чарли схватила Олли за руку и повела против потока голодных учеников прямо в кладовую, где уборщики хранили свой инвентарь.

— Так о чём ты думала, Чарли? — спросил Оливер, когда они оказались за дверью, отгородившись ото всех. Теперь, когда у них не было в свидетелях учителя и двадцати других студентов, Олли хотелось проделать всё, о чём он мечтал, пока Чарли изводила его своим чёртовым коленом.

— Думала, что мы много времени потеряли, Олли, — засмеялась Чарли, толкнув его на стену. — Начнём с поцелуев, нам многое надо наверстать.

В скором времени они отточили это занятие до идеала.

Оливер

— А я уже думала, что ты не придёшь, — слабо улыбнувшись, сказала Чарли, когда я отыскал её на кухне.

Большая часть гостей уже разъехалась, но я и не хотел делить внимание Чарли с кем-то.

Ладно, кого я обманываю — этот визит был плохой идеей, потому что нахождение рядом с Чарли более минуты грозит мне рядом ошибочных решений.

— Но я ведь обещал.

Чарли задержала на мне взгляд, потом кивнула и, достав из холодильника пиво, предложила выйти на задний двор.

— Ты не против, если я быстро схожу переоденусь? Весь день мечтаю снять это платье.

Я ответил, что нет, хотя мне и нравилось, как она выглядела в чёрном платье с коротким рукавом и длиной до колен.

Но Чарли нравилась мне любой. Так что в этом на меня нельзя было полагаться.

Она вернулась очень скоро в джинсах и фиолетовом вязаном свитере, опустилась рядом со мной на ступеньку.

Я открыл бутылку и передал ей. Несколько секунд мы сидели в тишине, но это не особенно напрягало.

— До сих пор не могу поверить, что его нет, — тихо отозвалась Чарли, запустив руку в волосы. Я заметил, что она распустила их, хотя ранее они были собраны в пучок. Её волосы стали короче, с тех пор как я видел её в последний раз.

— Не только ты. На прошлой неделе Митч заходил в магазин, мы разговаривали, а потом я узнаю, что его больше нет. В голове не укладывается.

С отцом Чарли у нас всегда были хорошие отношения, даже когда мы больше не были вместе с его дочерью.

— Он не показался тебе нездоровым?

Я внимательно посмотрел на неё. Чарли действительно казалась несчастной.

Прежде чем ответить, пришлось проглотить ком в горле размером с Техас.

— Нет, он выглядел, как и всегда.

— Я тебе завидую, — вдруг безрадостно усмехнулась она.

Я поднял брови в немом вопросе.

— Ты видел его всего несколько дней назад, а я — больше года. Он просил меня приехать домой, Олли. А я... — Она опустила голову, ковырнув этикетку на бутылке. — Я трусила.

Догадываюсь из-за чего. Отлично, я невольно стал причиной, по которой Чарли не приезжала домой.

Вздохнув, я вытянул ноги вперёд и отважился спросить:

— Из-за меня?

Она кивнула, несмело посмотрев на меня.

— Хм. — Я провёл дрогнувшей рукой по волосам. — Чарли, я никогда не хотел, чтобы так получилось. Ты и я... — Я посмотрел на неё, и слова застряли в горле. — Я не хотел, чтобы ты оказалась в таком положении.

— Ты не виноват, Олли, — быстро замотала головой она. — Это всё я со своими глупостями. Лиз была права — всё изменилось, и мы оба неплохо устроили свою жизнь, ведь правда?

Мне показалось, что в её глазах я увидел мольбу. Она нуждалась в том, чтобы я подтвердил её слова?

Я хотел признаться ей, как паршиво мне жилось без неё всё это время, но сейчас это было бы жестоко. Даже после всего я не хотел причинять страдания Чарли.

— Конечно. — Я кивнул и поднёс бутылку к губам, подавляя желание скривиться.

Господи, просто сидеть рядом с ней и не иметь возможности прикоснуться причиняло мне боль.

— Как мистер Скотт?

Чарли немного приободрилась. Она волновалась, что моя жизнь окажется неустроенной? Испытывала ли она вину из-за этого? Я не считал, что Чарли виновата в том, как я жил сейчас, но где-то глубоко внутри испытал удовлетворение от мысли, что она могла так думать.

Я прочистил горло, прежде чем ответить.

— Неплохо, но почти отошёл от дел. В прошлом году я убедил его выйти на пенсию.

— А кто занимается магазином?

Я указал большим пальцем на себя. Чарли казалась удивлённой.

— Ты? Но ты никогда не хотел этого.

— Знаю. — Я пожал плечом, отхлебнув из бутылки. — Я много чего не хотел, но жизнь не всегда спрашивает.

Её смутил мой ответ, и между нами повисло неловкое молчание. Я пожалел, что заговорил об этом, поэтому решил выбрать безопасную тему.

— Когда ты возвращаешься в Калифорнию?

— Ещё не знаю. — Она поставила бутылку рядом с собой и обхватила колени руками. — Думаю, побуду дома некоторое время.

Не знаю, что я почувствовал больше: радость или досаду из-за её ответа. Находиться в одном

городе с Чарли... Насколько это безопасно?

— Как Джейн?

— Мама разбита.

Я понимающе кивнул.

— Хотя она неплохо держалась и всё ещё держится. Я восхищаюсь ей, — печально улыбнулась Чарли.

Я засмотрелся на неё. Некоторые вещи просто происходят, ты не можешь их контролировать. Я смотрел на её губы, которые изгибались в ранимой улыбке, и, хотя за годы, что мы провели не вместе, она изменилась, это была всё та же Чарли, в которую я влюбился, когда она вошла в класс мисс Томас.

Я всегда восхищался Чарли. Её смелости, неутомности, страстности, пылу. Она никогда не боялась жить. Она и была самой жизнью.

«Ты, я и велосипед»

2003

— Мы должны это сделать.

— Сейчас?

— Нет, не сейчас, но скоро.

Чарли засмеялась, заметив, как побледнел Олли.

— Ты же хочешь этого, не говори, что нет. Всякий раз, когда мы целуемся или просто смотрим телевизор в обнимку, у тебя встаёт.

— Обязательно говорить так? — покраснев, проворчал Олли.

Иногда Чарли его до чёртиков доводила!

— Здесь нечего стыдиться, Олли, — беззаботно пожала плечом девушка. — Я тоже возбуждаюсь, когда ты целуешь меня, просто у женщин это не так заметно.

Олли едва не застонал. Может, секса у него ещё не было, но он знал, что к чему. В конце концов, ему уже шестнадцать.

Возможно, будь это другая девушка, он бы так не переживал, но это была Чарли, а он очень боялся её разочаровать.

— В следующую пятницу мои родители с сёстрами уедут к бабушке. Я притворюсь больной и останусь дома. После школы придешь ко мне, и сделаем это.

Чарли была так спокойна, будто они собирались не первым сексом заняться, а к тесту по матанализу готовиться.

— Ты ни капли не нервничаешь?

— Из-за чего, Олли? Все через это проходят. Да я и не жду, что первый раз будет идеальным, так что не переживай ты так. — Чарли поднялась с кровати и стянула с себя красный свитер. — Лиз говорит, что это как езда на велосипеде — все падают, пока не научатся.

Рассуждая, Чарли расстегнула телесного цвета лифчик, бросив его на стул, и осталась голой по пояс.

У Оливера челюсть отпала.

— Что ты делаешь?

— Ты когда-нибудь трогал женскую грудь, Олли?

Оливеру захотелось нервно рассмеяться, что он и сделал бы, не смотри она на него так серьёзно.

— Ты знаешь, что нет.

— Пришло время, Олли, — улыбнулась Чарли. — Давай.

Она села на кровать, ожидая, что он будет трогать её грудь.

Оливер тяжело сглотнул. Что ему надо делать? То есть в фильмах особой направленности он видел, как это делается, но боялся ошибиться.

У Чарли были небольшие округлые груди с маленькими аккуратными сосками.

«Можно ли назвать соски «аккуратными»? — не вовремя подумал парень.

Как же ему хотелось её потрогать!

Всякий раз, когда Олли целовал Чарли, ему хотелось потрогать её груди, а ещё запустить руку в её трусики. Мысли смущали Оливера — из-за них он всегда возбуждался и, оказывается, Чарли это знала.

Он подсел ближе к девушке и, протянув руку, несмело коснулся её груди. Она была тёплая и очень нежная. Ему захотелось повторить, но он вопросительно посмотрел на Чарли. Она казалась расслабленной и, кажется, не была против.

Это придало Оливеру больше смелости. Он полностью накрыл левую грудь Чарли, и она приятной тяжестью легла в его ладонь. Её соски стали твёрдыми и, совсем осмелев, Олли провёл большим пальцем по одному.

Чарли тихонько вздохнула, впервые отреагировав на его касания. Олли настороженно взглянул на неё, но она успокаивающе улыбнулась ему.

— Мне просто приятно, Олли. Продолжай.

Продолжать. Так, что он должен делать дальше? Что делали мужчины в тех фильмах, которые он смотрел тайком?

— Чарли, можно я поцелую твою грудь? — негромко спросил Оливер, думая только об одном.

«Я собираюсь целовать грудь Чарли. Целовать грудь Чарли...»

— Олли, ты можешь делать всё, что хочешь, — заулыбалась она. — Может, если я лягу, тебе будет удобней?

Чарли перебралась на середину его полутораспальной кровати, положив голову на подушку.

В голове Олли мелькнула мысль попросить её не ждать следующей пятницы. Желание и нетерпение пересилили неловкость и волнение.

«Только бы всё не испортить», — про себя молился он, наклонившись для поцелуя.

Кажется, соски Чарли стали твёрже — как и сам Олли...

Высунув язык, он провёл им снизу вверх по соску. Чарли чуть вздрогнула, но он уже знал, что это от удовольствия, поэтому повторил.

Чарли прикрыла глаза, закусив уголок рта. Её дыхание стало беспокойней. Она задумала это в качестве эксперимента, ни на что особо не рассчитывая, но неожиданно это оказалось очень приятно.

Живот Чарли напрягся, и она шумно выдохнула, когда тёплые губы Олли обхватили сосок. Чарли подняла руку и принялась перебирать мягкие волосы Олли, пока он всё смелее и смелее целовал её грудь. Чарли издавала тихие стоны, которые становилось всё трудней сдерживать.

Она почувствовала руку Олли на своем животе, и рука двигалась вниз, медленно приближаясь

к поясу джинсов.

— Чарли, — с надеждой выдохнул Олли, поднявшись, чтобы посмотреть в её глаза.

Глаза Чарли сверкали, щёки покрылись румянцем, и она сбивчиво дышала, но не попросила остановиться. Нет, ей очень хотелось, чтобы он продолжил.

Неверные пальцы Оливера коснулись пуговицы на её джинсах, когда внизу хлопнула дверь.

— Вот чёрт!

Оливер шархнул назад, да так, что оказался на полу. Всё произошло так быстро и комично, что Чарли не удержалась от смеха, хотя надо было скорее одеваться, иначе мистер Скотт мог их застукать. Обычно он не возвращался до закрытия магазина, но сегодня пришёл пораньше.

— Чарли, прекрати! — Оливер бросил ей лифчик и свитер, злясь от того, что ударился об пол и от реакции Чарли.

Нашла время смеяться!

— Ты в порядке? — чуть успокоившись, спросила она, быстро натягивая свою одежду.

Где-то в кухне раздавались шаги мистера Скотта.

— Угу. — Олли, до ужаса смущённый, почесал затылок.

— В следующую пятницу, Олли. — Соскочив с кровати, Чарли чмокнула расстроенного парня в щёку. — Ты, я и велосипед, — лукаво подмигнула она ему.

Чарли

На следующее утро после похорон я проснулась, когда на улице только занимался рассвет. Не было ещё и семи, можно было поспать, но, полежав несколько минут в утренней тишине, я поняла, что уснуть больше не удастся.

Набросив поверх пижамы халат, я тихо вышла из комнаты. Старые половицы знакомо поскрипывали под ногами; верхняя балясина лестницы шаталась с тех пор, как я была подростком; а вот вмятина в деревянных панелях — она появилась там, когда я запустила книгой в Лиз, а попала в стену.

Всё в этом доме до последнего гвоздика было знакомо мне, всё оставалось на своих местах. Только папы больше не было.

Хозяин ушёл и никогда больше не вернётся.

В кухне, к своей неожиданности, я застала маму. Обхватив чашку с кофе, она пристально смотрела в окно, но мне подумалось, что вовсе не улицу она видела там.

Вчера мы толком не поговорили, но избегать друг друга вечно мы не можем.

— Доброе утро.

Мама повернула голову и мгновение так смотрела на меня, будто не узнавала, кто перед ней.

— Кофе там, — махнула она в сторону кофейника, вновь отвернувшись к окну.

Я взяла чашку и налила кофе доверху.

— Ты рано встала.

Мама вздохнула.

— Я и не ложилась. Не могу спать в кровати, в которой нет Митча.

Я позволила своему лицу исказиться — хорошо, что мама не видела.

— Может, тебе стоит... — Я прочистила горло, чуть повысив голос. — Попробовать сменить обстановку на время?

— Это не поможет. — Мама отошла от окна и теперь смотрела на меня. — Нет, не поможет.

— Если ты не против, я бы хотела побыть немного дома.

— Почему я должна быть против, Чарли? — Она слабо пожала плечами. — Оставайся.

Признаться, я испытала облегчение, потому что не была уверена, что она не откажет.

— А как же твоя работа? Разве тебя не ждут в Калифорнии?

Я покачала головой.

— Ничего такого, что не сможет подождать.

— Оливер вчера приезжал? — внезапно спросила мама.

Я думала, что она не видела его, потому что к тому моменту уже поднялась к себе.

— Да, мы поговорили немного. Ничего такого.

Я чувствовала себя обязанной оправдаться. Мама молчала несколько секунд, чем заставляла меня нервничать. А потом сказала то, что я ожидала услышать меньше всего:

— Ты должна была ему сказать, Чарли.

И после этого я осталась одна в кухне.

Мне нужно было чем-то занять свои руки, чтобы не было много времени на разные ненужные мысли. Я обошла весь дом и нашла то, что должна была сделать.

Уже выйдя из машины на парковке «Стройматериалы Скоттов», я засомневалась в правильности своего решения.

Мне нужен был лак, а ещё я хотела увидеть Олли. Не было необходимости лгать себе в том, что это не так. Вчера мы расстались, как и положено старым друзьям. За исключением некоторых неловких моментов всё прошло неплохо. А сегодня я вновь испытала необходимость увидеть его.

Но может оказаться, что его здесь и нет.

В зале и за кассой было пусто. Я огляделась, и на моём лице невольно отразилась улыбка — сколько же времени мы с Олли проводили в этом магазине, будучи детьми!

Как я помнила, раньше офис мистера Скотта располагался на третьем этаже. Может быть, теперь там офис Олли. Не давая себе возможности передумать, я поднялась по лестнице наверх, но офис также оказался пуст.

Хм. Где же все? Не может же быть, чтобы в магазине никого не было, иначе он не был бы открыт.

Я закрыла дверь офиса в тот момент, когда дверь напротив, что вела когда-то в пустующую квартиру, открылась, выпустив Олли.

— Эй, а я тут...

Я запнулась, заметив вышедшую вслед за Олли девушку, которая на ходу застегивала свою блузку.

Оливер

Дерьмо!

Де-рь-мо!

Вот Д.Е.РЬ.М.О!

Чарли побледнела, заметив Джулз. Не было никакого сомнения, чем мы там занимались. И Чарли это увидела. Не думаю, будто она ожидала, что я буду вести жизнь монаха, но... лучше бы

она этого не видела.

После нашего вчерашнего разговора вечером, я был немного не в форме. То есть всё прошло лучше, чем можно было ожидать, но, когда я вернулся домой, мне по-настоящему стало паршиво.

— Привет, — выдавил я, борясь с желанием убедиться, что моя ширинка застёгнута. В плохих комедиях они всегда оказываются расстёгнуты не вовремя.

— Внизу никого не оказалось, поэтому я... — Она не договорила, махнув себе за спину. Я хорошо знал Чарли, чтобы понять, что прямо сейчас она подумывала о побеге.

— Ленни опять ушёл курить, — закатила глаза Джулз. — Он должен был смотреть за залом.

Чарли перевела на неё растерянный взгляд. Я не знал, что должен делать. Представить их друг другу?

«Чарли, это Джулз. Она не моя девушка, как ты могла подумать. Мы просто иногда трахаемся с ней».

«Джулз, а это Чарли. Вот собственно и всё — моя Чарли. Если у тебя есть свободный день, я объясню тебе, кто такая Чарли. Если коротко — мы были женаты, но как-то не сложилось».

— Пойду верну Ленни к работе.

Джулз ушла, оставив нас одних. Скорее всего, ощутила напряжение, витавшее в воздухе.

— Мы с Джулз...

— Это не моё дело. — Чарли быстро затрясла головой, улыбнувшись. — Я не хотела вам помешать.

— Ты не помешала, мы как раз закончили...

Я заткнулся, прикусив язык. Ну ты и тупица, Оливер! Мысленно я уже стоял у стены и бился об неё головой.

— Лак!

— Что?

— Мне нужен лак, я потому и приехала. Хочу беседку покрыть лаком, а дома не оказалось, так что я тут, чтобы купить лак.

Чарли частила, а частила она тогда, когда очень волновалась. Я сделал вывод, что увиденное впечатлило её, и сильно.

— Пойдём, я помогу тебе.

Мы с Чарли спустились в торговый зал, и я провел её в отдел лакокрасочных материалов. Она казалась рассеянной и, думаю, половину из того, что я говорил ей, не слышала.

— Я сам пробью твой товар, — сказал я, когда мы шли к кассе. Джулз занималась другим клиентом, но освободилась, когда мы с Чарли подошли ближе.

«Блядь, Олли, надо же было так попасть!» — невесело усмехнулся я про себя.

— А вы ведь актриса, Шарлотта Пирс, верно? — Джулз облокотилась о стойку, разглядывая Чарли. — Я смотрела сериал с вами, жаль, что его закрыли после пятого сезона. Ваша героиня Рейвен была такой классной стервой!

— Спасибо. — Чарли улыбнулась — уверен, она заставила себя это сделать. — Мне тоже нравилось это шоу.

— Вы же за него «Эмми» получили года три назад.

Чарли покачала головой.

— Только номинацию.

— О! — сникла Джулз. — Но всё равно это круто, хорошее было шоу.

Чарли лишь пожала плечами, позволив Джулз делать свои выводы.

— Я помогу тебе донести до машины, — упаковав банку с лаком, предложил я. К моему удивлению, Чарли живо запротестовала.

— Не надо! Я сама справлюсь. Спасибо, Оливер.

Она послала нам с Джулз сдержанную улыбку, развернулась и вышла из магазина. Я провожал её взглядом, пока она шла к машине и её высоко собранный хвост качался из стороны в сторону при каждом движении.

В груди у меня заныло.

— Ты её знаешь?

Джулз была неместной, поэтому она не знала нашего с Чарли прошлого.

Я кивнул, всё ещё глядя в окно, но промолчал.

— Странная она какая-то, — дёрнула плечом Джулз, разворачивая журнал, который читала во время затишья.

— Возвращайся к работе, — хмуро посоветовал я, после чего ушёл.

— Она расстроилась, когда увидела тебя с Джулз?

У Майло даже глаза блестели, когда я рассказал ему о событиях того провального утра.

— Кажется, тебя это забавляет, — недовольно посмотрел на него я.

Майло хохотнул, закинув здоровую ногу на мой столик. Сто раз просил его не делать так, но без толку!

— Ещё как! Она получила по носу, ей только полезно будет.

Я был с ним не согласен. Мне весь день хотелось позвонить Чарли и объяснить, что между мной и Джулз ничего серьёзного. Мы не вместе, но я всё равно какого-то хера считаю нужным внести ясность.

— Ты ничего не понимаешь, — покачал головой я.

— Нет, не понимаю. — Майло отхлебнул из бутылки с пивом, глядя на меня своими пронзительными тёмными глазами. Иногда мне казалось, что он видит меня насквозь, и мне это не нравилось.

— Она бросила тебя, пока ты был за тысячи миль, в настоящем пекле, и всё, чего ты дождался, это бумаги на развод и чёртово письмо! Разве так поступают с «любовью всей своей жизни»? — издевательски повторил он слова Чарли.

Зря я позволил ему прочитать то письмо. Но в тот момент я был оглушён её желанием покончить с нашим браком и нами; мне было плевать, что ещё кто-то увидит его.

— Я не ищу оправданий ей, ясно? — я повысил голос, начиная раздражаться. Не на него, а от того, что его слова были правдой, и я знал это. Я знал это и всё равно не мог удалить Чарли из своего сердца.

— Нет, ищешь, — не согласился он, снисходительно хмыкнув. — Знаешь, что ты делаешь?

— Что же, умник?

Я встал с кресла и принялся расхаживать по комнате. С приездом Чарли появилось слишком много волнения.

— Ты надеешься!

Из его рта это прозвучало как обвинение.

— Ты надеешься, что теперь, когда она вернулась, между вами вспыхнут старые чувства и вы заживёте долго и счастливо. Что всё это время она раскаивалась, что бросила тебя и теперь хочет вернуться. И ты ждёшь, что она придёт к тебе и попросит начать всё сначала!

— Херня это всё! — злобно усмехнувшись, ткнул пальцем в его сторону я, а у самого кишки от ужаса скрутило. Он обнажил все мои мысли, в которых я сам себе признаться боялся.

— Скажешь, я не прав?

— Скажу, чтобы ты заткнулся! — не вытерпел я, чем только вызвал его смех.

— Что и требовалось доказать.

Я уставился на него, приготовившись послать его подальше с его долбаным психоанализом, но в этот момент позвонили. Сделав глубокий вздох, который должен был меня успокоить, я открыл дверь, меньше всего ожидая увидеть за ней Чарли.

— Я тут выпить решила. Составишь мне компанию? — Она подняла руку с бутылкой текилы, немного нервно улыбнувшись.

Я молча отступил, давая ей пройти, от удивления не зная, что и сказать. Сегодня утром, когда она вышла из магазина, я думал, что она больше не захочет и говорить со мной.

Чарли медленно огляделась, осматривая моё жильё и, заметив на диване Майло, растерялась.

— О, привет!

Чарли улыбнулась Майло, на что тот с кислым видом помахал ей.

Я послал ему предупреждающий взгляд.

— Чарли, это Майло, мы с ним служили вместе. Майло, это Чарли.

— Наслышан. — Он оскалился. Вообще-то это была улыбка, но он мог и лучше. Только слепой и глухой не уловил бы неприязни в его голосе.

Чарли казалась сбитой с толку таким приёмом.

— Садись где удобно. — Желая сгладить неловкость, я указал ей на диван, половину которого занимал развалившийся Майло — он и не думал двигаться.

Чарли выбрала кресло.

Я сходил на кухню за шотами, приказывая своему чёртовому сердцу не сходить с ума. Майло здесь, он не даст мне натворить глупостей. Он станет нашим буфером.

— Мне нравится, как ты всё здесь обустроил, — похвалила Чарли, когда я вернулся.

— Отличная берлога холостяка, — вставил Майло, за что получил от меня недовольный взгляд.

Похоже, именно он мог стать проблемой.

— После возвращения я некоторое время жил с отцом, но потом перебрался сюда. Квартира всё равно пустовала.

Я вскрыл бутылку и наполнил наши с Чарли шоты. Вопросительно посмотрел на Майло.

— Я пас, этого хватит, — поднял он своё пиво.

— Надеюсь, я вам, ребята, не помешала? — Чарли посмотрела на нас с Майло, и, пока друг ещё чего-нибудь не ляпнул, я поторопился ответить:

— Абсолютно нет.

— Дома стало невыносимо без отца. Постоянно прислушиваюсь, не услышу ли его голос. — Она закусила губу, пожав плечами.

Внезапно мне захотелось, чтобы Майло тут не было.

— За Митча, — поднял свой шот я. Майло тоже глотнул пива, ему хватило благоразумия промолчать.

За первым шотом последовал второй, благодаря которому мы с Чарли немного расслабились.

Я так точно.

— Ты ведь не из Гери, Майло? — дружелюбно спросила у моего боевого товарища Чарли.

— Не-а, — Майло лениво покачал головой и закурил. — Из Вегаса. Я проездом в Гери.

— Ты живёшь тут почти три года, чувак.

Он дёрнул плечом.

— Всё равно это временно.

Я не стал спорить. У Майло были свои проблемы, которые он, как мог, решал.

— А ты, значит, в Лос-Анджелесе? Голливуд, огни и сияние звёзд — мечта осуществилась? — небрежно спросил он, из-за чего мне захотелось его стукнуть.

— Не было никакой мечты, — криво усмехнулась Чарли. — Я тоже проездом в Лос-Анджелесе.

Ответ Чарли не удивил меня. На самом деле я больше удивился, когда узнал, что она снимается на телевидении. Чарли никогда не грезила Голливудом, это точно.

— Мне кажется, что все актрисы эгоистичны. — Майло поскрёб свой подбородок. — И тщеславны.

Я чуть не подавился своим языком. Что он нёс?

— Если я не прав, разубеди меня.

Он развёл руками, посмотрев на неё со снисходительной улыбкой. Чарли опрокинула третий шот, заулыбавшись столь знакомой улыбкой, что у меня перехватило дыхание. Она собиралась ответить ему, и Майло мог не понравиться её ответ.

— Не стану тебя разубеждать. Ты прав. — Чарли заправила волосы за уши и бессознательно провела языком по губам. У меня всё внутри заныло: я хотел повторить это движение, хотел испробовать её на вкус после всех этих лет.

Вкус Чарли ни с чем не сравнится.

— Мы, актрисы, эгоистичны до мозга костей. Мы тщеславны, ты прав, безусловно. В каждой комнате моего дома висит зеркало, потому что я должна знать, что выгляжу идеально. А ещё мы глупы. Да, очень глупы. — Чарли откинулась на спинку кресла, задумчиво кивнув. Текила уже подействовала на неё.

Как и на меня.

Майло молчал. Ну, ещё бы: он не знал, что ответить на это.

— Мне надо отлить.

Я поднялся и ушёл в ванную, надеясь, что за пару минут, в течение которых меня не будет, эти двое не поубивают друг друга.

Чарли

— Что ты делаешь?

Другу Олли я не нравилась, это точно. Задевало ли меня это?

Немного. Не из-за того, что этот парень враждебно был настроен ко мне, а потому что Олли рассказывал ему обо мне — и не лучшие вещи, по всей видимости.

Я заслужила это. Наверное. Нет, точно заслужила. Но ведь это Олли! И это так ранит!

— Что я делаю? — с вызовом посмотрела на него я.

— Ты снова хочешь заставить его страдать? Тебе мало, что ты уже раз сломала его?

— Что? — Я обескураженно моргнула. Почему этот парень, которого я не знала, говорил мне всё это? И чем были его обвинения: собственными выводами или словами Олли? — О чём ты говоришь? — мой голос перешёл на растерянный шёпот.

Он хмыкнул.

— Ты знаешь, а если нет — тогда ты дура. Ты растоптала его, и теперь, когда он только стал восстанавливаться, ты вновь возвращаешься и пудришь ему мозги!

Слова Майло просто как пощёчины хлестали меня, причиняя боль. Я хотела, чтобы он заткнулся, потому что слышать о том, что я сотворила с Олли, было невыносимо. Я никогда не хотела, чтобы Олли страдал из-за меня, но тогда я думала, что уберегаю его от ещё большего потрясения.

Не было и дня, когда бы я не пожалела, что так отвратительно поступила с ним. Но я и не предполагала... Я думала, что он давно перешагнул это, и у него всё наладилось.

Боже!

Я моргаю, когда на глазах выступают слёзы; меня тошнит.

— Оставь его в покое, потому что с него уже хватило тебя, — подавшись вперёд, негромко сказал Майло. — Ты сделала достаточно, чтобы испоганить ему жизнь.

Я поднялась рывком; голова закружилась, и желчь подкатила к горлу, но меня это не остановило.

Не стоило приходить сюда!

«Ах, Чарли...»

Оливер

Я ополоснул лицо холодной водой и уставился на своё отражение.

«Возьми себя в руки, Скотт. Она твой друг. До того как вы поцеловались на крыше твоего дома и всё усложнилось, она была твоим другом. Помни об этом».

Но не всё так просто, когда находиться так близко от неё и не сметь прикоснуться — самая настоящая пытка.

Я подошёл к двери и прижался к ней лбом.

Бум-бум-бум.

«Олли, Олли, плохи твои дела, ты и сам это знаешь».

Я вернулся в комнату с намерением не показывать Чарли, как действует на меня её присутствие, но её там не оказалось.

Чарли исчезла.

— Где Чарли, Майло?

Он указал на дверь, не глядя мне в глаза, и тогда я понял, что случилось.

— Что ты сказал ей?! — сорвался на крик я, ещё никогда так не желая врезать ему, как сейчас.

— Оливер, я не...

Дальше я не расслышал, потому что вылетел за дверь и мчался по коридору, надеясь, что успею догнать её.

Войти Чарли могла только через боковую дверь, потому что магазин был уже закрыт. Выскочив на улицу, я перегнулся через перила и выдохнул с облегчением — её машина всё ещё стояла внизу.

Бросившись вниз по металлической лестнице, я выкрикивал её имя.

— Чарли! — Я подбежал к машине, хлопнув по окну, и она опустила стекло, отвернувшись от меня.

Чарли плакала?

Я почувствовал своё сердце у себя в горле.

— Чарли, — тише позвал я, но она только мотнула головой и издала что-то похожее на задуманный всхлип. — Тебе нельзя за руль.

Я хотел любой ценой задержать её, потому что всё, о чём сказал Майло, было правдой. Я испытал надежду, когда она вернулась. Это опасное чувство: до тех пор, пока вы можете испытывать надежду, ваше сердце будет разбиваться вновь и вновь.

— Я и не собираюсь, — тихо отозвалась она, шмыгнув носом. — Сейчас вызову такси.

Я положил руки на крышу машины, опустив голову. Как мы дошли до всего этого?

Несмотря на всю необузданность и порой беспечность, в Чарли всегда присутствовала некая ранимость, которую я любил в ней.

В Чарли я любил всё. Может быть, я мазохист или просто глупец, но даже после того, как Чарли оставила меня с разбитым сердцем, она по-прежнему была лучшей женщиной для меня.

— Что бы не наговорил тебе Майло...

— Он не сказал ничего, кроме правды, — быстро перебила она, смахнув со щёк слёзы. — Я ужасный человек, Олли, и я очень плохо поступила с тобой.

Чарли взглянула на меня своими печальными заплаканными глазами, и словно чей-то невидимый кулак ударил меня под дых, вышибив весь воздух.

«Бейся, сердце, бейся».

— Я никогда не хотела сделать тебе больно, Олли, — так тихо, что я едва расслышал, прошептала Чарли. — Ты меня, должно быть, ненавидишь, и я принимаю это, потому что у тебя есть все основания, но знай: я никогда не хотела, чтобы получилось так.

Я не знал, что сказать. Просто в тот момент я понял одно: во мне не было ненависти к Чарли. Обида, злость и непонимание — но не ненависть. Когда любишь так сильно, как я любил Чарли, места для ненависти не остаётся.

«Притворщица»

2003

— Ты опоздал. Я уже думала высылать за тобой поисковую команду, — сообщила Чарли, впустив Олли в дом.

Да, он опоздал, но ему нужно было как следует подготовиться перед самой ответственной ночью в его жизни.

Принять душ, тщательно почистить зубы. Дважды. Выбрать, что надеть — обычно это решается за секунды, но сегодня ушло минут десять. Убедиться, что на носках отсутствуют дырки. Взять презервативы.

Обязательно взять презервативы.

Олли нервничал так, как ни перед одной игрой в лакросс с противником.

— Что? — спросил он, когда Чарли отступила и принялась его рассматривать.

— Ничего. — Чарли заулыбалась, закусив губу. Она тоже волновалась, но в отличие от Олли ей лучше удавалось скрывать это.

— Чарли, что?

— Просто не ожидала, что ты наденешь рубашку.

— Не надо было? — сник Олли. Ну вот, а ведь он хотел как лучше!

— Всё отлично, Олли! Ты красавчик. — И Чарли не преувеличила. Олли и правда был неотразим в голубой рубашке, которая очень шла к его голубым глазам. — Пойдём!

Чарли взяла его за руку и повела в свою комнату. Дом был в их распоряжении на всю ночь: родители с сёстрами вернуться только завтра вечером. Утром Чарли пожаловалась на недомогание, правда, оказалось проблемой убедить маму не оставаться с ней. Весь план мог пойти прахом, если бы мама осталась ухаживать за ней.

— Хочешь, я включу музыку? — предложила Чарли.

Олли рассеянно кивнул.

«Господи, не дай мне облажаться!»

Если что-то пойдёт не так, или Чарли не понравится, она может больше никогда не захочет делать этого с ним.

Чарли включила музыкальный центр – и комнату наполнили звуки Destiny's Child — Олли не очень жаловал эту группу, но Чарли нравилось.

— Хочешь раздеть меня, или мне самой?

Олли с усилием сглотнул. Его ладони потели, да и руки могли начать дрожать...

— Давай ты сама.

Чарли понимающе улыбнулась, но ничего не сказала. На ней был топ и светлые джинсы. Она начала с верха — стянула топ и осталась без всего. Лифчика на ней не было.

Оливер застыл, глаза на неё. Он сейчас что, увидит её полностью голой? Как и она его.

«Конечно, тупица! Сексом же не в одежде занимаются».

Не догадываясь о панике в голове Олли, Чарли спустила джинсы и переступила через них, оставшись в одних фиолетовых кружевных трусиках, которые купила специально к сегодняшнему дню. Она ожидала, что ей будет неловко раздеваться перед другом детства, но оказалось всё куда проще.

— Олли, ты собираешься оставаться в одежде? — подразнила его Чарли.

— Нет. — Он покачал головой, за улыбкой пряча страх.

И чего он так разволновался? Чарли и не ждёт чего-то необыкновенного в первый раз. Она сама так сказала.

— Хочешь, я лягу под одеяло? — предложила девушка. Пока Олли раздевался, она выключила верхний свет, оставив пару неярких ламп.

— Как хочешь, если тебе будет удобней.

Чарли отбросила одеяло и легла в постель. Она, конечно, храбрилась перед ним, но теперь и сама не могла унять волнение, которое скручивало желудок в узел. Как бы сегодня все ни прошло, она любила Олли, и только с ним должен был случиться её первый раз.

Олли разделся до трусов и, подойдя к кровати, опустился на край. Чарли лежала под одеялом,

нервно поджимая пальцы на ногах.

— Олли, ты взял презервативы? — спросила девушка. Даже если он и забыл, она тоже раздобыла парочку, на всякий случай.

— Да! — Оливер вернулся к джинсам, достав из кармана пакетики с презервативами. — Так... как ты хочешь: я буду сверху, или, может, ты? — неуверенно посмотрел он на Чарли.

Она улыбнулась.

— Ты сверху, Олли. Мы просто сделаем это и всё. — Чарли села на постели, и их лица оказались напротив друг друга.

— Если ты не хочешь, мы можем подождать. Нам не обязательно спешить, ты знаешь.

Чарли терпеливо вздохнула.

— Олли.

— Что?

— Снимай трусы.

— Ладно. — Он улыбнулся. Это было даже забавно. Немного. — Знаешь, я сейчас... Ну, он немного не в форме.

Оливер так распереживался, что не мог достичь того состояния, которое обычно легко достигалось в присутствии Чарли.

Девушка закусил губу, когда Олли стянул с себя боксеры и покраснел. Хотелось смеяться. Не потому, что у него там было что-то смешное, а из-за возрастающего нервного напряжения.

Чарли сдержалась. Если бы она рассмеялась, бедный Олли точно психанул бы.

— Иди сюда, Олли. — Чарли отодвинула одеяло и протянула к нему руки. Оливер лёг сверху, и теперь голые груди Чарли касались его груди.

Да, это сработало. Олли задышал чаще, прислонившись своим лбом ко лбу Чарли. Так они лежали пару минут, не двигаясь, не разговаривая, деля одно дыхание на двоих.

— Чарли, — прошептал Олли, которому теперь очень хотелось оказаться внутри неё. Запах Чарли и нежность её кожи сводили его с ума.

— Что, Олли?

— Мы можем... — Он запнулся, но спасибо Чарли — она всё поняла.

— Я готова, Олли, — прошептала девушка.

Олли сел, разорвал пакетик с презервативом и раскатал — благо всё получилось, не зря ведь тренировался перед этим. Тем временем Чарли стянула нижнее бельё, которое всё ещё оставалось на ней.

Оливер резко глотнул воздуха, а сердце заколотилось сильнее. Ему хотелось трогать и трогать Чарли, касаться её везде, целовать её светлую нежную кожу. У него разум туманился от неё.

Чарли кусала губы и не знала, куда смотреть, когда Олли расположился между её ног, полностью готовый.

Она бравировала, а теперь испугалась, как эта «штука» окажется в ней.

— Готова?

— Угу.

Чарли закивала, заставив себя улыбнуться. Олли накрыл её собой.

«Вау! Как же это охрененно!» — думал Олли, дюйм за дюймом проникая в тело Чарли.

«Твою мать, больно-то как!» — подумала она.

— Чарли! — позвал под дверью Олли. — Чарли, ты в порядке? Ты там уже давно.

Дверь ванной медленно открылась, и показалось бледное лицо Чарли.

— Всё хорошо, Олли. — Она сделала попытку улыбнуться, но вышла жалкая гримаса.

— Прости меня, Чарли. — С сожалением посмотрел на неё Олли. Ему было стыдно: Чарли испытала боль и ничего больше, тогда как ему было так хорошо, как никогда прежде.

Разве ему может быть хорошо, когда она страдает?

— Олли, перестань, ты не виноват, — попросила Чарли. Она не хотела, чтобы он корил себя. Она сама это предложила. Просто Чарли не была готова, что будет *ТАК* больно.

Ей хотелось забраться под одеяло и неделю не вылезать из постели.

Чарли тихонько вздохнула, посмотрев на смятые простыни. На них осталась её кровь. Надо было постирать их прежде, чем вернутся родители.

— Что ты делаешь? — спросил Олли, когда Чарли начала стягивать простыни с кровати. Он маячил за её спиной, как неприкаянный щенок. Ему хотелось облегчить её страдания, но он не знал, что сделать.

— Нельзя, чтобы кто-то увидел их в таком виде.

— Давай, я сам всё сделаю.

Олли забрал у Чарли бельё и отнёс его в подвал, где у Пирсов стояла стиральная машинка и сушилка. Поставив бельё на стирку, Олли поднялся в кухню и приготовил для Чарли горячий шоколад с зефиринками, который она так любила.

Чарли лежала на кровати, когда Олли вернулся.

— Держи. — Он передал дымящуюся чашку Чарли. Она улыбнулась ему и подула на горячий напиток.

Олли присмотрелся к Чарли — кажется, она уже не была такой бледной. Он протянул руку и заправил прядку волос ей за ухо.

— Хочешь, чтобы я ушёл?

Чарли отпила шоколад, облизнув верхнюю губу.

— Хочу, чтобы ты лёг рядом и обнял меня.

От её ответа у Олли от сердца отлегло. Просить дважды его не пришлось.

— Мы больше никогда не будем заниматься сексом, — заявил Олли, хотя прямо сейчас ему хотелось повторить всё. Только без той части, где Чарли больно.

Тело Чарли затряслось от тихого смеха.

— Олли, не смейся меня, — протянула она жалостливо.

Он улыбнулся и поцеловал её в висок.

— Велосипед, Олли, велосипед, — прошептала Чарли, прежде чем её веки сонно опустились.

— Просыпайся, Олли!

Нежный шёпот проник во всё ещё сонное сознание Оливера. Просыпаться не хотелось, слушать бы и слушать этот ласковый голос, доносившийся слово издалека.

— Олли, просыпайся! — повторила Чарли, склонившись к самому его уху.

Оливер раскрыл глаза. Моргнул, но это правда была Чарли. Сидела поверх него и широко улыбалась.

— Что ты здесь делаешь? — хриплым спросонья голосом спросил парень, покосившись на прикроватные часы.

Шесть сорок пять утра. Да эта девушка сошла с ума!

— Ты не рад меня видеть? — притворно надулась Чарли.

— Что? — Оливер сел, взлохматив и без того спутанные волосы. Проморгавшись, он вновь посмотрел на неё, пытаясь сообразить, что происходит. — Чарли, ты время видела?

— Солнце давно встало, как и кое-что другое, — усмехнулась она, проведя ладонью по его паху, прикрытому одеялом.

Олли дёрнулся.

— Чёрт, Чарли!

Он выскочил из постели, поспешно натянув на себя спортивные штаны. То, что он был возбуждён, скрыть не удалось. Олли вышел из комнаты, направившись в ванную. Чарли по пятам следовала за ним. Она видела, как мистер Скотт уехал минут десять назад, и не боялась быть застигнутой в неподобающее время.

— Это уже не смешно, Олли! — возмутилась Чарли, теряя терпение. Прошло две недели с их первого (и последнего) раза, а он всё не решался повторить.

— Вот именно, Чарли. Хватит меня измором брать! — И он захлопнул дверь ванной перед её носом.

Чарли насупилась. Нет, это, конечно, делает его чуть ли не идеальным парнем – его нежелание причинять ей боль, – но доходит просто до абсурда!

— Знаешь, Олли, я не стеклянная! — прокричала она ему через дверь. — Ты мой парень, а я твоя девушка, и, если я говорю, что хочу заняться с тобой сексом, ты не должен отказываться!

Никакой реакции.

Ар-р...

— Олли, ты вынуждаешь меня рассмотреть другие варианты...

Не успела Чарли договорить, как дверь распахнулась и суровый взгляд Оливера обрушился на неё.

Чарли едва не захопала от восторга.

— Ты понимаешь, что плакала в прошлый раз? — сквозь стиснутые зубы произнёс он. — Плакала, Чарли!

— А вот и нет! А если и было, то пара слезинок. Меня момент растрогал! Брось, Олли, прошло уже столько времени. — Решив сменить тактику, елевым голосом протянула Чарли. — Всё будет по-другому на этот раз.

Оливер потёр лицо ладонями, не зная, как ему следует поступить. Хотелось ли ему поддаться на её уговоры?

Безусловно! Он порой ни о чём думать не мог, кроме того, чтобы заняться сексом с Чарли. И она не облегчала ему задачу: всё время провоцировала его разговорами, поведением, взглядами. Чарли испытывала его на прочность, и Олли больше не мог сопротивляться.

Да и не хотел. Ему надоело каждое утро и вечер самоудовлетворяться, фантазируя о Чарли. Но каждый раз, когда Олли вспоминал её слезы, ему становилось плохо, и вся решительность пропадала.

— Ты такая настырная, Чарли, — с утомлённым вздохом произнёс Олли.

Чарли заулыбалась — ну вот он и сдался!

— Ты не можешь отказать мне, Олли, — нараспех протянула она. — И ты знаешь это.

Олли обхватил лицо Чарли ладонями и прижал её к стене коридора.

— А ты этим бессовестно пользуешься, — напротив её губ прошептал он, после чего поцеловал.

Чарли хотела ответить что-нибудь остроумное, но стоило его губам коснуться её, все остроты были позабыты. Чарли прикрыла глаза, погружаясь в ласку его губ. Она разомкнула губы под мягким давлением его языка, впуская в свой рот.

Олли застонал, уткнувшись в шею Чарли. Он чувствовал, как неистово бьётся её сердце, словно зеркальное отражение его собственного.

Выдержки просто не осталось. Ладно, к чёрту её!

Олли схватил Чарли за руку и едва не потащил в свою комнату. Девушка еле поспевала за ним. У Чарли глаза сияли и покраснели щеки от предвкушения. Таким несдержанным она ещё Олли не видела.

— Если тебе будет больно, ты мне скажешь, — хрипло пробормотал он, серьёзно взглянув на Чарли. Она поспешно кивнула.

На этот раз Олли действовал увереннее и явно торопился. Не спрашивая, он схватился за низ её футболки и стянул — Чарли только подняла руку, помогая ему. Взявшись за её шорты, он опустился, потянув их за собой, и Чарли осталась в нижнем белье.

Олли призывал себя к терпению, но понимал, что долго не протянет. Сильно, очень сильно он хотел свою Чарли, которая будто была создана для того, чтобы сводить его с ума.

Чарли сама сняла с себя лифчик и трусики, сев на середину кровати, наблюдая за Олли, который, кажется, стеснялся меньше своей наготы, чем в прошлый раз.

Олли достал презерватив из тумбочки, после чего спустил с себя штаны вместе с трусами.

«Ты сможешь, ты справишься», — убеждал он себя, надевая презерватив под игривым взглядом Чарли.

Маленькая дьяволица. Олли посмотрел на неё и усмехнулся. Он не просто любил Чарли — не мог представить своего существования без неё. Их жизни так крепко и плотно сплелись, что порой ему казалось, если вдруг эти нити разъединить, он погибнет так же, как и в отсутствии кислорода.

Чарли оказалась права — в этот раз всё вышло лучше. Намного, намного лучше.

Чарли

— Ты точно не против, если я на пару дней съезжу к бабушке? — переспросила я у мамы, когда мы завтракали.

Мама кивнула.

— Конечно. Со мной Эмили остаётся, и Лиз заезжает каждый день. Тебе не о чем волноваться, Чарли. Я в порядке.

Мама и правда неплохо держалась, но её вид волновал меня — она казалась утомлённой и осунувшейся.

— Тебе нужно есть лучше.

Я с неодобрением посмотрела на мамину тарелку, где остался почти нетронутый завтрак.

— Здесь я всё ещё мама, — слегка улыбнулась она, и это была первая улыбка на её лице с тех пор, как я приехала домой. Но пропала она так же быстро, как и появилась.

Думаю, мы обе подумали об одном, и в кухне повисла неловкая пауза, которую нельзя было не почувствовать.

— Тогда, если всё нормально, после обеда я поеду к Пет.

Я встала и, подняв наши тарелки, отнесла их к раковине, про себя молясь, чтобы мама не затронула тему, которую мы избегали последние семь лет.

— Я сама всё уберу, — поспешно сказала я, когда мама принялась убирать со стола. — Ты можешь пойти отдохнуть.

Спорить мама не стала, кивнула и вышла.

Я занялась посудой, но мысли мои были заняты Олли. Мы не виделись и не разговаривали несколько дней, с того вечера, как я заявила к нему и всё закончилось моим эмоциональным признанием.

Думаю, Олли был растерян. Во всяком случае, выглядел он неважно.

Мне нужно было меньше думать об Олли, но это было так же легко сделать, как взять и перестать дышать.

Моя бабушка Пет жила в двадцати пяти милях от Гери, в крохотном городке на берегу реки Огайо. Я взяла Buick Regal, который принадлежал отцу, и через полчаса уже поднималась на крыльцо её жёлтого коттеджа.

В детстве я всегда любила приезжать к Пет, которая до сих пор оставалась самой милой и доброй бабушкой в мире. Я поразилась, как сдала Пет, когда увидела её на похоронах, и мне стало совестно, что я не так часто навещаю её, как должна бы.

— Я очень рада, что ты здесь, Чарли. — Бабушка обняла меня и поцеловала, когда я вошла в дом. — Как мама?

Я пожала плечами.

— Держится. Она молодец.

— А ты как? — Пет погладила меня по руке, понимающе улыбнувшись.

Я чуть поморщилась.

— Тоже держусь. Но очень скучаю по папе. Мне не хватает его в доме. Смотрю вокруг — всё те же комнаты, но в то же время всё изменилось.

Пет кивнула.

— Так же и со мной было, когда твоего дедушки не стало. Эти моменты в жизни... их невозможно избежать, Чарли. Каждый человек однажды оказывается перед дверью, в которую не хочет входить.

Я задумалась над словами Пет. Внутри меня было несколько таких дверей. Какие-то закрылись навечно, а к некоторым мне ещё предстояло вернуться.

— Мне всегда нравилось здесь, — сказала я, глядя на реку сквозь окно, когда мы готовили обед с Пет. — Тут очень умиротворённо и спокойно.

Бабушка посмотрела на меня с улыбкой, но ничего не ответила.

— Ты не против, если я прогуляюсь немного перед обедом? — Внезапно я ощутила непреодолимую потребность пойти к воде. Меня будто тянуло туда.

— Конечно, иди, дорогая. Я всё доделаю сама.

Я набросила куртку и вышла из дома, по тропинке спустившись к берегу. Несмотря на то, что уже стояла весна, воздух ещё недостаточно прогрелся. Остановившись у воды, я посмотрела на сверкающую в солнечных лучах гладь реки, которая словно служила экраном для воспоминаний.

Воспоминаний, большинство из которых были связаны с дедушкой, папой и Олли — моим постоянным спутником в детских проказах.

Я даже не знаю, почему так получилось, но с первого дня знакомства с Олли мы относились друг к другу так, будто были знакомы всю свою жизнь. И теперь, после всего, что случилось с нами за прошедшие годы, мне отчаянно не хватало моего лучшего друга.

Смириться с его потерей было самым сложным. Не думаю, что я справилась.

Я прошла вдоль берега метров сто, когда нашла это — наше место. Обрывок верёвки, с которой мы ныряли в воду, до сих пор свисал с дерева. Я подняла руку, коснувшись истрёпанного конца. И по старым, изодранным ниткам сквозь пальцы и до самого сердца потекли воспоминания.

Я прикрыла глаза и замерла, боясь пропустить малейший звук. И тогда я услышала.

Это были мы с Олли. Мы всё ещё были здесь.

«Прыжок»

2004

— Прыгай! — скомандовал Олли, стоя по пояс в воде.

— Нет, я разобьюсь!

Чарли упрямо замотала головой, вцепившись в канат, и опасно поглядела вниз. Казалось, что расстояние от дерева до воды в целую милю. Олли сумасшедший, если предлагает ей такое!

— Не разобьёшься! Чарли, обещаю! Ты не доверяешь мне?

Чарли хмуро уставилась в его улыбающееся лицо. Стоит там, довольный и счастливый!

Бесит прям!

Красивый, с потемневшими от воды волосами и обнажённым торсом, который просто преобразился с тех пор, как Олли стал больше уделять внимание спорту. С каждым днём Оливер становился всё мужественней и привлекательней, черты лица теряли подростковую угловатость.

Чарли знала, что многие девчонки в школе поглядывают на него с интересом. Правда, все также знали, что Оливер Скотт до последнего волоска предан Шарлотте Пирс. Да и связываться с Чарли ни у кого желания не возникало.

Чарли была отчаянной. Пацанка. Задира. Может, она и сменила джинсовый комбинезон на юбку, но нрав остался тот же.

— Может, ты всё это спланировал? Чтобы я себе шею свернула! Если я тебе надоела, Оливер Скотт, то так и скажи.

Оливер закатил глаза, тяжело вздохнув. Всякую чушь готова нести, лишь бы не прыгать!

— Хватит время тянуть, Чарли! Не будь трусихой!

Олли даже на расстоянии заметил, как сузились её глаза. Чарли разозлилась, а он того и добивался. Чарли терпеть не могла, когда её подозревали в трусости. Покрепче ухватившись за канат, оттолкнулась ступнями от ствола и ринулась вперёд с громким криком.

Олли подплыл к Чарли, когда она вынырнула, фыркая водой.

— Я же сказал, что всё будет хорошо.

— Больше никогда не называй меня трусихой, — предупредила Чарли, обхватывая его шею руками.

Олли засмеялся, взял её за бедра, и Чарли повисла на нём.

— Мне надо было раздражить тебя, чтобы выманить с того дерева.

Чарли покачала головой и не смогла сдержать улыбку.

— Дурачок! — беззлобно проворчала она, после чего поцеловала.

Олли с Чарли вышли из реки. Время игр прошло. Купаться больше не хотелось. Чарли взяла руку Олли — их влажные от воды пальцы сплелись — и отвела в лодочный сарай, который почти не посещали после смерти дедушки.

— Смотри на меня, Олли, — негромко проговорила Чарли, развязывая тесёмки от верха бикини.

Его не нужно было просить — Олли ни за что на свете не смог бы отвести от неё своих глаз в этот момент.

Чарли сняла верхнюю часть купальника и взялась за плавки. Спустив и их, она полностью обнажилась перед Олли.

Это был не первый раз, когда он видел Чарли обнажённой. С тех пор как они стали спать друг с другом. Но каждый раз, когда Чарли раздевалась перед ним, у Олли дыхание перехватывало.

Оливер знал, что, обойдя даже весь земной шар, он не встретит девушку прекрасней, чем Чарли. И сейчас, когда она стояла перед ним обнажённая не только телом, но и душой, с влажными волосами, спутанными колечками, лежащими на хрупких плечах, он ощутил ликующий миг радости — эта девушка отдала себя ему; отдала полностью, и он, Олли, знал, что получил самый бесценный дар.

Вот кем была для него Чарли — она была его даром.

Чарли отступила назад, пока не наткнулась на деревянную стену старого сарая. Сквозь ресницы, на которых дрожали капельки воды, смотрела на Олли, и не требовалось слов, чтобы передать всё, что она чувствовала к нему и чего желала.

— Ты такая красивая, — севшим голосом прошептал Оливер, подойдя к ней и коснувшись нежной щеки. Чарли прижалась губами к его раскрытой ладони.

— Скажи, что однажды выйдешь за меня замуж, — напротив её губ произнёс Олли, поглаживая изгиб её талии.

Вверх-вниз, вверх-вниз... Так нежно, едва касаясь. Разжигая огонь в её крови.

Чарли улыбнулась.

— Однажды я выйду за тебя, Оливер Скотт.

Олли посмотрел в её глаза — посмотрел так, как только он может, словно коснувшись её души, прежде чем коснуться губами её губ.

Чарли зарылась пальцами в его волосы и стала тихонько перебирать и оттягивать, дрейфуя на волнах блаженства, которое только губы Олли могли подарить ей.

Там, в тёмном лодочном сарае, куда едва проникал солнечный свет сквозь маленькие окошки, Оливер Скотт занялся любовью со своей Чарли. Девушкой, которую поклялся любить до последнего удара своего сердца.

Чарли

Когда я проснулась на следующее утро, солнце стояло уже довольно высоко. Повернувшись на бок, посмотрела на часы — почти девять. Так долго я не спала с тех пор, как узнала, что папы

больше нет.

Поднявшись, я набросила халат поверх пижамы и вышла из комнаты, собираясь отправиться за кофе. И замерла, мгновенно полностью проснувшись — внизу кто-то разговаривал.

Поправка: не кто-то, а Пет и Олли.

Что Олли делает здесь?!

Я перегнулась через перила, но, конечно же, ничего не увидела. Они были в кухне.

— Спасибо, Пет, достаточно, — с улыбкой в голосе сказал Олли. Я готова была спорить, что он улыбался.

— Ты молодой мужчина, Оливер, тебе надо хорошо питаться, — возразила бабушка.

Что бы Олли ни делал здесь, а я не могла показаться перед ним в таком виде.

Я вернулась в комнату, скинула халат, но решила, что могу выйти в футболке и шортах, в которых спала. В маленькой ванной наверху я умылась и собрала волосы в хвост.

Ладно, сойдёт.

— Доброе утро, дорогая! — приветливо улыбнулась бабушка, когда я появилась на пороге кухни. — Садись за стол, сейчас будем завтракать.

Она указала мне на место за столом возле Олли. Будто в том, что он был здесь, не было ничего странного.

Олли выжидающе смотрел на меня — может, его волновало, как я восприму то, что он здесь? Я же и сама не могла понять, как отношусь к этому.

— Доброе утро. — Я заставила себя улыбнуться, опустилась на стул и, понизив голос, обратилась к нему: — Что ты делаешь у Пет?

— Я позвонила Олли и попросила его помочь с водостоком, и ещё небольшой участок забора требует ремонта, — вместо него ответила бабушка. Пет было семьдесят пять лет, но её слух ничуть не ослаб. — Оливер помогает мне время от времени.

Второй раз за это утро я вынудила себя улыбнуться.

— Это прекрасно. — Посмотрев на него, я (больше, чем требовалось) сдвинула вилку в руке.

Олли чуть склонил голову к плечу, а между бровей залегла хмурая складка. Он слишком хорошо знал меня, чтобы не видеть мою неискренность.

— Мне только в радость помогать Пет, — посмотрев на бабушку, отозвался он.

Пет поставила большое блюдо с беконом на стол и погладила его по плечу.

— Олли всегда был хорошим мальчиком.

«А я плохой девочкой, которая исковеркала ему жизнь», — мрачно подумалось мне.

— Ешьте.

Неудивительно, что мне кусок в горло не лез. Я сидела между ними как пришибленная и думала о том, понимает ли Пет, насколько неловкую ситуацию создала? Не может быть, чтобы из-за возраста она забыла или ещё что-то. Но нет, Пет была полностью в своём уме. Может, она думала, что поступает как лучше?

Не могла же она знать об очень напряжённой сцене между мной и Олли возле его дома тем вечером.

— Знаешь, если тебе нужна помощь, ты могла мне сказать. — Я посмотрела на бабушку с лёгким укором, надеясь, что это не прозвучит грубо или так, будто я не желаю присутствия Олли здесь. — Я же приехала, чтобы помочь тебе.

— Ты умеешь чинить заборы? — искренне удивилась Пет.

Об этом я не подумала. Ответить мне было нечего, поэтому я только сконфуженно покачала головой.

— Но я бы не отказался от твоей помощи, — внезапно произнёс Олли, глядя на меня.

— Правда? — Я даже не пыталась скрыть, как удивили меня его слова.

Он кивнул.

— Конечно, лишняя пара рук не помешает.

— Ну, вот и замечательно, — обрадовалась Пет. — А пока вы будете работать, я приготовлю вам такой обед, что вы и пальцы свои проглотить захотите.

Я подозревала, что Олли не ждал от меня большой помощи. После завтрака мы пошли к поломанному участку забора, но я не знала, чем могу помочь ему. Олли и так неплохо справлялся.

— Эту уже не починить, надо новую выпилить, — отбросив обломки планки, заключил Олли.

В сарае у Пет была небольшая циркулярная пила, с помощью которой он распилил три новых планки. Иногда он просил меня придержать кое-что, но я догадывалась, это чтобы я совсем без дела не сидела.

— Не знала, что ты навещаешь Пет, — сказала я, когда Олли прибивал планки к рейкам. Стоя позади, я могла в открытую разглядывать его, а посмотреть было на что. Не знаю — армия или тяжёлая работа была тому причиной, но он был в отличной физической форме. Было очень привычно видеть Олли в рубашке в красно-чёрную клетку, джинсах и ботинках. Его светло-русые волосы шевелил лёгкий ветерок, и я вспомнила, как любила зарываться в них пальцами.

Мне хотелось подойти и прижаться к нему, обнять крепко-крепко и представить, что последних семи лет не было.

— Иногда помогаю, когда надо, — взглянув на меня через плечо, ответил Олли.

Интересно, и почему Пет не рассказывала мне?

— А я ходила к нашему месту, — призналась я.

Стук молотка прекратился.

— Твоя верёвка всё ещё там.

Мне показалась, что его плечи напряглись. Если и так, он быстро взял себя в руки. Достал новый гвоздь из жестянки и продолжил работу.

— Никогда не забуду, как ты трусила прыгнуть, — усмехнулся он. — Наверное, это было единственное, чего ты боялась.

«Нет, далеко не единственное».

— Нам ведь было весело, правда? — Я улыбнулась, а в горле стоял ком — я могла расплакаться в любую секунду.

Олли поднялся, обернулся и посмотрел на меня долгим взглядом. Потом кивнул.

— Конечно, Чарли. Мы с тобой никогда не скучали. — Его губы дрогнули в слабой улыбке.

Я опустила голову, потому что смотреть на него было выше моих сил. Смотреть на Олли, видеть самого желанного мужчину перед собой — мужчину, которого я по-прежнему любила и всегда буду — это было мучительно.

В своей жизни я много ошибок совершила, но моя любовь к Олли не была одной из них.

— Чарли, — позвал меня Олли.

Он опустился передо мной на корточки и, взяв моё лицо в ладони, заставил посмотреть на него.

— Ты в порядке?

Я отрицательно помотала головой.

«Я не в порядке, не в порядке, Олли. С тех пор как разрушила всё между нами».

— Это не только из-за отца? — догадался он.

Я кивнула.

Олли вздохнул.

— Ты можешь мне рассказать. Я всё ещё твой друг, Чарли. Это не изменилось.

Я не выдержала. Слезы заструились по щекам. Обхватила шею Олли руками и уткнулась лицом в его плечо.

Я была дома. Рядом с ним, рядом с Олли.

Он — это и есть мой дом.

— Я уже давно подумываю о том, чтобы уехать из Лос-Анджелеса, — призналась я Олли, когда чуть позже мы сидели на берегу под нашим деревом.

Я не стала говорить, что давно сделала бы это, если бы не причина, которая удерживала меня там. Но я не могла сознаться ему. Не знаю, хватит ли у меня духу когда-нибудь.

Всегда в глазах Олли я видела восхищение и любовь, но боюсь, что, если откроюсь ему, он будет разочарован. Навсегда разочаруется во мне.

Упасть в глазах Олли — меня это пугает. Я малодушничая и понимаю это, и всё же...

— Тебе там не нравится? — Он посмотрел на меня открытым взглядом своих голубых глаз, побуждая к откровению, и я подумала: «Чарли, как же ты могла потерять этого мужчину? Как могла всё испортить? Как ты жила без него столько лет?»

Да и жила ли?

— Никогда не нравилось. — Я покачала головой, смущённо улыбнувшись.

Возможно, мне мало кто поверит, но я никогда не была в восторге от того, что волею судьбы или случая стала актрисой. Я просто делала то, что неплохо умела, но отдавала отчёт в том, что никогда не стану кем-то вроде Мэрил Стрип или Сьюзен Сарандон. Эта работа не приносила особого удовольствия, но давала финансовую защищённость. Мне нужны были деньги, а теперь, когда они у меня были, я хотела покончить с карьерой в кино.

Мне не нравилась Калифорния, я не любила Лос-Анджелес. За семь лет я не почувствовала себя там своей.

В моей жизни должны были произойти перемены.

— Ты уже думала, где бы хотела остановиться?

Я была благодарна Олли за то, что он не стал спрашивать, почему я пробыла в Лос-Анджелесе так долго, если не хотела этого.

— Я думала, что могла бы вернуться Индиану, — осторожно произнесла я, пожав плечами. — Помнишь, в детстве я мечтала открыть свой небольшой отель?

Олли кивнул.

— В последнее время я всё чаще думаю о том, чтобы сделать это.

— Уверен, у тебя получится. Если Чарли Пирс чего-то хочет, она обязательно добьётся этого, — с убеждённостью сказал он.

То, что он до сих пор верил в меня, заставило меня улыбнуться.

— Олли, а у тебя с той девушкой... Это серьёзно?

Я поклялась себе, что не стану спрашивать его о ней, но не выдержала. Мне хотелось знать, даже если его ответ и принесёт боль.

— Мы с Джулз не вместе. — Он покачал головой, проведя рукой по шее. — Мне жаль, что ты это увидела, потому что там ничего нет, Чарли.

— Просто для поддержки здоровья, да? — нервно пошутила я.

Олли усмехнулся, пожав плечами.

Мы замолчали на некоторое время, глядя на реку. Олли первый нарушил молчание:

— А тот парень, с которым ты была три года назад...

— Из этого ничего не вышло. — Я закатила глаза, махнув рукой. — Никто из нас не жалел, когда всё закончилось.

— После было что-то стоящее?

Он смотрел в мои глаза прямым взглядом и спрашивал о других мужчинах. Мне было не по себе от этого разговора.

— Ничего. Как-то... не клеится.

Я обхватила колени руками, прикусив щёку изнутри. Мне хотелось признаться ему, что все мои немногочисленные романы с самого начала были обречены на провал, потому что ни один из тех мужчин не был им.

Мы вернулись в дом, и Олли занялся трубами. Ему нужно было купить какую-то новую деталь, поэтому он отправился за ней в магазин. Ненадолго мы с Пет остались одни.

— Ты специально это устроила, — с разоблачающей улыбкой посмотрела я на бабушку, когда машина Олли отъехала от дома.

— Не понимаю, о чём ты.

Пет ответила мне невинным взглядом, продолжая нарезать морковь.

— Всё ты понимаешь. Ты хотела, чтобы мы с Олли оказались здесь вместе.

— Скажешь, что не рада этому? — Она бросила на меня недоверчивый взгляд.

— Дело не в том, ба. Просто... А если ничего не выйдет? Если для нас уже слишком поздно?

— Ну что за глупости! Чарли, вы любите друг друга и вы ещё так молоды. Сейчас нет ничего, что стояло бы между вами. Кроме вашей глупости. — Она послала мне красноречивый взгляд.

Пет говорила с таким жаром, что я и сама заряжалась её убежденностью. Но всё же это было не совсем так. Между мной и Олли стояло препятствие, о котором он и сам не знал. Оно же могло разрушить всё.

Правда. Правда была этим препятствием.

— Знаешь, когда вы поженились, я сначала подумала, что вы слишком поторопились, — продолжила Пет, не догадываясь о моих мыслях. — Вы же тогда ещё и школу не окончили! Но ты и Олли... Вы всегда были как одно целое. Будто две половинки одного человека, что идеально дополняют друг друга. Если и был кто-то, способный сделать тебя счастливой и позаботиться о тебе, то только Оливер. Поэтому я успокоилась, о чём и сказала твоей матери.

— Мы развелись, бабушка, — напомнила я. — Не слишком похоже на удачный брак.

Пет отмахнулась.

— Всего лишь бумажки. Столько лет прошло, но ни ты, ни Олли так и не смогли найти замену друг другу. И не найдёте, потому что это невозможно, — категорично заключила она.

Остаток дня я думала над словами Пет. Не очень оптимистично выходило, если у нас с Олли

всё же ничего не получится. Мне придётся доживать жизнь в одиночестве, потому что ни с одним мужчиной не выйдет построить отношения.

После ужина Пет рано поднялась к себе, а мы с Олли остались внизу, вызвавшись убрать со стола и вымыть посуду.

— У Пет нет посудомоечной машины, так что тебе придётся закатать рукава, но я, так и быть, помогу тебе и вытру тарелки, — игриво изрекла я, хитро посмотрев на Олли. Я пила уже второй бокал вина, которое успело ударить мне в голову.

— Вот так значит? Попахивает жульничеством. — Олли прислонился к раковине, скрестив руки на груди. Ткань рубашки натянулась, плотно облепив его широкие плечи. Он смотрел на меня со своей полуулыбкой, которая плавила мои внутренности и превращала их в жидкость.

Может, быть это вино, но, скорее всего, Олли.

Я плотнула вина, ощутив такое невероятное желание, от которого едва на ногах держалась.

— Соглашайся, — пробормотала я, выдерживая его взгляд. — Ты не пожалеешь.

Глаза Олли вспыхнули столь знакомым мне огнём. Огнём, с которым я играла.

«Притормози, Чарли. Ты хочешь его, он хочет тебя. Но что потом?»

Что потом...

Я чуть не вздохнула с облегчением, когда Олли развернулся, вставил затычку в слив и наполнил раковину водой.

Он ощутил моё смятение? Хотел ли он поцеловать меня? А если так, то почему отступил?

— Я смотрел твой последний фильм, — сообщил Олли, когда мы приступили к посуде. Это помогло разрядить напряжение.

— Только ничего не говори, — застонала я. — Это полный провал, его разгромили в пух и прах.

— Ну да, неоднозначный фильм, — пробормотал он, не глядя на меня. — Но ты отлично справилась.

— Спасибо, — кисло обронила я. — Хотя некоторые критики с тобой не согласились бы.

Мой новый фильм провалился в прокате, а мою игру не оценили. Да я и сама знала, что была там посредственна, особо не старалась.

— Я также смотрел твоё шоу, — передав мне последнюю тарелку, признался Олли. — Ты очень хорошо вжилась в роль, — похвалил он.

— Роль стервы?

Он улыбнулся, а я почувствовала, что непременно должна поцеловать эти губы. Мне же до отчаянья хочется этого.

С повышенной осторожностью я поставила тарелку на сушку, боясь, что просто разобью её из-за волнения, которое охватило всё моё тело.

— Хочешь ещё пива?

Я обернулась к холодильнику, но рука Олли перехватила мою.

— Чарли, — приглушённо позвал он, притянув меня к себе. И далее поцелуй, голодный, пожирающий, отчаянный. Олли целовал меня так, будто в последний раз, будто у него больше может не быть возможности, и я отвечала ему со всем пылом и нетерпением; цеплялась за его рубашку, прижималась к его горячему, сильному телу и всё глубже падала, падала, падала...

— Чарли! — повторил Олли, выдохнув моё имя в мой рот. Его пальцы впились в мои бёдра и подхватили, усадив на стол.

Мне нужна была его кожа, ладони зудели от потребности прикоснуться к ней. Я ухватила за ворот его рубашки и с силой рванула, выдирая пуговицы из петлиц.

— Олли, хороший мой Олли, — в каком-то исступлении бормотала я, осыпая его скулы, подбородок и шею поцелуями.

Я никогда не переставала любить Олли. Всё, что я сделала с ним, с нами — это навсегда останется тяжким грузом на мне, но ни на одну секунду прошедших лет я не переставала любить его. Это такая же истина, как и то, что я умру, перестав дышать.

В спешке мы перевернули стул, и это было громко, но ни я, ни он не прервались и не подумали, что можем привлечь внимание Пет. Меня захлестнуло чистое, непреодолимое желание, и только он мог удовлетворить его, насытить.

Олли быстро справился с молнией на моих брюках и стащил их вместе с нижним бельём.

— Господи, Чарли! — Он сгрёб мои волосы на затылке и вновь поцеловал — отрывисто, больно, идеально.

Трясущимися руками я расстегнула ремень его джинсов, молнию и спустила их ровно настолько, чтобы ничто не мешало ему оказаться во мне. Олли с силой сдавил меня, зарылся лицом в мои волосы и двинул бёдрами вперёд, полностью, до основания наполнив меня собой.

Олли был во мне, мы вновь стали одним целым, и от этого хотелось плакать, смеяться и кричать. Одной рукой он удерживал мой затылок, смотрел в мои глаза своим потемневшим от страсти взглядом и двигался во мне в том идеальном темпе, который легко подхватило моё тело.

Это был отнюдь не нежный, неторопливый акт любви — Олли брал меня нетерпеливо, немного грубо, отчаянно. Но мы нуждались в этом. После лет, проведённых в разлуке, тоска и боль, копившиеся в нас, нашли выход в похоти и страсти.

Я плотно прижала бёдра к Олли, двигаясь навстречу его сильным, проникающим ударам. Мне это было необходимо: именно так, именно с Олли. Всегда только с Олли.

Каждое его движение во мне подталкивало меня к краю, и я цеплялась за мгновения «до», желая растянуть миг блаженства.

Дыхание Олли сквозь стиснутые зубы обдавало меня своим жаром. Я прижалась ртом к его губам в попытке удержать стоны, но тщетно.

Словно я была разбита на кусочки все эти годы, и сейчас он возрождал меня, делал меня цельной. Долгое время я пыталась отыскать себя прежнюю, не приемля ту, кем стала, а всё, что мне для этого было нужно — Олли.

Он всегда был моим спасением.

Я всхлипнула, крепче ухватившись за его шею на пороге оргазма. Движения Олли ускорились — меня накрыло захлестывающей волной ни с чем не сравнимого удовольствия.

Мало заняться сумасшедшим сексом с классным парнем. Любовь — вот главный ингредиент.

«Последствия»

2004

— Я беременна.

— Что?!

Чарли едва не рассмеялась, когда лицо Олли побледнело как стена. Она бы и рассмеялась, если бы не одно «но». Одно совсем несмешное «но».

— Я не беременна. Точнее, я не знаю наверняка. У меня задержка.

Она провела языком по сухим губам. Прошло два дня, как она заподозрила неладное — месячные запаздывали, и Чарли места себе с тех пор не находила.

— На сколько?

Собственный голос показался Олли каким-то ломким. Он ничего не знал о женской менструации, кроме того, что за несколько дней до их начала Чарли превращалась в мегеру, а в первый день лежала в постели с грелкой.

— Пять дней, но у меня устойчивый цикл, такого никогда не было... — голос Чарли затих.

Что, если она и правда беременна? Что ей тогда делать? Они сами-то не очень взрослые. Им с Олли только по семнадцать лет, они лишь недавно перешли в выпускной класс.

— Ты ещё тест не делала? — стараясь не поддаваться панике, спросил Олли. Его желудок скручивало в узел. Конечно, он хотел, чтобы у них с Чарли были дети. Когда-нибудь. Лет через десять.

— Нет. — Чарли помотала головой. — Я не могу пойти в нашу аптеку, меня там все знают. Нам нужно съездить в Редмонт после школы.

Олли согласился, что она права. Здесь ничего не удастся сохранить в тайне.

Они стояли за углом спортивного зала во время большой перемены, где их никто не мог подслушать.

— Тогда съездим после уроков.

Чарли прикусила губу и кивнула, посмотрев в сторону стадиона, где тренировались болельщицы. Она всегда смеялась над этими девчонками, над их короткими юбками и помпонами, а теперь вдруг позавидовала им.

Никто не хочет оказаться на месте беременной школьницы. Но теперь из-за их с Олли беспечности этой беременной школьницей может оказаться она.

Когда они успели от первого неловкого секса дойти до покупки теста на беременность?

Ладно, двое подростков, немного глупости — и много времени не потребуется. Чарли только не думала, что этими глупыми подростками окажутся они.

Обычно они предохранялись. Обычно, но не всегда...

— Если хочешь, можем не ждать окончания занятий, — предложил Олли, видя её смятение.

Чарли с досадой поморщилась.

— У меня тест по испанскому, я не могу пропускать.

Олли кивнул, подумав, что вот сейчас они сдают тесты, а через девять месяцев могут стать родителями. Говорить этого Чарли он не стал, чтобы не усугублять её состояние.

— Как бы там ни было, у нас всё будет хорошо, — притянув её к себе и поцеловав в висок, произнёс он.

Чарли хмыкнула.

— Будет хорошо, если я не беременна, в остальном будет дерьмово, Олли.

Чарли с трудом дождалась окончания уроков, да и Олли провёл не самые спокойные два часа в своей жизни. Когда они ехали в Редмонт, Чарли почти всю дорогу молчала, уставившись в окно. Такой тихой он её ещё не видел. В ней будто потушили свет, и ему это не понравилось.

Где-то по пути между Гери и Редмонтом он взял её за руку и крепко сжал, без слов говоря: «Я рядом, я буду с тобой, несмотря ни на что».

В одной из сетевых аптек Редмонта, где никто не знал их, Олли с Чарли купили пять разных

теста, которые должны были решить их судьбу.

— Давай зайдём, съедим чего-нибудь.

Олли указал на закусочную на противоположной стороне улицы, когда они вышли из аптеки.

— Ты думаешь, я сейчас смогу есть? — раздражённо возмутилась Чарли.

Олли не стал ничего отвечать, но он бы не отказался от чизбургера с луковыми кольцами. Он пропустил обед, да и нервы нервами, а голодный желудок дело не улучшает.

— Ладно, давай зайдём, — махнула рукой Чарли, пожалев, устыдившись, что ведёт себя как стервозина.

После того как они заняли столик, и официантка, приняв их заказ, отошла, Чарли поднялась, захватив с собой сумку.

— Куда ты?

— Олли, я сделаю это прямо сейчас. Не могу больше ждать.

В глазах Чарли он увидел какое-то затравленное выражение, он и правда за все годы знакомства её такой не видел. Чарли переживала больше, чем показывала.

— Хорошо.

Олли кивнул, и Чарли ушла в уборную, а он остался и, пока ждал её, думал, что они будут делать, если она на самом деле беременна?

После школы они с Чарли планировали поступить в университет Индианы. А что теперь, если будет ребёнок? Пойти к отцу в магазин и провести там остаток жизни?

Оливеру сделалось тошно. Официантка принесла его чизбургер с луковыми кольцами, но он не смог ни к чему притронуться.

— Ну что? — спросил он, когда Чарли вернулась, только почувствовав, в каком напряжении находился, пока её не было.

— Надо подождать ещё три минуты.

Олли кивнул, отбивая чечётку под столом. Он и не знал, что три минуты могут длиться так долго.

— Эй, — позвал он.

Чарли посмотрела на него.

— Мы со всем справимся, — заверил он, потому что он должен был быть сильным ради неё. Что бы ни случилось, он позаботится о Чарли.

Впервые Чарли не была уверена, что они и правда смогут это сделать. Она вдруг поняла, что Олли и Чарли вовсе не непобедимы.

— Пора.

Задержав дыхание, Чарли раскрыла сумку — тест лежал наверху.

— Что там? — поторопил её Оливер.

Чарли подняла голову, и уголки её губ приподнялись в осторожной улыбке.

— Отрицательный.

— Хорошо. — Олли тряхнул головой. — Это ведь хорошо, правда?

— Да. Дома я сделаю повторный тест, но этот обещает почти стопроцентный результат, так что, думаю, всё нормально.

Олли протянул к ней руки, и она вложила в них свои ладони.

Её беспокоили странные, непонятные чувства. Безусловно, Чарли радовалась, что беда

миновала, и им не придётся столкнуться в ближайшем будущем с беременностью. Но эта радость была не такой бурной, как она ожидала.

Чарли поняла, что забавы закончились. Детство тоже. И за всё, что они совершали, полагалось нести ответственность.

— Чарли, не занята? — спросил папа, войдя в её комнату после стука. Митчелл Пирс всегда уважал личное пространство своих дочерей, что помогало избегать многих проблем, которые непременно возникали в подростковом возрасте.

Чарли покачала головой, вынув наушники из ушей.

— В школе всё хорошо?

— Как всегда, — пожав плечами, улыбнулась девушка.

— Ну, вот и славно. — Митчелл похлопал дочь по колену, потом снял очки и протёр дужки, очевидно готовясь к серьёзному разговору.

Чарли терпеливо ждала.

— У меня будет к тебе одна просьба. К вам с Олли.

Папа работал главным редактором «Гери Трибьюн» с тех пор, как они переехали, но, несмотря на то, что он был журналистом, Чарли не встречала человека более деликатного.

— Что такое, пап?

— Я тут на днях встретил своего старого приятеля, он с семьёй переехал в Гери из Балтимора. У них с женой сын твоего возраста, и он никого тут не знает. Я подумал, вы с Олли могли бы помочь Нику адаптироваться здесь, показать, что у нас тут и как.

Чарли не особо хотелось возиться с новичком, но она не могла отказать отцу. Ладно, если надо показать этому Нику школу и Гери (но смотреть в их городке было особо не на что), она сделает это для папы.

Чарли кивнула, ничем не выдав своих мыслей.

— Без проблем, пап.

— Вот и хорошо. Сегодня Дэнсоны придут к нам на ужин, вот и познакомитесь.

Вечером к ним и правда пришли Дэнсоны. Чарли познакомилась с Ником и уже через десять минут знакомства имела представление об этом парне. Ему не нужен был проводник в новое общество, такой и сам не пропадёт.

По-видимому, сам Ник считал себя очаровательным. Чарли же находила его нагловатым. Он не раздражал её, ничего такого. Симпатичный и самоуверенный — девчонки в школе точно придут в восторг.

Вот Олли вряд ли обрадуется новому знакомству.

— Так как у вас тут народ на выходных развлекается? — спросил у Чарли Ник, вертя в руках стеклянный снежный шар, подарок Олли.

После ужина он изъявил желание посмотреть её комнату (вообще-то она делила комнату с Лиз, но, с тех пор как сестра уехала в колледж, она одна была тут хозяйкой).

— Играем в лото в церкви, — съязвила Чарли, отобрав шар из рук нового нагловатого знакомого.

Если он считал, что схожесть с Ником Картером позволяла ему хозяйничать в чужих комнатах и говорить с пренебрежением, то ошибался.

Ник хмыкнул и перешёл к стенам, где были развешаны плакаты с её любимыми группами.

— Фанатка Пита Вентца? — оглянулся на неё через плечо Ник.

— Какие-то проблемы? — неприветливо нахмурилась Чарли. Если ляпнет что-нибудь про её любимую группу, зубов не досчитается!

— Слушала их последний альбом? По-моему, очень даже неплохо.

Расслабившись, Чарли кивнула.

— Да, неплохо. Но Take This to Your Grave был удачней, на мой взгляд.

Ник посмотрел на неё с одобрением.

— Согласен. Это твой парень? — Он поднял рамку с фото, на котором она висела на спине у Олли, а он делал вид, что она его душит.

— Парень, лучший друг, — пожав плечом, ответила Чарли.

— Так бывает?

— Почему тебя это удивляет?

— Девушки, с которыми я обычно встречаюсь, не очень... — он замолчал и, казалось, даже засмутился. — С друзьями ведь надо разговаривать, ведь так?

Чарли хмыкнула, засунув руки в задние карманы шорт.

— Так может, тебе следует выбирать девушек поумней?

Ник заулыбался так, будто она сказала что-то, что очень его развеселило, но ничего не ответил.

На следующее утро, когда Олли с Чарли заехали за Ником перед школой (ещё одна просьба отца), Олли не выглядел счастливым.

— Веди себя хорошо, — шепнула Чарли, когда Ник шёл к машине.

Олли возмущённо посмотрел на неё.

— Я всегда веду себя хорошо.

Чарли на это только улыбнулась.

— Олли, это Ник, Ник, это Олли, — представила парней Чарли, когда новичок сел на заднее сиденье Dodge Challenger, принадлежащий Олли.

— Оливер, — поправил Олли, мельком взглянув на Ника.

Чарли закатила глаза — с некоторых пор Олли считал, что все должны звать его полным именем. К ней это, правда, не относилось, Олли с ума сходил, когда она произносила его имя, растягивая вторую «л», особенно когда был на ней... или она на нём.

— Классная тачка, чувак, — чуть наклонившись вперёд, похвалил Ник.

— Спасибо, — Олли кивнул, чуть оттаяв. Не нравилось ему, что этот новичок околачивался рядом с Чарли. Может, он и неплохой парень, но пусть он будет неплохим подальше от его девушки.

— Держи, я тут прихватил альбом ... Послушай, может, тебе понравится.

Ник вынул диск из рюкзака, передав Чарли.

— Спасибо, послушаю.

— Чарли говорила, ты играешь в лакросс?

Ник вёл себя очень дружелюбно, а вот Олли так и сквозил прохладой.

— Сказала, да? — Он покосился на Чарли. Как много они успели узнать друг о друге? — Ты тоже играешь, Ник?

Олли посмотрел на него в зеркало заднего вида.

— Играл в футбол, пока не получил травму колена в прошлом году.

Олли с Ником заговорили о спорте, и Чарли видела, что Олли стал менее напряжённым.

В школе появление новичка, да ещё и красавчика, вызвало повышенный интерес у женской половины. К Чарли постоянно подходили девушки (даже те, с кем она никогда не говорила прежде) и расспрашивали про него. Да и сам Ник не испытывал стеснения от нахождения в непривычной обстановке.

«Кажется, я не понравился твоему парню. Похоже, кто-то ревнует».

Чарли прочитала сообщение, которое прислал ей Ник. Она обернулась и недовольно посмотрела на него.

Повезло же оказаться в одном классе по испанскому с ним!

«Я тебе не для этого свой номер давала!» — быстро набрала ответ Чарли.

«Разве между нами не проскочила искра? Я бы на месте Олли тоже переживал».

Чарли вновь обернулась, покачав головой. Ник с ухмылкой смотрел на неё. Ей же хотелось громко рассмеяться в его лицо.

Закусив губу, она написала:

«Не льсти себе, ты никогда не будешь на месте Олли. Побереги свои приёмчики для тех девушек, с которыми у тебя есть шансы».

«Мне нравятся сложности», — мгновенно прислал Ник и спрятал телефон в рюкзак, с вызовом улыбаясь Чарли.

Чарли отвернулась, не удостоив его ответом, но внезапно улыбнулась, порадовавшись, что Ник её не видит.

Вечером, когда Олли с Чарли смотрели фильм в его комнате, она раздумывала, стоит ли сказать ему, что Ник подкатывал к ней, но вдруг новичок просто дурачился? Она толком не знает его, не знает, чего он хочет на самом деле. Поэтому Чарли решила не торопиться.

Правда, при взгляде на Олли, что-то её все же беспокоило. Был некий осадок. Будто она намеренно скрывает тайну от него. Они всегда и всем делились друг с другом.

Данная ситуация казалась Чарли неправильной.

— Привет, Чарли! — весело поприветствовал Ник, когда она подняла трубку.

— А, это ты.

— От меня плохо пахнет? — притворно расстроился он.

Чарли усмехнулась.

— Нет, просто я ждала звонка от кое-кого другого. Кого-то, кто мне нравится.

— Я тебе нравлюсь, — заявил парень.

Чарли закатила глаза, хоть он и не мог её увидеть.

— Не обманывай себя.

— Хорошо, позволь мне исправиться, если я произвёл на тебя не очень хорошее впечатление.

— Это ни к чему — не трать ни своё, ни моё время, Ник. — Чарли опустилась на кровать, прижавшись затылком к изголовью. Она вдруг поймала себя на мысли, что её этот разговор даже забавляет.

— Не будь так категорична. Я всего лишь хотел спросить, не сходишь ли ты со мной на вечеринку? По-дружески.

— Что? С чего я должна этого хотеть? Кстати, когда ты успел? Ты всего три дня как в городе!

На том конце провода послышалось фырканье.

— Соглашайся, Чарли. Я ведь и правда никого тут не знаю, кроме тебя.

— А меня, думаешь, знаешь?

— Я был в твоей комнате. Думаю, этого достаточно, чтобы пойти со мной на вечеринку.

Слушай, ну хочешь, возьми с собой своего парня, — сменил тактику Ник.

— Его нет в городе, он уехал на выходные.

— Какая жалость!

Судя по его голосу — ничуть.

— Я тебе не нужна в качестве сопровождения. Ты и сам неплохо справляешься, Ник.

— Может быть, но я всё равно хочу, чтобы ты пошла со мной. Что ты собираешься делать в вечер пятницы? Играть в лото в церкви?

Чарли вновь засмеялась.

Может, ей и стоит пойти. Совсем ненадолго.

— Неужели откажешь тому, на чьём месте сама когда-то была? Тебе ведь известно, что такое быть новичком, Чарли, — использовал свой главный аргумент Ник.

Чарли побеждённо вздохнула.

— Хорошо. Ты своего добился, я пойду с тобой.

Олли позвонил за двадцать минут до того, как должен был заехать Ник. Он с отцом уехал на свадьбу кузины и должен был вернуться только в воскресенье вечером. Чарли призналась, что собирается пойти на вечеринку к Мелоди Филипс с новичком.

На том конце провода повисла тишина.

— Олли? — позвала Чарли, когда он ничего не ответил.

— Я слышу, — сдержанно отозвался он.

— Ты что, расстроился?

— Нет, Чарли, мне просто не нравится, что ты идёшь с этим парнем, — с досадой произнёс Олли. — Он мне не нравится.

Чарли усмехнулась.

— Тебе не нравится Ник или то, что я общаюсь с ним?

Парень недовольно выдохнул.

— И то, и то. Я ему не доверяю.

— А мне? — Чарли понизила голос, перевернувшись на живот. — Мне доверяешь?

— Да, — нехотя признал Олли.

Конечно, он доверял ей, но не доверял любому парню рядом с ней. Разве можно было не желать её? Нет, Олли знал это, и то, что ещё кто-то хотел Чарли, беспокоило его.

— Я просто проведу час-другой на той тусовке, посмотрю, как блюют пьяные чирлидерши.

Олли улыбнулся, немного ослабив напряжение.

— Сделаешь для меня фото, если будет что-то интересное?

— Мог бы и не спрашивать.

— Позвони мне, когда вернёшься домой, хорошо? — совсем смягчившись, попросил он.

— Обязательно.

— Люблю тебя.

— Люблю тебя больше.

— Это невозможно, — возразил Олли.

Попрошавшись с ним, Чарли положила трубку, жалея, что его сейчас нет рядом.

— Ты собираешься весь вечер возле меня торчать? — не деликатничая, спросила у Ника Чарли.

— Ты вроде была не против прийти сюда со мной.

— Несколько девушек в этой комнате точно не против *НЕ* быть твоими подругами. — Чарли красноречиво взглянула на него. Прямо в этот момент четыре или пять девчонок пялились на его спину, а он за весь вечер не отходил от неё.

— Может быть, я не заинтересован, — расслабленно пожал плечом её спутник.

Чарли чуть не подавилась пивом, которое глотнула в этот момент.

— Не заинтересован в красивых старшеклассницах? Ты случайно не гей?

— Ха-ха, — кисло изрёк он. — Нет, но, может быть, я заинтересован в одной конкретной девушке?

Чарли прыснула от смеха, но он смотрел на неё без тени улыбки, не сводя своего беззастенчивого взгляда.

— Слушай, это лестно, безусловно, но у меня есть парень, которого я люблю.

Она отставила стакан — пиво уже успело ударить в голову.

— Тебе семнадцать. Ты уверена, что встречаешься со своим другом детства не потому, что это удобно, а потому что любишь? Уверена?

Чарли не нравилось, как скептически звучит его голос и как недоверчиво он приподнимает свои брови. Не нравилось, что она всё ещё не послала его, а стоит и считает нужным оправдаться.

— Да, умник, я уверена. Ты так много знаешь о любви? Что-то не похоже, что ты эксперт в этом, — разозлилась девушка.

— Это больше похоже на самовнушение. Ты внушила себе, что если этот парень был твоим другом большую часть твоей жизни, то он же станет идеальным партнёром на её остаток. Ты обманываешь себя. Неосознанно, но обманываешь.

— Что за ерунду ты болтаешь?

— Откуда ты знаешь, что он лучший?

— Потому что знаю!

— Неправда. — Ник улыбнулся как кот, загнавший мышку в ловушку. — Ты думаешь, что знаешь. Но думать и знать наверняка — не одно и то же. Как ты можешь знать, что еда в Burger King лучше, если никогда не ходила в Wendy's?

Чарли закатила глаза.

— Я тебя умоляю! Ты, значит, Wendy's?

Ник молча пожал плечами.

— Мне не нужны другие парни для сравнения, чтобы знать, что мой — лучше. Я просто это знаю. И разговор этот вообще бессмысленный!

Чарли стала пробираться к двери, и Ник последовал за ней.

— Хорошо, извини, может, это действительно так, — сказал он, когда они оказались на улице.

— Может, ты принимаешь свою влюблённость за аксиому.

Чарли посмотрела на него из-под нахмуренных бровей, прислонившись к перилам веранды.

— Может, я сказал всё это, чтобы поцеловать тебя?

Он улыбнулся, толкнув своим ботинком её ногу в кроссовке.

Чарли не хотела, но сдержать ответную улыбку не получилось. Было в нём что-то, что подкупало её.

— Не трать на меня своё время, — без тени язвительности посоветовала она. — В Гери хватает девушек, которые будут не против поцеловаться с тобой.

Ник кивнул, принимая поражение. Они побыли ещё немного, но оба согласились, что вечеринка скучная и засобирались домой.

— Чарли! — позвал Ник, когда она вышла из его машины и направилась к своему крыльцу.

Девушка обернулась.

— Может быть, куртка пригодится тебе завтра?

Ник поднёс забытую на заднем сиденье куртку, и не успела Чарли опомниться, как его губы прижались к её губам.

На какую-то секунду — миг слабости — Чарли прикрыла глаза, позволив вовлечь себя в этот поцелуй. Лживый поцелуй. Поцелуй не с Олли.

«Олли! Боже мой, Олли!»

Чарли отпрянула, толкнув Ника в грудь.

— Больше никогда так не делай, — процедила она и, развернувшись, ушла.

Олли вернулся в воскресенье. Чарли смолчала про поцелуй с Ником, чувствуя себя ужасно. Звонки Ника она игнорировала, а на его множественные смс ответила одним коротким сообщением:

«Больше мне не пиши».

Чарли не злилась за то, что Ник поцеловал её. Хотя нет — злилась, но гораздо меньше, чем из-за того, что он сделал её предательницей.

Она ведь ответила на тот злосчастный поцелуй.

Ответила!

Впервые она целовалась не с Олли. Чьи-то чужие губы касались её. Поцелуй не был плохим или хорошим. Он просто был другим.

Неправильным.

Чарли все выходные провела в своей комнате, слушая любимые группы и пялясь в стену. Она раньше думала, что Олли и Чарли нерушимы. Вместе — твёрдые, как гранит, без единой трещинки, сквозь которую ничто не проникнет. Но появился некто, кто показал, что эта прочность имеет изъяны.

Она и есть этот изъян.

— Должен признать, что предвзято отнёсся к этому парню, — произнёс Олли, когда вечером после его возвращения они сидели на крыше его дома. — Если хочешь, я не против, чтобы мы общались с ним.

— Не хочу. — Чарли улыбнулась, покачав головой. — Нам и вдвоём неплохо, правда?

Она обняла Олли за талию, положив голову на его грудь, не в силах смотреть ему в глаза.

Олли поцеловал её в макушку.

— Лучше всего.

— Не хочу ничего менять, — пробормотала она, вдыхая знакомый, любимый запах Олли.

И он с ней согласился.

Он всегда соглашался.

Чарли

— Олли, должно быть, вчера очень устал, столько всего полезного сделал. — Бабушка посмотрела в сторону гостиной, где на диване спал Олли. В голубых, всё ещё ясных глазах промелькнуло лукавство.

Мои щёки стали наливаться жаром. Это было крайне неудобно. Зря я надеялась, что Пет не слышала нас.

Я виновато покосилась на неё, поднеся чашку с кофе к лицу.

— Прости, мы не должны были... Мне жутко стыдно!

— Ох, прекрати, милая! — отмахнулась Пет. — Вы с Оливером взрослые люди, и я сама когда-то была молодой и влюблённой. — Бабушка задумчиво улыбнулась, покачав головой. — Ты ведь любишь Олли?

Я молча кивнула.

— Тогда ты должна сказать ему об этом.

— Думаю, он и так это знает.

— Уверена? — Пет опустилась на стул напротив. — У Оливера могли возникнуть сомнения в том, что это так.

Я вздохнула, прикрыв глаза.

— Да, потому что я захотела развестись, я помню. Но я сделала это не потому, что разлюбила его.

Пет хлопала меня по руке, глядя с пониманием.

— Я знаю, детка. Я никогда не сомневалась, что твои чувства к Оливеру никуда не исчезли, несмотря ни на что.

— Так что мне делать, ба?

Пет всегда находила нужные слова поддержки, и мне было легко разговаривать с ней. Легче, чем порой с мамой.

— Поступай так, как велит сердце, милая, — ласково улыбнулась Пет. — Сердце подскажет.

Моё сердце подсказывало, что, прежде чем вообще что-то планировать касательно будущего с Олли, я должна рассказать ему правду. А там...

Я не могла предположить, что будет потом. Всё будет зависеть от его реакции. Только вот я не знала, как мне решиться на это.

— Доброе утро.

Я повернула голову и встретилась взглядом с Олли. Он стоял на пороге кухни в джинсах и футболке, растрёпанными после сна волосами, в которые я зарывалась ночью, двигаясь на нём...

Кажется, я вновь начала краснеть.

— Доброе утро. Садись, сейчас будет готов завтрак. Чарли, налей Олли кофе.

Пет поднялась, засуетившись по кухне.

— Я сам, не надо, — остановил меня Олли, когда я хотела подняться.

Он взял себе кофе и сел за стол.

«Боже мой, стол! Не смей краснеть, Чарли!»

— Привет, — улыбнувшись мне, прошептал Олли.

— Привет.

Мне хотелось взять его за руку, а ещё лучше поцеловать. Медленно, пробуя... Сесть к нему на колени, запустить пальцы в эти непослушные пряди и целовать до тех пор, пока дыхание не собьётся.

Я прикусила губу, подозревая, что все мои мысли отразились на лице.

После завтрака Олли засобирался домой.

— До встречи, Пет. Спасибо за всё, в особенности за невероятную домашнюю еду, — прощаясь, сказал Олли.

Пет тихонько засмеялась.

— Тебе спасибо за помощь, дорогой. — Она обняла его, и Олли наклонился, чтобы ей не пришлось тянуться. — Тут тебе всегда рады. В следующий раз я испеку твой любимый кофейный торт.

Он кивнул.

— Буду ждать с нетерпением.

Простившись с Пет, он вышел из дома, и я последовала за ним.

— Она всё это подстроила, — сказала я, имея в виду нашу встречу.

Олли усмехнулся, проведя рукой по шее.

— Да, я догадался — трубы были не в таком плохом состоянии. Но я ничего не имею против.

Он смотрел на меня не сводя глаз, и я видела в них, что он не жалеет о том, что произошло ночью. Если, конечно, я до сих пор могла правильно понимать его без помощи слов.

— Когда ты вернёшься в Гери? — тише спросил Олли, подступив ближе и взяв меня за руку.

Боже, по мне словно энергетические импульсы прокатились! Я не хотела отпускать его, не хотела расставаться после лет, проведённых порознь, но я не могла уехать сейчас.

— Через несколько дней. Я должна побыть с Пет.

Он понимающе кивнул.

— Я буду ждать тебя. Нам надо поговорить.

Я согласилась с ним. Нам и правда многое следовало обсудить. Потом Олли поцеловал меня, прыгнул в машину и уехал, а я вернулась в дом.

«Лучше его не злите»

2004

— Чарли!

Чарли обернулась, с досадой посмотрев на спешившего к ней Ника.

Что ему надо? Разве она не достаточно ясно дала понять, что не желает больше говорить с ним? И вообще, что это он делает? В школьном коридоре, где полно студентов!

Чарли посмотрела по сторонам — похоже, у неё начинается паранойя. Она чувствует себе виноватой и боится, что Олли узнает каким-то образом.

Чарли чувствовала себя просто отвратительно!

— Чего тебе, Ник? — недовольно зашипела она, когда он подошёл ближе.

— Ты меня избегаешь, а мне надо с тобой поговорить.

Чарли поправила лямку рюкзака, нервно стреляя глазами по сторонам. У Олли были занятия в другом крыле, но кто знает...

— Не о чем нам говорить, я всё сказала.

Она развернулась и продолжила свой путь. Ник не отставал.

— Не ожидал, что ты окажешься такой трусихой! — следуя за ней по пятам, заявил он.

Чарли резко затормозила, отступив к стене напротив лестницы, по которой туда-сюда сновали ученики.

— О чём ты? — нахмурилась она, скрестив руки на груди.

— Ты трусишь признать, что тебе понравился поцелуй, — понизив голос, самоуверенно произнёс Ник.

Чарли чуть не застонала: ей казалось, что Ник это прокричал и все в школе, да и в радиусе двух миль, слышали его.

— Послушай, не знаю, что ты там себе напридумывал, но поверь мне — ты ошибаешься!

Чарли подступила ближе к парню, жёстко глядя в его глаза.

— Ты не знаешь меня, и что бы тебе ни показалось, это не так.

— Ты лжёшь, сама себе лжёшь, Чарли, — опроверг он её слова, ничуть не смутившись.

Чарли начала терять терпение. Он раздражал её тем, что не желал слушать.

— Тема закрыта! Не ходи за мной, не пиши и не звони!

Чарли ушла и на этот раз он за ней не пошёл.

— Ты сегодня разговаривала с Ником? — спросил вечером Олли, когда они ели бургеры на капоте его машины, забравшись на большой холм, с которого весь их городок был как на ладони. Они часто приезжали сюда в поисках уединения.

Вопрос Олли хоть и прозвучал невинно, но заставил Чарли напрячься. Аппетит пропал в тот же миг, а уже съеденное камнем легло в желудке.

— Ага, перекинулись парой слов, — она постаралась говорить чуть небрежным тоном, сунув в рот ломтик картошки, хотя в горле ком с теннисный мяч стоял.

— Крис сказал, было похоже, что вы о чём-то спорили.

Олли смотрел на неё не сводя глаз, и Чарли даже показалось (а может, вовсе и не показалось), что в его взгляде сквозит подозрительность.

Девушка перестала жевать.

— Ему показалось. — Она пожала плечом, мысленно умоляя его закончить допрос.

Почему ей казалось, что это был именно допрос?

— Так чего он хотел? — Олли потянулся за своей содовой, похоже, приняв её ответ.

Чарли позволила себе немного расслабиться, но это гадкое, скребущее чувство, что она обманывает его, вернулось. Скрывать нечто подобное от Олли было неправильно. Секреты всё портили. Они отравляли отношения.

— Просто... Просто так, ничего такого. Думаю, ему понравилась наша компания, — натянуто улыбнулась она.

— Что-то случилось на той вечеринке?

«Боже, опять этот подозрительный взгляд!»

— Ничего. Почему ты думаешь, что что-то случилось?

Удивительно, как она ещё не начала заикаться.

— Ты вроде неплохо относилась к нему, а после того вечера прекратила общение. Да и вообще...

— Что «вообще»?! — едва ли не фальцетом выпалила Чарли.

— Ты странно себя ведёшь. Я знаю тебя, Чарли, и вижу, что что-то не так.

Олли заметил это ещё в воскресенье после своего возвращения. Сначала он не придал этому большого значения, но теперь был уверен, что Чарли чего-то недоговаривала. Она выглядела нервной и часто витала где-то явно не рядом с ним. А ещё перестала говорить о Нике. Полностью. Было похоже на то, что она намеренно избегает разговоров о нём.

— Я веду себя, как и всегда, — ответила она, отложив недоеденный бургер. Чарли уставилась на свои колени, не находя в себе смелости посмотреть ему в глаза.

— Чарли, что происходит? — устав ходить вокруг да около, спросил Оливер. Он подошёл к ней и приподнял её голову за подбородок. У Чарли блестели глаза. Поняв, что она на грани слёз, Оливер покрылся холодным потом от нехорошего предчувствия.

— Чарли?

— Ник поцеловал меня, — едва шевеля губами, промолвила она.

Признавшись, Чарли ожидала вспышки негодования у Олли, но он молчал. Он вообще словно в статую превратился, смотрел только грозно и дышал тяжело.

— От тебя поцеловал? — тихо переспросил Олли.

Чарли слабо кивнула. Но это ещё было не всё. Она не могла рассказать ему только половину правды.

— Я не остановила его сразу, Олли.

Её слёзы, которые только того и ждали, покатались по щекам.

— Тебе понравилось, Чарли?

Он её будто ударил этим вопросом; поставил подножку, и она рухнула на землю.

— Олли, ты слышал, что я сказала?! — не переставая плакать, повысила она голос.

— Что ты целовалась с Ником, — зло выдохнул он. — Да, это я хорошо слышал, Чарли!

— Я не целовалась с ним! Он поцеловал меня! — в отчаянье выкрикнула она.

— Но ты ему ответила.

— Нет! — Это «нет» прозвучало не слишком убедительно, потому что Чарли всё ещё не могла решить: она ответила Нику или просто позволяла ему целовать себя? — Всё было не так. Он просто поцеловал меня, и это длилось секунд пять.

Ей казалось, что эти пять секунд превратились в вечность. Именно столько длится предательство.

Олли долго смотрел на неё — ему даже не надо было, чтобы она что-то отвечала. Ему достаточно было просто посмотреть на неё.

— Чёрт! — выругался Оливер, отвернувшись от Чарли. — Чёрт! Чёрт!

Чарли никогда его таким злым не видела. Она даже не предполагала, что он может так злиться. Хотя на улице и было тепло, по её коже прошёлся озноб.

Зря она сказала ему. Не стоило делать этого. А что, если из-за этого недоразумения (ничем иным для неё этот поцелуй не был) она потеряет Олли?

У Чарли сердце от ужаса сжималось, стоило только представить, что в её жизни может не быть Олли.

— Олли! — Чарли подступила к нему, и из её горла вырвались рыдания. — Олли, пожалуйста, посмотри на меня.

Оливер развернулся, и взгляд, которым он окинул Чарли, едва не заставил её попятиться назад. Никогда ещё Олли не смотрел на неё так холодно и неприязненно.

— Олли, прости меня! — всхлипнула Чарли, прижав ладони ко рту. — Я не хотела этого, и я бы никогда так с тобой не поступила. Я тебя люблю! Ты же знаешь, что мне никто другой не нужен!

— Я не понимаю, Чарли, — подавленно отозвался Оливер. Он видел её раскаянье и верил в её искренность, но ещё никогда Чарли не заставляла его испытывать разочарование.

Всё бывает в первый раз.

Поцелуй. Может, это не такое и большое дело. Может, для неё это было неожиданно, и она не просила Ника об этом. Но Оливеру было достаточно того, что этот парень поцеловал его Чарли. Его рот касался её губ.

— Садись в машину, — велел Оливер, сметая остатки ужина с капота.

Чарли видела, что он что-то замыслил; глаза засверкали решительностью, рот жёстко сжался. Чарли была напугана. Теперь из-за того, что он мог натворить.

— Что ты задумал, Олли? — насторожилась она, сев рядом с ним.

Оливер не ответил, развернул «додж» и на большой скорости понёсся к городу.

— Олли, помедленнее! — закричала Чарли, опасаясь, как бы он не угробил их обоим. Казалось, Олли не слышит её. Он был полностью сосредоточен на дороге (или том, что творилось у него в голове), вцепившись мёртвой хваткой в руль.

Чарли одолевала очень нехорошие предчувствия. Больше не пытаясь добиться ответа от него, она молчала остаток дороги, молясь про себя, чтобы они остались живы после этой поездки.

Когда Олли привез её домой, Чарли очень удивилась.

— Почему мы здесь, Олли?

Он посмотрел на неё невыразительным взглядом.

— Иди домой, Чарли.

— А ты что делать удумал? К нему поедешь, да, Олли?

— Чарли...

— Не сходи с ума, Олли! — прикрикнула Чарли, стукнув его в плечо. И чего бы ей это ни стоило, она собиралась удержать его. Поэтому Чарли отстегнула ремень и перебралась к нему на колени, правда, Оливер пытался сопротивляться. — Я тебя не отпущу! — заявила девушка, обхватив ладонями его лицо.

Олли дёрнулся.

— Не будь смешной, Чарли! — сердито отрубил он. — Я никуда не собираюсь, кроме как домой.

— А я тебе не верю! Олли, прошу тебя, не делай глупостей, — ласково попросила она,

принявшись осыпать его лицо поцелуями. — Я тебя только люблю, глупый ты мой! — бормотала Чарли, целуя его веки и скулы. — Ты моя жизнь, Оливер Скотт, и я люблю тебя так сильно, что иногда даже больно становится.

Его тело стало расслабляться под ней, и Чарли почувствовала это. Оливер поймал её губы, отрывисто поцеловав. Потом ещё и ещё, и вот уже поцелуи стали глубже, дольше, наполнились желанием. А салон наполнился громким, жарким дыханием.

Руки Оливера проникли под свитер Чарли, расстегнули петли лифчика и сжали округлую тёплую грудь.

— Это моё! — прорычал он, чем поразил Чарли. Олли всегда был ревнивцем, но сейчас проявил себя настоящим собственником. — Ты — моя, скажи это.

Чарли быстро закивала.

— Твоя, только твоя, Олли.

Злость придала Оливеру напора, даже немного агрессивности чувствовалось в его действиях. Он хотел, чтобы каждый усвоил: эта девушка принадлежит ему. Только ему. Никто не должен посягать на неё.

— Олли! — выдохнула в его рот Чарли, когда его пальцы принялись ласкать её твердые соски. Удовольствие острой стрелой пронеслось по телу, отдаваясь неудовлетворённостью между бёдрами.

Они сидели в тёмной машине напротив её дома, и, хотя было темно, их всё равно мог кто-то заметить.

Оливер опустил одну руку, сжав голое бедро Чарли. Сегодня она надела короткую юбку в складку — Олли иногда до сих пор удивлялся, видя на ней нечто подобное, но каждый раз с ним что-то дикое происходило от её соблазнительного вида.

Чарли поёрзала, чувствуя его возбуждение сквозь ткань джинсов. Она чуть отстранилась назад, чтобы он мог расстегнуть ширинку. После того раза с тестом на беременность Чарли стала принимать противозачаточные, страхуясь от неприятных сюрпризов.

Олли смотрел ей в глаза, когда сдвигал её трусики в сторону, проникал в неё медленно, давая почувствовать каждый свой дюйм. В его взгляде больше не было робости и неуверенности, и он знал, как доставить ей удовольствие.

Чарли обхватила его шею руками и прижалась так плотно, как могла, двигаясь на нём, шепча ему на ухо о том, как любит его и как он нужен ей.

На следующий день в школе Ник появился с синяком под левым глазом и припухшей губой. Он всё так же сидел позади Чарли на испанском, но не пытался заговорить с ней.

Чарли и Ник навсегда прекратили своё общение. Он был угрозой для её отношений с Олли. Ему не было места в её жизни.

Чарли

Следующие три дня я держусь, чтобы не позвонить Олли, хотя теперь у меня есть номер его мобильного. Но не думаю, что мы готовы к непринуждённому разговору по телефону. Мы провели ночь вместе, но переходить к телефонным разговорам пока рано.

Мне хочется увидеть его. Может, если я расскажу ему правду, он простит меня, и мы начнём всё сначала?

«Ох, не гони лошадей, Чарли!»

Я так много об этом думаю, что моя кожа начинает зудеть от раздражения.

Через три дня я прощаюсь с Пет, обещая, что вскоре вновь навещу её. Возможно, если я решусь на переезд, мы будем видеться чаще. Мне бы этого очень хотелось, но пока я не решу все дела в Лос-Анджелесе, переезда не будет.

Вернувшись домой, я тут же хотела позвонить Олли, но не стала этого делать. Вечером я увижу его. Мне просто надо дотерпеть до вечера.

— Мама хочет пожертвовать папину библиотеку, так что завтра нам с тобой и Эмили надо будет упаковать книги, — сообщила после ужина Лиз.

Это стало для меня новостью. У папы было прекрасное собрание книг, многие из которых были ценными. Две стены в его кабинете заполнены книгами, и я не представляла эту комнату без них. Убрать эти книги из дома — это как отнять от него часть Митчелла Пирса.

— Почему мама решила так? — Я даже не пыталась скрыть, что меня это расстраивает.

— Отец бы хотел, чтобы его библиотекой пользовались, Чарли. — Лиз залила пакетик чая кипятком, взглянув на меня. — Он всегда говорил, что иметь книги и даже не раскрыть их — преступление.

Я знала, что сестра права, но мне не хотелось соглашаться с ней.

— Это очень быстро. Такое чувство, что мы избавляемся от него в такой спешке! — Я обхватила себя руками и поджала дрожащие губы, силясь не расплакаться.

Лиз подошла ко мне и обняла.

— Это всего лишь книги, Чарли.

— Эти книги и есть наш отец, — возразила я.

Она чуть отстранилась, посмотрев мне в глаза.

— Неправда. Мы — это наш отец. Он живёт в нас, Чарли, он течёт по нашим венам. Когда ты смотришь на себя в зеркало, ты смотришь его глазами.

Я улыбнулась сквозь слёзы.

— Такими же слепыми, как и у него.

Мы с Лиз рассмеялись, и это помогло мне немного успокоиться. Я одна из всех детей Митча Пирса унаследовала его глаза во всех смыслах — они были такими же карими и плохо видели. Без линз я была полуслепой.

Когда Лиз уехала, а мама с Эмили поднялись в свои комнаты, я зашла в кабинет отца и, включив свет, огляделась. Всё здесь оставалось таким, как я помнила с детства, но скоро это изменится. С уходом папы как прежде уже не будет, и, наверное, Лиз права — это всего лишь книги. К тому же папа и правда не хотел бы, чтобы они пылились тут годами.

Я подошла к письменному столу, на котором лежала ручка папы, будто только что оставленная им, и, если коснуться, можно ощутить тепло его рук.

Конечно же, ручка была холодной. Как и всё здесь в его отсутствии.

О том, что мне следовало предварительно позвонить Олли, я подумала только когда стояла под окнами его квартиры. Окна светились, значит, он был дома, и я надеялась, что мой сюрприз будет приятным.

Ещё больше я надеялась, что для меня самой ничто не станет неприятным сюрпризом. К примеру, в его квартире не окажется никакой полуголой девушки.

Я не знала, чего ожидать от нашей встречи. Мы неплохо расстались три дня назад, но что, если он за это время решил, что не хочет иметь со мной ничего общего? Эйфория прошла, и он одумался.

С колотящимся сердцем я постучалась в его дверь, но, к моему удивлению, мне открыл Майло.

— Олли дома? — спросила я, даже не поздоровавшись с этим парнем. Он не любил меня, и это было взаимно.

— Нет, — Майло покачал головой и уже было собрался захлопнуть дверь перед моим носом, но я выставила руку вперёд, не давая ему такой возможности.

— Где он?

Не знаю, откуда во мне взялась некая тревога, ведь Олли мог просто отсутствовать по делам магазина или быть у отца. Да много чего. Но что-то всё равно не давало мне покоя.

— Я не знаю, — Майло пожал плечами, всем своим видом выражая недовольство из-за того, что его отвлекают.

Я не сомневалась в том, что он лжёт.

— Знаешь.

— Ты права — знаю. — На его лице появилась недружелюбная улыбка. — Просто тебе не скажу.

Он развернулся и пошёл вглубь квартиры, и только тогда я заметила в его руке трость — Майло прихрамывал на левую ногу.

— Ты ведёшь себя, как ребёнок! — возмутилась я, двинувшись за ним. — Мне нужно поговорить с Олли!

Майло резко обернулся ко мне, при этом покачнувшись, что я испугалась, как бы он не упал.

— Но он не хочет говорить с тобой!

Это прозвучало как выстрел. Я даже отступила от неожиданности, и удержаться на ногах было непросто.

— Что? — сдавленно выдохнула я.

Майло равнодушно наблюдал за мной.

— Что слышала. Оливер не хочет разговаривать с тобой, и его здесь нет, потому что видеть тебя он тоже не хочет.

Я почувствовала, как на глазах наворачиваются слёзы, и моргнула.

— Но как же... Три дня назад всё было хорошо, а теперь... — растерянно залепетала я. Потом до меня дошло.

— Что ты сказал ему?! — набросилась я на Майло. — Ты ему точно что-то наговорил, потому что ещё недавно Олли сам сказал, что нам надо поговорить!

Я так разозлилась на друга Олли, что готова была вырвать трость из его руки и побить его ею.

— Ничего я ему не говорил, — скучающе отозвался Майло. — Оливер и сам понял, что сделал ошибку, проведя ночь с тобой.

Ещё один удар. Господи, до чего же больно!

Я прикрыла слезящиеся глаза. Услышать это даже не от Олли, а его друга... Хуже и быть не может!

— Ты решила, что стоит вам разочек трахнуть, как вновь станет как прежде? — Майло насмешливо изогнул тёмные брови. — Что твой верный пёс «Олли» вернётся? Не рассчитывай на это, Шарлотта. Ты не знаешь его! Ты ничего не знаешь!

Я смотрела на него сквозь пелену слёз и не понимала, о чём он говорит. Разве был на свете кто-то, кто знал Олли лучше, чем я? Этот Майло ничего не понимал. Он не знал о нас, хотя ему так и казалось.

— Я его люблю, — тихо произнесла я. Мне хотелось его ударить, но ещё больше — узнать, где Олли. — Скажи мне, где он?

Майло фыркнул.

— В отличие от тебя я знаю, что такое преданность. А если ты и правда любишь его, сделай ему одолжение — уезжай и не возвращайся.

Поняв, что ничего не добьюсь от Майло, я ушла. Но если он думал, что я смирюсь с поражением, то ошибался. Я больше не собиралась отступать от Олли, во всяком случае, не до тех пор, пока он сам не скажет мне в глаза, что считает случившееся ошибкой и что не хочет впредь меня знать.

Я попыталась дозвониться до него, но мобильный Олли был отключён. Я оставила сообщение на голосовой почте, попросив его перезвонить мне.

Я не знала, где он мог быть, но мне следовало проверить у мистера Скотта. Даже если Олли не там, его отец мог знать, где он находится. А мистер Скотт мне скажет. Если, конечно, он не обозлился на меня за все эти годы, что вполне возможно.

Я села в машину, достала из бардачка бумажные салфетки и вытерла слёзы. В последние дни я очень много плакала, хотя стоит быть честной — последние семь лет моей жизни прошли под девизом: «Поплачь и станет легче». Я плакала, только вот легче не становилось.

Когда я подъехала к дому Скоттов, часы показывали пять минут двенадцатого. Поздновато для вечернего визита. Впрочем, меня бы это не остановило, но в доме стояла полнейшая темнота, даже телевизор в гостиной не светился. Я не могла заявиться к уже немолодому мужчине посреди ночи и спрашивать, где его сын, потому что, если Олли не здесь и мистер Скотт не знает, где он, тогда я заставлю его напрасно волноваться.

Мне придётся смириться и потерпеть до завтра. Только я всё равно не могу уехать, не убедившись, что Олли не здесь. Поэтому я вышла из машины и, как преступник, оглядываясь по сторонам, чуть пригнувшись, побежала к столь знакомому дереву.

Я сто лет не взбиралась по нему. Вообще давно по деревьям не лазала, но сейчас пришлось вспомнить старые навыки. Я порадовалась, что надела слаксы и балетки, потому что в юбке или платье такие фокусы проделать было бы сложно.

Выбравшись на крышу, я похвалила себя за то, что всё ещё не потеряла хватку, и, хотя в двадцать семь лезть по дереву к парню не так круто, как в семнадцать, мне даже понравилось. Это были приятные воспоминания.

Раньше, когда мы с Олли оба жили в Гери, его окно никогда не запиралось, потому что меня всегда здесь ждали. Я могла прийти в любое время дня и ночи. Теперь же окно было заперто на задвижку. Я попыталась поднять раму, но ничего не вышло.

Я очень сомневалась, что Олли там, но мне нужно было убедиться. Рискуя быть пойманной, я всё же достала из кармана телефон и включила фонарик, посветив им в комнату. На полу и даже кровати стояли картонные коробки, и было совершенно очевидно, что тут давно никто не жил.

Мне стало грустно и тоскливо. Всё изменилось. Конечно, я не сейчас это поняла. Наши жизни разъединились, но принимать это в Лос-Анджелесе было проще.

Лос-Анджелес не был моим домом, он не хранил воспоминания о нас и не мог причинить боли, как эта комната, в которую я больше никогда не заберусь; кровать, в которой я не разбужу

Олли, ворчащего, что ещё слишком рано.

Всё стало иным. Гери тоже изменился, хотя так сразу и не скажешь.

У Олли есть друг, который меня ненавидит. Есть кто-то, кто, очевидно, стал ближе меня, и, хотя я рада, что Олли не один и у него есть поддержка, это ранит. А ещё он спит со своей сотрудницей. Ну да, он свободный мужчина, но у меня это в голове не укладывается. Это как вернуться в дом, где ты помнишь каждую деталь, и видишь, что в нём сделали переустановку. Теперь всё не на своих местах.

Может быть, я зря цепляюсь за прошлое? Может, Майло прав, и я не знаю Олли? Знала когда-то давно и сохранила иллюзию, что он остался прежним?

Но это невозможно. Изменился не только год, наш возраст, обстоятельства. Наши сущности так же поддались течению времени.

Разве мой Олли, каким я всегда знала его, сбежал бы?

Нет.

Он бы встретился с проблемой лицом к лицу и не успокоился, пока не решил её. Но теперь, когда его одолели сомнения, он спрятался от меня. Я найду его хотя бы для того, чтобы сказать ему это в глаза.

Я спустилась на землю и пошла к своей машине. Сегодня я больше ничего не могла сделать.

«МЫ ДОЛЖНЫ ПОЖЕНИТЬСЯ»

2004

Иногда Чарли ловила на себе взгляд Олли, значения которого никак не могла разгадать. Обычно это случалось совсем неожиданно, когда он думал, что она не видит его. Чарли перехватывала этот взгляд, и сердце сжималось от тревоги. Раньше его не было. Раньше — это до той истории с Ником. И хотя прошёл уже месяц, и Чарли совсем перестала общаться с ним, Олли не забыл. Он ничего не говорил ей, но Чарли знала, что он до сих пор думает об этом.

Чарли винила себя, ведь это она виновата, что их отношения больше не были идеальными и в них появился изъян. Да, они постарались его исправить, но исправленное всегда будет отличаться от неповреждённого. Они всегда будут знать об этой уязвимости, как бы ни старались делать вид, что ничего не было.

Устав носить эти сомнения в себе и не имея возможности поговорить с Олли, Чарли решила поделиться с Лиз, когда та приехала домой на выходные.

— И в чём проблема? Ну, поцеловал тебя этот парень, большое дело. Если ты так переживаешь, не надо было рассказывать всё Олли.

Чарли раздражённо взглянула на старшую сестру, но та не заметила, занятая своим педикюром.

С чего она взяла, что Лиз поймёт? У неё бойфренды меняются по четыре-пять раз в год. Но у Чарли не было близких подруг, с которыми можно было бы поделиться. Выбирать не приходилось.

— Твоё замечание немного опоздало, — съязвила Чарли, про себя поморщившись цвету лака, который выбрала Лиз. В девятнадцать ходить с ядовито-розовыми ногтями — что за дурной вкус!

— Если бы ты мне сразу призналась, я бы тебе то же самое сказала, — подняв на неё глаза, заявила Лиз. — Seriously, о чём ты думала? Стоило из-за такой ерунды рисковать отношениями

с Олли?

— Я не хочу ему лгать. — Чарли села на свою постель, свесив руки между коленей. — Ложь портит отношения, и ни к чему хорошему это не приведёт.

— Отношения портит такая вот паршивая правда, — возразила Лиз. — Не знал бы твой Олли ничего, спал бы спокойно. Все были бы счастливы. А теперь что? Только смириться и жить дальше. Что сделано, то сделано.

Чарли пожевала губу, раздумывая над словами Лиз. Теперь уже они не казались ей такими бессмысленными. Может, ей и стоило промолчать? Потом бы в одиночку справлялась со своей совестью.

— Он сомневается во мне, — подтянув колени к груди, сдавленно пробормотала Чарли.

Лиз вздохнула, закрыла пузырёк с лаком и с сочувствием посмотрела на сестру. У неё никогда не было таких проблем. Лиз не считала нужным связывать себя серьёзными отношениями до окончания колледжа, но у Чарли была другая ситуация. Она много раз дразнила младшую сестру, но где-то даже завидовала тому, что у той есть Олли.

Хорошо, когда есть кто-то, для кого ты целый мир. А то, что Чарли весь мир для Оливера Скотта, Лиз ни на секунду не сомневалась. Как и в том, что эти двое будут вместе всю жизнь.

— Дай ему время, Чарли. Ваши отношения подверглись испытаниям, так бывает.

— А если этим я его навсегда оттолкнула? — Чарли готова была расплакаться от страха. — Если мы расстанемся?

— Тогда Вселенная взорвётся, — пошутила Лиз, но Чарли было не до шуток.

— Лиз!

— Прости! Чарли, вы не расстанетесь из-за такого пустяка.

— Почему ты так уверена?

— Потому что иначе я ошиблась в Оливере, а я уверена, что это не так. Этот парень влюблён в тебя по уши. Я даже уверена, что, если бы пришлось, он пожертвовал бы своей жизнью ради тебя. Поэтому всё с вами будет хорошо, Чарли. Тебе не о чем волноваться.

Разговор с Лиз немного помог Чарли снять напряжение, но не успокоил полностью. Поэтому подождав ещё несколько дней, она решила действовать.

Рано утром Оливера разбудил шум. Не просто шум, как он понял, прислушавшись, а музыка. Очень громкая музыка, которая доносилась с улицы.

Что за чёрт?!

Вскочив с постели, Олли бросился к окну и, подняв раму, высунулся на улицу. Чарли с огромным бумбоксом над головой стояла возле отцовской машины. Магнитофон в её руках и был источником того, что его разбудило.

— Что ты делаешь, Чарли? — прокричал Оливер. Он не знал, смеяться ему или хмуриться.

— Признаюсь тебе в любви, Оливер Мэйсон Скотт! — перекрикивая Питера Габриэля, просияла Чарли.

Олли заметил, как вышел на крыльцо с чашкой в руках сосед, мистер Уилсон, наблюдая любопытную картину. Миссис Ларкин, которая каждое утро выходила на пробежку, тоже остановилась поглазеть на зрелище.

Мистер Скотт вышел из дома, а увидев Чарли, только вздохнул, даже не удивившись.

— Доброе утро, мистер Скотт! — широко улыбнулась ему Чарли. — Надеюсь, сэр, я не

разбудила вас?

— Меня нет, а вот за соседей не скажу, — в своей ироничной манере изрёк он. — Заходи в дом, Чарли. Можешь через дверь, в виде исключения.

— Я о чём-то забыл? — прищурился Олли, когда Чарли поднялась к нему, жалуясь на отваливающиеся руки. — Годовщина, какое-то событие?

— Нет, просто мне захотелось сказать тебе и всем вокруг, что я люблю тебя.

— Да, мистер Уилсон оценил это, — пошутил Олли, притянув Чарли к себе для поцелуя. — Это мне надо признаваться тебе в любви с магнитофоном над головой, а не наоборот. В фильме это делает парень.

Чарли фыркнула.

— Двадцать первый век на дворе, восьмидесятые давно остались позади. И это мне надо извиняться, не тебе, — уже тише добавила она.

Олли сдвинул брови на переносице.

— Извиняться? За что?

— Ты знаешь. — У неё не хватало смелости вслух произнести «За то, что позволила другому парню себя поцеловать».

— Чарли, — вздохнул Оливер, догадавшись, о чём она не решается сказать. — Эта тема закрыта. Тебе больше незачем просить прощения. Я простил тебя.

— Ну а я себя — нет. — Её нижняя губа дрогнула.

— Серьёзно, Чарли, я больше не хочу говорить об этом.

Оливер запустил руку в волосы и отошёл, чувствуя, что начинает злиться. С ним всегда так, когда он думает о Чарли и том парне. Оливер пообещал себе, что оставит этот момент в прошлом и он не повлияет на них с Чарли, но как ни старался, нет-нет, да и вспоминал о нём.

А теперь и Чарли туда же!

— Но, Олли, это стоит между нами, разве нет? — Она в отчаянии развела руками. — Ты правда хочешь и дальше делать вид, что ничего не происходит?

— А ничего и не происходит, Чарли! — повысил он голос. — Ты сказала, что всё закончилось на единственном коротком поцелуе. Это так?

— Да!

— Тогда я не понимаю, о чём тут ещё говорить!

— Но ты сомневаешься во мне! — Не выдержав, топнула она ногой. — Ты больше не доверяешь мне. Признайся, Олли!

— Чушь! — Он покачал головой, проведя ладонями по лицу.

Слёзы заструились по щекам Чарли. Чувство вины и страх её добились.

— Нет, и ты это знаешь! Я же вижу, как ты смотришь на меня! Ты думаешь, что больше не можешь быть уверен во мне! Олли, пожалуйста, скажи правду, потому что это меня убивает!

— Хорошо! — потерял терпение Олли. — Хочешь правду, Чарли? Да, я сомневаюсь. Сомневаюсь, и прости меня за это, но у меня появился повод. Ты дала мне его!

Чарли шмыгнула, прикрыв влажные глаза. Теперь, когда он подтвердил то, чего она так боялась, печальная реальность их положения обрушилась на неё всей своей массой.

— Вообще-то моё появление здесь с магнитофоном в стиле Ллойда Доблера только часть плана, — сказала она, ещё раз шмыгнув носом.

Олли нахмурился.

— Какого плана?

— Плана, в котором я доказываю тебе, что мне кроме тебя никто не нужен.

— Чарли, ты не должна мне ничего доказывать. Я не хочу наказывать тебя, понимаешь? Просто... Я разочарован и всё. Мне нужно время, понимаешь?

Она кивнула.

— Я готова подождать, Олли. — Чарли подступила к нему. — Если мне надо заново заслужить твоё доверие, я согласна. Только небольшой нюанс.

— Какой? — подозрительно посмотрел на неё парень.

— Ты не против, если ты будешь возвращать своё доверие не к своей девушке, а к жене?

На лице Оливера отразился шок, и она поторопилась продолжить:

— Видишь ли, это вторая часть моего плана, и если ты откажешься, то нарушишь его.

— Ты хочешь, чтобы мы поженились? — недоверчиво уточнил Оливер.

Чарли кивнула с самым решительным видом.

— Когда?

— Через два дня.

Олли ждал, что она признается, что пошутила, но лицо Чарли редко бывало таким серьёзным.

— Хочешь, чтобы мы через два дня поженились?

— Именно столько нам надо, чтобы добраться до Рино. Мы ведь всё равно собирались это сделать, так почему не сейчас?

Потому что они всё ещё школьники. До сих пор живут с родителями. Им нет восемнадцати. Да много было причин, по которым им не стоило этого делать. Но для Олли достаточно было одной причины, по которой следовало сделать это.

Его любовь к Чарли. То, в чём он никогда не знал сомнений.

— Тогда мы женимся в Рино через два дня, — решившись, кивнул Оливер.

Разве же он когда-нибудь ей отказывал?

— В Рино мы будем примерно послезавтра к шести часам вечера. Это если обойдётся без незапланированных накладок, — разглядывая на карте их предстоящий маршрут, сообщила Чарли. — Я высчитала, что на дорогу нам нужно тридцать два часа, но даже если мы будем вести по очереди, завтра на ночь надо будет остановиться в мотеле, плюс дополнительное время на заправку и еду. Итого: через сорок два часа мы приедем в Рино.

— И поженимся, — улыбнулся ей Олли.

Чарли сложила карту и кивнула.

— И поженимся.

У неё всё было продумано, забронирован номер в отеле и даже время в часовне, где они принесут клятвы друг другу. Она хотела этого, и не только для того, чтобы доказать Олли свою преданность.

Им всего по семнадцать, это верно. Наверное, большинство осудили бы их за поспешность, но Чарли знала, что никогда не усомниться в своём выборе. Ну а Олли... Для него всё давно было решено. Наверное, он знал, что проведёт с этой девушкой всю жизнь ещё с тех пор, как они были детьми.

Скорее всего, их ждут последствия после того, как они вернутся в Гери. Но это будет потом. К тому моменту Чарли станет его женой. Остальное не столь важно.

Оливер взял руку Чарли и сплёл их пальцы вместе. Перед ними лежала ночная дорога Индианы. В полночь они отправились в это судьбоносное путешествие, пока все их родные спали. Они оставили записки, которые будут обнаружены утром. Но к тому моменту они будут уже далеко, и остановить их не смогут.

Чарли

Ночью я спала очень плохо. Можно сказать, что и вовсе не спала. Вспоминала.

Я часто предаюсь воспоминаниям и представляю, как бы все сложилось, если бы... Если бы не то, что произошло в итоге.

Мы бы с Олли всё ещё были женаты, и, скорее всего, у нас были бы дети. Мы развелись, но ведь не потому, что перестали любить друг друга. Просто обстоятельства оказались сильнее. Тогда я была уверена в этом.

Теперь уже нет.

Я вынула из шкафа своё подвенечное платье и, подойдя к зеркалу, приложила его к телу. Это даже не было настоящее свадебное платье, просто белый сарафан, который завязывался на шее, с юбкой-колокольчиком. В тот момент ничего более подходящего у меня не нашлось. Но после свадьбы я больше не носила его, решив сохранить.

Мне хочется надеть его после всех этих лет, что я и делаю. Оно до сих пор мне впору, может, даже немного великовато в талии. Точно так же я стояла перед зеркалом десять лет назад, готовясь выйти замуж. Хотя нет — не совсем так. Тогда меня ждал Олли. Сейчас же он от меня скрывается.

Существенное различие.

Без пяти девять я вышла из дома и вновь отправилась к дому мистера Скотта. Отец Олли косил газон, когда я остановилась на обочине и вышла из машины. Увидев меня, он выключил газонокосилку и пошёл мне навстречу, глядя на меня так, будто не веря, что это я.

Я хотела поздороваться, но слова застряли в горле. Мистер Скотт всегда был для меня как второй отец, и когда я ушла от Олли, то чувствовала, что и его тоже предала. Я боялась, что он возненавидел меня, но на его лице появилась улыбка, и его руки обняли меня.

— Чарли! Как я рад видеть тебя, девочка.

— Прими мои соболезнования по поводу Митча, — сказал мистер Скотт, когда чуть позже мы пили кофе в его гостиной. — Проклятый ревматизм не выпустил меня из дома в день похорон.

Я покачала головой, заверив его, что всё в порядке. Я не могла не заметить, что за последние годы он очень сдал. Мистеру Скотту было тридцать семь, когда родился Олли, а теперь ему уже было за шестьдесят. Мать Олли была младше его на пятнадцать лет, и Олли сознавался, что отец всегда винил в её уходе их разницу в возрасте.

— Ну как ты, милая? Столько лет тебя не видел. Стала настоящей красивой женщиной.

Отец Олли смотрел на меня с теплотой, а я чувствовала, что не заслужила этого.

— Спасибо. И я в порядке, сэр. — Я кивнула, чуть не подавившись собственными словами. Не хотелось ему лгать, к тому же он, скорее всего, и так всё видел. — Если честно, то не очень. Сэр, если вы знаете, где Олли... Мне нужно увидеть его, но боюсь... — Я отвела глаза, испытывая жгучий стыд и неловкость. — Он сам не очень этого хочет.

Я, как могла, рассказала мистеру Скотту о том, что случилось за последние дни, опустив подробности той ночи в доме Пет. Отец Олли внимательно выслушал меня, а когда я закончила,

его брови задумчиво сошлись на переносице.

— Сэр, если вы знаете, пожалуйста, скажите мне, — в отчаянии посмотрела я на него. — Знаю, что с моей стороны это наглость, просить вас об этом, но... Мне правда нужно увидеть его.

— Я не уверен, но, может быть, Оливер... — Мистер Скотт запнулся, отыскал блокнот с ручкой в ящике стола и написал адрес. — Может быть, ты найдёшь его здесь.

Я взяла листок с адресом и с благодарностью посмотрела на него.

— Спасибо, сэр. Огромное вам спасибо!

Ничего не ответив, Джеффри Скотт только кивнул.

Место, которое указал мне мистер Скотт, находилось в пределах Гери, но в малонаселённой его части. Когда дома вообще перестали мне попадаться, я подумала, что заблудилась, но за деревьями, что росли вдоль дороги, заметила что-то. Дом, как я поняла, проехав ещё немного. Мне нужно было найти съезд, поэтому я поехала дальше, пока не заметила его — узкая тропинка уходила с главной дороги. Её едва хватало для проезда автомобиля.

Чем ближе я подъезжала к дому, тем быстрее колотилось моё сердце. Конечно, я могла ошибиться, и это чей-то чужой дом. Но некое шестое чувство подсказывало мне, что я на верном пути.

Олли здесь. Он должен был быть здесь, хотя во дворе стоял не Dodge Challenger, а темно-красный Chevrolet Silverado, но вполне возможно, это была его рабочая машина.

Я вышла из отцовской машины и огляделась. Похоже, дом был недавно отстроен — тут и там присутствовали следы строительных работ. До меня донёсся стук молотка, идущий откуда-то с обратной стороны дома. На эти звуки я и пошла, волнуясь до ужаса. Даже предположить не могла, как Олли отреагирует на моё появление.

Он забивал доски в пол веранды, сидя ко мне спиной. Я остановилась, не спеша выдать своё присутствие. Олли был полностью погружён в работу; сильные мышцы спины перекачивались под серой футболкой при каждом ударе молотка.

Мне показалось, что работает он с особым усилием. У гвоздей не было ни единого шанса.

Я бы могла смотреть на него ещё долго, но боялась, что, если Олли заметит меня, решит, что я подглядываю (что недалеко от истины), и ему это не понравится. Поэтому я поднялась по ступенькам и сказала:

— Привет.

Молоток замер в его руках, хотя он и не подскочил тут же, как будто застигнутый врасплох. Олли поднялся и чуть помедлив, обернулся ко мне.

Он выглядел хмурым и уставшим, будто не спал более трёх суток. Вокруг неприветливо глядевших глаз залегли тени, лицо покрывала щетина.

Меня здесь точно не ждали.

— Как ты узнала?

Голос его был не лучше внешнего вида, но я постаралась не предавать этому значения.

— Пришлось очень постараться, ты ведь не хотел, чтобы я тебя нашла.

Я сделала попытку улыбнуться, но он не отреагировал.

— Отец, — без труда догадался Олли. — Ты всегда была умной, Чарли. Что подвело тебя на этот раз?

Он прошёл мимо меня, а я попыталась скрыть, как его слова задели меня. Ладно, хочет оскорблять, я это стерплю.

Он достал из переносного холодильника воду, молчаливым жестом предложив мне, но я отказалась.

— Почему ты сбежал, Олли?

— А ты почему?

Он сердито смотрел на меня и, конечно же, говорил о разводе. Я хотела сказать ему правду, но теперь, когда он был так враждебно настроен, не могла себя заставить. Я обхватила себя руками и отвела взгляд, пока его мрачные глаза прожигали моё лицо.

Я действительно обманулась — Олли стал другим, кем-то, кого я не знала. Чужим и озлобленным. Я сделала его таким, больше винить было некого.

— Я так и думал, — хмыкнул он, глотнув из бутылки, когда я так ничего и не ответила.

— Что ты думал? — Я вновь заставила себя посмотреть на него.

— Ты сбежала, когда стало трудно, — обвинительно бросил он. — Решила, что тебе не нужен муж, который где-то там, на войне, пока ты молодая, в колледже и не имеешь возможности развлекаться из-за чёртового кольца на пальце! — Каждое его слово было пропитано ядом и цинизмом, а я слушала и не верила, что эти слова вылетают из его рта. — Только ты сама этого хотела, помнишь, Чарли? — Он ткнул пальцем в мою сторону. — Ты сказала, что нам надо пожениться, а я, дурак, тогда не понял, что это очередная проделка Чарли Пирс! Ещё одна забава для тебя!

— Что? — только и смогла обескураженно пролепетать я. У меня волосы на затылке шевелились от того, что он говорил. Того, *КАК* он это говорил.

— Чарли ведь была не такой, как все, да? — безжалостно продолжал он. — Бунтарка, правила для которой не писаны. А кем я был для тебя, скажи мне! — Он ударил себя по груди, крича по-настоящему. — Удобным инструментом добиваться своего? «Олли», — он изобразил воздушные кавычки, — никогда не откажет, стоит только Чарли сделать вот так! — Олли так резко щёлкнул пальцами в воздухе, что я вздрогнула. — Единственный раз, когда я отказал тебе — и ты мне этого не простила. Наказать решила. И наказала.

Меня трясло, а из глаз рвались слёзы. Нет, не слёзы, а настоящие рыдания. Он верил во весь этот ужас, что говорил?

— Тебя наказала? Тебя?! — Мой голос сорвался, я не знала, что со мной случится в следующий момент: я или расплачусь, или зайдусь в безумном хохоте. — Оливер... — Я чуть не подавилась, но, очевидно, «Олли» теперь для меня под запретом. — Ты даже не представляешь, как я наказала себя тем, что сделала с тобой!

Он покачал головой, и я видела, что мне не верил. Сейчас он был закрыт от меня.

Конечно, он мог мне не верить: слава, деньги, видимость удачи, громкие фальшивые романы.

Всё сплошная ложь и фикция. Знал бы он, что мне в своей собственной коже некомфортно. Просыпаться из раза в раз и понимать, что находишься не на своём месте. Надеяться, что твоя реальность — это на самом деле затяжной кошмар, и скоро ты очнёшься, и всё будет хорошо. Но этого не происходит.

— Всё было по-настоящему, — прошептала я, но мой голос был твёрдым. — У нас с тобой всё было по-настоящему! Всегда! Ты не можешь говорить сейчас, что это не так, и ставить под сомнения мои чувства к тебе, потому что более реального я никогда ничего не испытывала!

— Значит, ты переоценила свои чувства, и однажды их оказалось недостаточно, — скупно

отозвался он.

Я будто наталкивалась на ледяную стену. Да что с ним такое?!

— Я не переставала тебя любить, Олли! — закричала я, пытаюсь достучаться до него. — Ни на один чёртов час последних семи лет!

В то время как я дрожала и кричала как ненормальная, он, казалось, полностью успокоился. Это пугало даже больше, чем его крик.

Сложив руки на поясе, Олли подошёл ко мне, встав лицом к лицу.

— То есть ты и сейчас меня любишь?

Меня насторожил его безэмоциональный тон, но я кивнула. Я готова была как угодно доказывать ему это.

— Люблю! Всегда любила и буду.

Губы Олли изогнулись в кривой усмешке, а глаза оставались холодными. Две яркие голубые льдинки.

— Я тебе не верю, Шарлотта.

Оливер

Голос внутри велит мне заткнуться, но та часть меня — озлобленная и потерянная часть — продолжает. Она руководит мной, толкает высказать меня всё, что копилось во мне очень долго.

Поэтому я смиряю голос раскаяния. Если не скажу ей всё сейчас, меня разорвёт. Я сойду с ума. Нет, вернусь к безумию, к тому состоянию, которое держало меня своим заложником последние годы. Я не хочу этого, но контроль над собой — не то, чем я могу похвастаться, когда поблизости находится Чарли.

Я думал, что справлюсь. Не знаю даже, на что надеялся. Сначала я испытал эйфорию, когда Чарли вернулась. Но нельзя просто взять и решить, что между нами всё в порядке, нет никаких претензий и нерешённых старых проблем. И вот, когда эта эйфория схлынула, я понял, что по-прежнему в заднице. На дне. Даже хуже: я проснулся на следующее утро после того как уехал от Чарли и понял, что дно надо мной.

Долгие месяцы терапии, и что: одна ночь с ней — и всё, пиздец?

Я облажался. Секс с ней был ошибкой. То есть — он был лучшим событием за... не помню какое время, но определённо ошибкой.

Мой терапевт не похвалила бы меня за это.

Правда, говорить ей я не собирался. Достаточно, что Майло сказал, после чего наслушался дерьма.

Во мне что-то странное происходит, когда я вижу, какой эффект произвела на неё эта фраза. Не знаю, что задело её больше: то, что я не верил ей или то, что назвал Шарлоттой. Думаю, за двадцать с небольшим лет нашего знакомства это случалось так редко, что хватило бы пальцев одной руки, чтобы посчитать. Испорченная, повреждённая часть меня испытывает удовлетворение, а былой, влюблённый до безумия Олли готов отгрызть себе руку за то, что наговорил все эти гадости.

Но я не хочу сочувствовать Чарли. Я не хочу её жалеть. Я не должен заботиться о том, как она себя чувствует из-за всего этого. По её вине я испытал столько паршивого дерьма, что ей будет полезно получить сдачу.

«Не думайте о том, чего хотела бы Чарли. Сейчас имеет значение лишь то, чего хочет Оливер».

Хорошие слова, док. Хотя сначала мне и было дико слышать их. Я всегда хотел делать её счастливой. Угождать ей. Если улыбалась она, улыбался и я. Если Чарли плакала, я плакал вместе с ней.

Только многим позже я понял, что был эмоционально зависимым от неё. Я имел наивность полагать, что мне удалось избавиться от этой зависимости. Не сразу, после долгих усилий и ошибок, но мне удалось это.

Но появилась она – и у меня началась ломка.

— Ты раньше не был таким жестоким, — тщетно пытаюсь остановить слёзы, шепчет она.

Я равнодушно пожимаю плечами, про себя думаю, что я им и не был. Всё случилось позже. Когда меня скрючивало от мифической, но чертовски ощутимой боли и хотелось зубами грызть стену.

Мне можно себя поздравить. Превжний Олли, верный паж Шарлотты Пирс, уже ползал бы у неё в ногах, вымаливая прощение за то, что довёл её до слёз. Но я научился ставить глухую стену между нами.

Эта стена — необходимость. Именно она не даёт мне размякнуть и махнуть рукой на годы, прожитые во тьме, когда она признаётся, что никогда не переставала любить меня.

Я больше не куплюсь на это.

— Ты правда веришь в то, что сказал мне? — всё так же тихо спрашивает Чарли, глядя на меня заплаканными глазами. — По-твоему, я была такой пустой, Оливер? Лживой? — Её голос усиливается, становится твёрже. Она обижена, но стена не даёт чувству вины пробиться.

Нет, я так не думаю, не настолько она хорошая актриса, чтобы притворяться годами. Но в моих словах есть доля истины. Чарли всегда поступала только так, как хотела сама. Она любила меня, но не так, как я всегда верил. Я был ослеплён ею и в то время многого не замечал.

Иногда я ловлю себя на мысли, в особенные моменты честности перед собой, что хочу наказать её за то, что любила меня не достаточно сильно; за то, как сильно любил её я.

И что она сделала с тем, что годами связывало нас? Перечеркнула, уничтожила и отправила на свалку.

В самые отчаянные моменты я мечтаю, чтобы девочка по имени Шарлотта Пирс никогда не входила в класс мисс Томас.

— Олли, — её голос вновь дрожит, срываясь на шёпот. Чарли тянет руку к моему лицу, но я перехватываю её, крепко стискивая запястья.

Ей нельзя меня трогать, я не настолько силён.

Сквозь её приоткрытые губы вырывается короткий вздох. Я молча качаю головой.

«Тебе нельзя касаться меня. Моя защита против тебя далека от совершенства».

Чарли прикрывает глаза и делает ещё один вздох, медленный, пытаюсь успокоиться. Потом вновь смотрит на меня и едва заметная, печальная улыбка появляется в уголках её губ.

— Я тебя потеряла?

— Потерять и выбросить – не одно и то же, Чарли.

И это единственная слабость, которую я позволяю себе.

Чарли

Большую часть своей жизни я считала себя сильной. Никогда не унывающей, оптимистичной, смело глядящей в лицо трудностям. Это было несложно, ведь рядом со мной всегда был Олли.

Он делал меня такой. Тогда я этого не понимала, а когда он больше не мог быть рядом, я осознала это.

До того вечера на втором курсе я и не знала, насколько слаба Чарли Пирс. Вечер, ставший точкой отсчёта, когда я впервые солгала Олли. И продолжила это делать, полагая, что защищаю его.

Теперь я думаю, что истинная причина моей лжи была в том, что я защищала себя.

Я боялась. Боялась, что Олли увидит правду — что никакая я не особенная, а самая обычная. И когда он это поймёт, то уйдёт от меня. Найдёт себе ту, которая будет более достойна его.

Мне жаль, что этого так и не случилось. Правда жаль, что рядом с ним нет девушки, которой он смог бы подарить своё огромное щедрое сердце и... любовь.

Конечно, будь она, я бы её ненавидела, и, может быть, даже втайне обзывала, но, если бы она делала его счастливым, всё остальное было бы неважным.

Мне грустно видеть, что в нём сидит эта злость, разъедающая его. Не такого я хотела для Олли. Если для того, чтобы он был спокоен, мне надо держаться на расстоянии, я буду.

Уехав от Олли, я безостановочно плакала. Хотела перестать и не могла. Когда перед глазами начало всё расплываться, я съехала на обочину и заглушила мотор.

Из-за обильных слёз линзы помутнели, и я вынула их, достав из сумки очки, которые всегда носила с собой на всякий непредвиденный случай.

Вот как этот.

Я уже однажды делала это и смогу ещё раз. Я справлюсь.

От подобной чуши смехок вырывается изо-рта, и вот уже я смеюсь сквозь слёзы.

Справилась. Да уж, в прошлый раз я отлично справилась. Будет удивительно, если я не попаду в клинику для душевнобольных или меня не обнаружат в ванной со вскрытыми венами.

Эта мысль заставила меня вздрогнуть, и смех резко прервался. Нет, ничего подобного я делать не буду. Самоубийство — один из самых эгоистичных поступков, который может совершить человек. А за мной прегрешений и без того хватает.

Я представила лица мамы, Пет, Лиз и Эмили, если бы я всё же решилась на это, и меня охватило чувство вины уже от того, что я думала об этом.

Следующие несколько дней я загрузила себя делами и домашними заботами, только бы не было времени думать об Олли. Правда, ночи полностью в моём распоряжении, и тут я отрываюсь по полной. Плачу в подушку, тоскую и грущу. Утром у меня припухшие глаза, но никому не приходится объяснять, почему так, ведь в доме траур. А ещё я чувствую себя отвратительно, потому что плачу не из-за папы. Когда это происходит, я снова плачу, только теперь из-за отца.

«Чарли играет»

2004

— Ты это специально?

У Олли сел голос — свидетельство того, что он уже был возбуждён. Да и как тут не возбудиться, когда Чарли сидит напротив и дразнит его.

— А ты как думаешь? — Она улыбнулась с самым невинным видом, потом медленно провела

языком по верхней губе, слизывая остатки молочного коктейля.

Олли с усилием сглотнул, почувствовав прилив крови внизу.

— Чарли... Что ты...

Он запнулся, когда её ступня под столом легла на его пах. Они сидели в семейном кафе, где было полно посетителей, а она ступнёй массирует его промежность!

Их же запросто могли увидеть!

— Что «я»? — Она обхватила губами соломинку, не прекращая двигать ступнёй.

Олли поставил локти на стол, прикрыв лицо ладонью. Его дыхание стало учащаться. Он хотел сказать, чтобы она перестала, но у него язык не повернулся. Если он сейчас кончит в штаны, это будет полным позором. Но то, что она делала, было слишком хорошо, чтобы сказать «стоп».

Олли взглянул на Чарли из-под ресниц. Наверное, он сейчас весь красный, а она сидит и улыбается, будто ничего не происходит. Олли хотелось отплатить ей тем же, но он знал, что не сможет. Тут ему её не переиграть.

Внезапно всё прекратилось. Чарли опустила ногу и поднялась.

Отлично, он же этого сделать не мог!

— Расплатись и обойди закусочную с обратной стороны. Я собираюсь затрахать тебя, — зашептала Чарли, лаская его шею тёплым дыханием со вкусом вишневого коктейля.

Олли чуть не подавился. Ему стоило всей его выдержки, чтобы не вскочить и не побежать за ней.

Оливер обернулся и посмотрел вслед Чарли, уходящей в сторону уборных.

Господи, помоги ему!

Эта девчонка — сумасшедшая и совершенно невероятная!

И завтра она станет его женой.

Сохраняя видимость спокойствия, Олли подозвал официантку, что их обслуживала, и попросил счёт. К тому моменту, как он расплатился, уже можно было подняться из-за стола, не боясь позора.

Олли вышел и обошёл закусочную вокруг, в поисках Чарли. Она подпирала стену... возле мусорных баков.

Просто отлично!

Олли почесал затылок, оглядевшись. Никого вроде бы не видно, место глухое, но всё же...

Она же это не серьёзно?

— Ты собираешься стоять там или подойдёшь ко мне? — Чарли смотрела на него с лукавством и вызовом, покачивая согнутой в колене ногой, что упиралась в стену.

Оливер подошёл к ней и поставил ладони по обе стороны от её лица, наклонившись к губам.

— Иногда мне кажется, что ты хочешь, чтобы нас поймали, — севшим голосом пробормотал он.

Чарли облизнула губы, выгнувшись вперёд так, что её груди касались его.

— Может быть, — слегка пожала она плечом.

Олли изогнул брови.

— Может быть?

Она потянулась и шепнула в его губы:

— Это просто весело, Олли.

Значит, она хотела веселья? Ну, конечно же, это ведь Чарли.

Губы Оливера дрогнули в усмешке: несколько минут назад он думал, как отплатить ей. Теперь у него появилась идея.

Оливер опустил взгляд вниз — между свободным тонким свитером и шортами виднелась полоска загорелого живота Чарли. Олли пришлось сделать глубокий вздох: сейчас ему понадобится вся его выдержка.

Во взгляде Чарли стояло любопытство, когда он расстегнул пуговицу её шорт и «молнию», но, когда просунул руку в трусики, резко втянула воздух носом и прикусила уголок рта.

— Олли! — взволнованно прошептала Чарли.

Он сладко улыбнулся ей.

— Это всё ещё весело, Чарли?

Она ничего не ответила, потому что его пальцы как раз коснулись места, где она уже была влажной.

Нет, едва ли это было весело. Возбуждающе. Волнующе. Горячо.

Да, Боже мой!

Чарли схватилась за сильные плечи Олли, потому что начали слабеть колени. Задыхаясь, она прижалась затылком к шершавой стене. То, что затевалось как дерзкая забава, перестало быть таковым. В ней пылал настоящий огонь, порождённый Олли и тем, что он делал.

Свободную руку Олли положил на её шею и, наклонившись, целовал с жаром и страстью, пока его пальцы скользили в ней — тёплой и влажной; такой отзывчивой.

Это было волшебно. Каждый раз с ним оказывался лучше предыдущего. Чарли радовалась, что они с Олли вместе познают степень своей сексуальности. Этот парень был её лучшим другом, потом стал возлюбленным и любовником, а скоро станет мужем.

Её спутник на всю жизнь. Иного Чарли и не хотела.

— Олли! — дрогнувший шёпот сорвался с её губ. Чарли была близка к тому, чтобы испытать сладкое, удивительное освобождение, которое так требовалось её телу, но вдруг всё закончилось. Руки Олли больше не касались её, а сам он отошёл, глядя на девушку с победным блеском в голубых глазах.

Чарли растерянно уставилась на него, в первую секунду не сообразив. Олли же улыбался ей с наглым вызовом, хотя и сам страдал.

Ясно. Решил помучить её.

— Хорош. Хорош, — одобрительно рассмеялась Чарли, всё ещё прижимаясь к стене, служащей опорой.

Олли развёл руками, поклонившись.

Они смотрели друг на друга с улыбкой, ведя молчаливый диалог. Ему навсегда хотелось сохранить образ такой Чарли в своей памяти: расслабленная, с порозовевшими щеками, припухшими от его поцелуев губами. Томный взгляд её карих глаз, глядящих внутрь его души.

«Я люблю тебя. Я буду любить тебя, что бы ни случилось. Даже если завтра мир перевернётся, моя любовь к тебе останется нерушимой».

— Доволен собой? — усмехнулась Чарли, когда они сели в машину и Оливер завёл мотор.

— Может быть, — неопределённо ответил он, бросив на неё загадочный взгляд.

Чарли покачала головой, отвернувшись к окну.

Через некоторое время дорога стала совсем пустынной, за двадцать минут им не попалась ни

одна встречная машина. Чарли попросила Олли остановиться, и он съехал на обочину, но она не торопилась выходить. Вместо этого перебралась к нему на колени, зашептав в его губы:

— Не забыл, что я пообещала тебе в кафе?

Олли выдохнул с коротким смешком, скользнув ладонями ей под свитер. Он был совсем не против, и Чарли выполнила своё обещание.

Чарли

— Тебе нужно перестать делать это, — сказала мама, когда однажды вечером мы прогуливались по нашей улице.

Прошла неделя с тех пор, как я уехала от Олли и больше не видела его.

Перестать думать о нём было не так легко, как избегать.

— Делать что? — удивлённо посмотрела на неё я.

— Это, — мама показала на моё лицо, будто этот жест мог всё объяснить. Впрочем, я догадалась. Трудно было скрыть, что я плакала почти каждую ночь ещё и потому, что я перестала носить линзы и ходила в очках. Линзы я только портила, и мне казалось, что нечто чужеродное сидит в моих глазах.

— Мам...

— Я знаю, что это не из-за отца, — перебила она. — Во всяком случае, не только из-за него.

— Ты знаешь про Олли?

Она послала мне слабую улыбку.

— Пет рассказала мне о том, что сделала. Да я бы и без неё догадалась. Не было сомнений, что вы с Олли не сможете держаться друг от друга на расстоянии, находясь здесь.

Я обхватила себя руками, пнув камешек под ногами.

— Он меня ненавидит.

Мама как-то странно посмотрела на меня.

— Это он тебе так сказал?

— Нет, — я покачала головой. — Но по тому, что он наговорил мне, я это и так поняла.

— Полагаю, Оливер обижен на тебя и рассержен, — осмотрительно произнесла она. — Но не думаю, что он тебя ненавидит.

— В любом случае, знать меня он не желает, — вздохнула я, прижав ладони к щекам.

Вечерело, и воздух становился прохладным, но мне пока не хотелось возвращаться домой.

— Ты должна понимать, что Оливер пережил много плохого после вашего развода. Ему правда было тяжело принять это, Чарли.

— Я знаю, мам. Я понимаю, что Олли было тяжело, и мне жаль, что он прошёл через всё это из-за меня.

— Чарли, с ним действительно было всё плохо, — с некой странной интонацией повторила мама, остановившись. Я тоже остановилась и обернулась к ней.

— О чём ты?

— Некоторое время у Олли были проблемы с самоконтролем и полицией, — осторожно сказала она. — Папа даже пытался поговорить с ним, как-то помочь, но...

Мама покачала головой, а мне захотелось на что-то опереться, но позади меня была только живая изгородь.

— Когда это было? — Мой лепет еле слышен.

Мама на секунду задумалась.

— Прошло уже больше двух лет. В последнее время у Оливера вроде бы всё наладилось. По крайней мере стены церкви он больше не таранит.

Она невесело улыбнулась, а я шокированно вытаращилась на неё.

— Что?

— Говорят, он тогда был очень пьян. Удалось отделаться исправительными работами, ну и он сам восстанавливал повреждения. Все же Олли тут знают как хорошего молодого человека.

Да, я тоже. Потому мне и дико слышать всё это. Речь как будто вовсе не о том парне, которого я знала.

— Почему вы мне ничего не рассказывали?

— Отец считал, что тебе не следует знать. — Мама погладила меня по спине — она не часто проявляла чувства таким образом. — И я была с ним согласна. Вы развелись, Чарли. Тебя это больше не касалось.

«Неправда, ещё как касалось», — подумала я, но вслух этого не произнесла.

Когда я возвращаюсь с прогулки, на телефоне меня ждёт сообщение от Рена Арчера. Рен частный детектив, с которым я долгое время веду дела. Он пишет, что не смог дозвониться до меня и чтобы я ему перезвонила сразу же, как смогу. Это срочно.

Есть лишь одна причина, которая не может ждать, поэтому моё сердце начинает бухать в груди, а во рту пересыхает, когда я набираю его номер.

— Филипп Норрис получил повышение, — после короткого приветствия сообщает Рен. — Компания назначила его управляющим филиала в Кливленде.

Рен замолчал — мы оба понимали, что означает эта новость. Мне нужна опора, потому что мои ноги вдруг стали слабыми. Я отступила к кровати, тяжело опустившись на покрывало.

— Они переезжают? Они все переезжают? — пробормотала я, не зная, на что надеюсь. Может быть, на чудо вроде того, что Рен возразит: «Нет, только Филипп. Миа с Заком останутся в Лос-Анджелесе».

Но он так не сказал.

— Да, Чарли, все.

Я уловила в его тоне нотку сочувствия, хотя Рен был профессионалом и редко позволял своим личным чувствам влиять на дело. Но за последние четыре года он также стал мне кем-то вроде хорошего друга, если не друга.

Я подавила вздох, готовый сорваться с губ.

— Когда?

— В конце месяца.

Я не стала спрашивать, откуда ему это известно. Это было работой Рена, узнавать такие вещи, и он выполнял её безупречно. Если он говорил, у меня не было причин не верить ему.

До конца месяца оставалось меньше десяти дней.

Слишком скоро.

Хотя я ведь никогда не буду готова к этому. Я много раз думала, что может случиться нечто подобное, но, когда это случилось, оказалась не готова.

Почему сейчас?

Я поблагодарила Рена, и мы попрощались. После я позвонила Миллисент, своей ассистентке, и попросила заказать мне билет на утренний рейс до Лос-Анджелеса.

Я решила не брать с собой вещи, потому что планировала скоро вернуться в Гери. Всё, что мне может понадобиться, уместится в ручную кладь, а вещей в моей Лос-Анджелесской квартире хватает.

Мне надо было предупредить маму и Эмили. Я подумала, что сошлюсь на неотложную работу. Это будет убедительным.

Прежде чем спуститься вниз, я окинула взглядом комнату. Когда я вернусь сюда на следующей неделе, уже ничто не будет держать меня в Лос-Анджелесе.

Той ночью после звонка Рена я впервые за последние дни практически не думала об Олли. И ночью не спала я тоже не из-за него.

Я лежала, сжав подушку, будто она была моим спасением, и думала о том, как быстро всё меняется. А я просто не готова.

Я знаю, что ничего не могу изменить. Ни в отношении папы, ни в отношении Зака. Но, может быть, у меня всё ещё есть шанс с Олли?

Мне пришлось выехать рано утром, потому что до Индианаполиса было два часа пути. Я взяла машину отца — мама не была против. Прощаясь с ней, я подумала, что могла бы рассказать ей про Зака. Она бы поняла. Ну, мне хочется так думать. Но мне было страшно признаться кому-то, что сотворённая семь лет назад ошибка сделала меня своим заложником.

Конечно, я знаю, что мама не станет злорадствовать: «Я же тебе говорила», но она действительно была права тогда.

Жаль, я не поверила ей сразу.

Улицы города практически пустынные в это время, даже стоит небольшой туман, давая ощущение некоего волшебства.

Мысль заставляет меня улыбнуться.

Волшебный Гери. Может быть, это недалеко от истины. Со мной здесь происходили удивительные вещи. Я бы хотела однажды показать его Заку. И мне горько от того, что этого никогда не случится.

Когда я проезжаю мимо «Стройматериалов Скоттов», то вижу пикап Олли и его самого — он что-то загружает в кузов. Я не собираюсь останавливаться, минуя перекресток, не сводя глаз с зеркала заднего вида. Если Олли и заметил меня, то ничем этого не выдал.

Так вот как теперь будет. Станем делать вид, что не замечаем друг друга. Если я вернусь в Гери навсегда, у нас могут возникнуть сложности.

Я резко жму на тормоз и переключаюсь на задний ход. Я нарушила правила, но, благо, поблизости никого нет.

Поравнявшись с магазином, я выхожу из машины и быстро перехожу дорогу, не давая себе возможности передумать.

Олли прекращает своё занятие, с заметным напряжением (и удивлением) глядя на меня.

— Почему ты уехал тогда из Лос-Анджелеса? — Мой голос полон упрёка, хотя я и не планировала этого. Всё происходит само собой. Но он не должен думать, что у него одного есть право на претензии.

— Если ты ещё помнишь, у тебя был парень, — бросает он, возвращаясь к работе. Берёт мешок с песком с тротуара и перекладывает в кузов грузовика. На Олли клетчатая рубашка, старые джинсы, а на руках рабочие перчатки.

Он до абсурда великолепен! И я влюблена в него. А ещё меня это бесит!

Его замечание заставляет меня фыркнуть.

— Спать со мной это тебе не помешало.

Он бросает на меня взгляд из-под нахмуренных бровей, но ничего не отвечает.

— Если бы ты хотел быть со мной, то не уехал бы, — продолжаю распаляться я. — Но, очевидно, этого желания в тебе не было, если ты даже не посчитал нужным попрощаться со мной!

— Я попрощался, — негромко возражает он.

— Да, чёртовой запиской!

— Прости, моя записка оказалась не так хороша, как твоё письмо?! — рывкает он, а я чуть на месте не подпрыгиваю.

Ладно, один-один.

— Ты была счастлива, — чуть тише, с неохотой произносит он. — Я видел, как ты сияла, когда рассказывала о своей новой жизни, а я смотрел на тебя и думал, что ни черта не знаю об этой новой Чарли. Кинозвезда и демобилизовавшийся военный — не очень подходящая пара, — безрадостно хмыкнул он.

Может быть, тогда и правда время было неудачное. Нет, Олли ошибается, я не была счастлива. Точнее, не по тем причинам, о которых он думает. И я правда была не свободна, пытаюсь построить отношения с кем-то, кто не он. Но меня огорчает, что он так легко сдался.

Мы оба сдались.

— Это никогда не имело значения, — затрясла головой я. — Ты думаешь, мой статус менял что-то в моём отношении к тебе?

Меня это задевало и возмущало. Неужели вдобавок ко всему он принимал меня ещё и такой ограниченной?

— Нет, но что-то же изменило. — Он передёрнул плечами, прежде чем наклониться за следующим мешком.

Если я не хотела опоздать в аэропорт, то должна была сесть в машину и уехать. Почему сейчас, когда он не гонит меня, я вынуждена сама уйти?

— Торопись!

Олли заметил, как я бросила взгляд на часы.

— В аэропорт еду, рейс через три часа.

Его лицо осталось бесстрастным, но мне показалось, я уловила нечто во взгляде.

— Тогда удачного пути.

Он отвернулся от меня, чтобы закрыть багажник.

— Я вернусь через неделю или около того.

Даже не знаю, отчего посчитала нужным сказать ему это.

Олли никак не отреагировал, а мне вдруг захотелось предложить ему полететь со мной. Я могла бы показать ему причину — истинную причину нашего развода.

Но я не сделала этого. Вместо этого я села в машину и уехала.

«Молодожёны»

— Это ужасно, — со вздохом протянула Чарли, чем заставила Олли ещё больше разволноваться.

Он боялся, что ужасной она считает их затею, и теперь передумала. Но всё же надеялся, что это не так, потому что сам он за прошедшие два дня только укрепился во мнении, что они поступают правильно.

— Я со всей это суетой напрочь забыла о свадебной клятве, — пожаловалась Чарли.

Олли почувствовал себя так, будто его яички выпустили из тисков, и можно свободно вздохнуть.

Он улыбнулся своей невесте.

— Это не страшно. Я тоже не написал клятву. Можно сделать скидку, у нас не совсем стандартная ситуация.

Чарли улыбнулась ему в ответ, положив голову на его плечо. И правда неважно, что у них нет клятв. И то, что на ней вместо подвенечного платья сарафан, а вместо свадебной вечеринки они пойдут в «Пицца Хат» или ещё куда-нибудь.

Важно то, что они делали.

Возможно, один из самых важных моментов в их жизни наступает именно сейчас.

Чарли подняла голову и с любовью посмотрела на Олли. И вдруг беспокойство, сомнения и спешка последних дней исчезли. Их просто не осталось. Была лишь любовь к этому парню и уверенность в своём решении.

— Оливер Скотт и Шарлотта Пирс? — позвала пожилая седовласая женщина, выйдя в небольшой холл часовни.

Держась за руки, Чарли и Олли поднялись.

Время пришло.

Оливер

Я часто вспоминаю день нашей свадьбы. Дело не в том, что я какой-то там нытик или мазохист, которому нравится ковыряться в незаживающей ране.

Ничего такого, просто тот день был хорошим. Наверное, в жизни человека выпадает не такое и малое количество хороших дней, но как много из них остаются в памяти?

Тот день я мог бы воспроизвести едва ли не в минутах. Я помню, какой был на ней сарафан и сандалии из ремешков с золотой застёжкой. Помню запах её духов и вкус земляничного блеска для губ, который я чувствовал, когда целовал её. Помню звук её счастливого смеха, когда мы вышли из часовни. На её пальчике было кольцо — символ нашей любви. Помню, как мы шутили, сидя в закуской с картошкой-фри и ягодным пирогом, без конца повторяя «миссис Скотт», только привыкая к тому, что продлилось меньше, чем мы ожидали.

Я ожидал.

Память жестока. Я могу сказать это с уверенностью. Она каждый раз ведёт меня своими дорожками, показывая то, что навсегда потеряно.

«— Я люблю тебя, мистер Скотт, — в мои губы шепчет Чарли в нашу первую брачную ночь. — Муж мой. Навсегда-навсегда, Олли».

Мою грудь что-то стискивает, дышать становится трудно. Я съезжаю на обочину, давая себе

передышку. Открываю бардачок, нахожу жёлтый пузырёк и, вытряхнув капсулу на ладонь, проглатываю.

Таблетки притупляют чувства и эмоции, но это именно то, в чём я сейчас нуждаюсь.

Когда три года назад я решил разыскать Чарли в Лос-Анджелесе, то надеялся — и сейчас я понимаю, что это было глупо, — застать её... сожалеющей. Я думал, что с момента нашего развода она миллион раз успела пожалеть о своём решении и раскаивается так сильно, что я смогу простить её. Простить её и себя, и возможно, она даже захочет вернуться в Гери со мной. Мы снова поженимся, и на этот раз у нас будет настоящий пышный праздник со всеми нашими родными и друзьями. Чарли будет в белоснежном платье, её отец поведет её к алтарю, а я буду ждать там, чтобы сказать самую прекрасную клятву, которую напишу для неё.

Я и правда был идиотом.

Чарли обрадовалась мне, я видел это в её глазах. Она смотрела на меня с теплом и улыбкой, как смотрят на хорошего друга, которого не видели очень давно. Мы много говорили в тот день, но не о том, о чём я хотел на самом деле. Я смотрел на неё, слушал, с каким восторгом она рассказывала о съёмках в сериале, а сам так и порывался спросить: «Ты хотя бы немного сожалеешь, что меня больше нет в твоей жизни? Думала ли ты, что, возможно, тогда сделала ошибку?»

Мне хотелось знать, почему ей так легко было меня отпустить? Когда это случилось? Когда я ушёл в армию или раньше?

Это моя вина, что ты не захотела остаться? И главное: как я могу всё исправить?

Но всё, что я видел — она живёт прекрасной жизнью, где для меня нет места. Я уехал на следующее утро, и на этом всё закончилось для меня.

Мне надо было повидать Чарли. Я думал, для того чтобы вернуть её, но на самом деле принять реальность — она не жила с сожалениями и надеждой вернуть прошлое. Я был одним таким дураком.

«Детки наказаны»

2004

— Вы хотя бы отдаёте себе отчёт в том, что натворили? — строго, но, не повышая голоса, спросил мистер Пирс.

Когда Оливер с Чарли вернулись в Гери, родители уже ждали их для разъяснительного разговора. Отец Олли тоже был здесь, молчаливо сидя в кресле, погружённый в свои мысли.

— Да пап, мы с Олли пошли на это сознательно. — Чарли демонстративно взяла руку Оливера, и они улыбнулись друг другу, выражая единство.

— О нет, я так не думаю! — Мама Чарли не беспокоилась о повышенных тонах, в отличие от мужа, не сдерживая себя. — Вы двое глупых подростков, которые имели дурость совершить такое!

— Джена, — попытался успокоить жену Митчелл, но та будто не услышала его.

— О чём вы только думали? О чём ты только думала?! — Мать ткнула пальцем в Чарли. — Тебе семнадцать! Вам обоим *только* семнадцать! Ещё даже школу не закончили! Как же поступление в колледж? Вы чем вообще заниматься думаете? — едва не клокотала от негодования миссис Пирс. Она всегда очень благосклонно относилась к Оливеру. Иногда у неё возникали тревожные мысли, ей казалось, что Чарли слишком увлечена, слишком погружается в

эти отношения.

Но она и помыслить не могла, что всё зайдёт так далеко!

— Мам, если ты дашь нам сказать, то узнаешь, что наши планы насчёт колледжа остаются в силе, — с улыбкой поторопилась заверить Чарли. — Мы окончим школу, поступим в колледж. Ничего не изменилось, наш брак этому не мешает.

— Как же всё у вас просто! — всплеснула руками миссис Пирс. — Вы думаете, что брак — это игрушки? Нет, мои дорогие! И скоро вы это поймёте.

— Вам не обязательно было так торопиться, — с куда меньшей экспрессией сказал Митчелл. — Разве это что-то изменило? Ваши чувства не изменились, не было причин сбегать из дома и устраивать тайную свадьбу в Рино.

«Папа не прав, это изменило всё», — мечтательно подумала Чарли, а вслух сказала:

— Мы обещаем вам, что наша женитьба не доставит проблем учёбе.

Джена закатила глаза, но смолчала.

— Миссис Пирс, мистер Пирс, — поднявшись, обратился к ним Оливер. — Извините, что мы задели ваши чувства, и мы понимаем, что вы возмущены. Но мы с Чарли любим друг друга, и я обещаю, что буду заботиться о ней лучше, чем о самом себе, — клятвенно пообещал Оливер.

Родителям ничего не оставалось, кроме как уступить перед их натиском. Правда, все трое выступили за то, что до окончания школы каждый останётся жить в своём доме. Чарли с Оливером пришлось согласиться.

Позже, когда Олли с отцом уехали от Пирсов, Джефффри Скотт подозвал к себе сына, положив перед ним большой зелёный конверт.

— Думаю, ты кое о чём не сказал своей жене.

И с этими словами ушёл, оставив Оливера наедине со своими мыслями.

Чарли

Проходит ровно четырнадцать дней, когда я вновь возвращаюсь в Гери. Я подавлена и разбита и чувствую себя так, будто утратила самое ценное в своей жизни.

На самом деле это случилось семь лет назад, но все эти годы я тешила себя иллюзиями. А теперь пришло время признать правду, горькую и ранящую.

— Ты должна его отпустить, Чарли.

Я посмотрела на Рена, словно только вспомнив, что он тоже находился здесь.

Ну да, мы ведь в его кабинете.

Я откинулась на спинку кресла и вздохнула.

— Я могла бы переехать в Кливленд, — будто не слыша его слов, пробормотала я.

По донёсшемуся до меня вздоху я поняла, что ему это пришлось не по душе.

— Всю жизнь хочешь в кустах просидеть?

— Ауч! — Я удивлённо вскинула брови, но Рен не выглядел раскаявшимся.

— Ты знаешь, что я прав, — негромко произнёс он.

Конечно, я знала, и меня тошнило от этого.

— С ним всё хорошо, Чарли, — смягчился Рен. — Он счастлив, любим, ты ведь сама видела.

О да, много раз! Так много раз я наблюдала за женщиной, которую мой сын называет мамой. Она отвозит его в школу и на футбольные тренировки, готовит ему обед, купает перед сном и

читает сказки на ночь. Она имеет привилегии, от которых я сама добровольно отказалась, а теперь раскаиваюсь.

Каждый Божий день своей никчёмной жизни!

— Это трудно. — Я посмотрела на свои руки, будто там был ответ, что мне следует делать. — Я знаю, что ты прав. Мне давно надо было отпустить его, но... — Я смахнула выступившую слезу с ресниц. — Он был неотъемлемой частью моей жизни последние семь лет, а он даже не знает о моём существовании. И это меня убивает. Чёрт! — Я прижала ладони к лицу, расклеившись.

Рен протянул мне бумажные салфетки.

— Твой сын счастлив и здоров, Чарли. Пусть хотя бы это тебя утешит.

Я кивнула, соглашаясь с ним.

Может, я и не могу открыться Заку. Не могу прийти и сказать, что, родив его в двадцать лет, так испугалась ответственности, что совершила непоправимую глупость и отдала чужим людям. Я даже не знаю, сказали ли они ему, что усыновили его.

Мне кажется, что я знаю о нём всё, и в тоже время совершенно ничего не знаю.

Единственное, что в моих силах, это обеспечить ему финансовую независимость. Он сможет пойти в любой университет, осуществить любую свою мечту. Его родителям не придётся залазить в банковские долги, чтобы оплатить его обучение. Когда Заку исполнится двадцать один, он получит доступ к счёту, который я открыла на его имя.

Он даже не узнает, кто это сделал.

Уйдя от Рена, я села в машину, но долго не могла тронуться с места. Я бы хотела вернуться в тот день, когда родился Зак. Я бы взяла его на руки и больше никогда не выпустила.

Иногда, когда я наблюдаю за ним издали, мне хочется подойти к нему, схватить и бежать, бежать и бежать. До тех пор пока прошлого не останется и мой сын будет только моим.

«Муж и жена»

2004

— Вы поженились? — Кевин Финн, общий друг Чарли и Олли, недоверчиво вытаращился на них.

Все их друзья и знакомые были поражены известием о недавней свадьбе.

— Поженились, — кивнула Чарли, выставив левую руку с кольцом перед собой. На её лице неизменно появлялась улыбка, стоило ей только посмотреть на него.

— Ты беременна?

Челси Мун была не первой (и не последней), кто задавал этот вопрос.

Вполне ожидаемо, что если вдруг двое женятся, не окончив школу, значит, не за горами подгузники, детские бутылочки и прочие прелести залёта.

Чарли засмеялась, теснее прижавшись к Олли, обнимавшему её весь вечер.

— Нет, Челс, я не беременна.

Всё же сомневаясь, та опустила взгляд на живот Чарли, но никаких признаков интересного положения не обнаружила.

Свадьба Оливера и Чарли стала одной из центральных тем на пятничной вечеринке у Дерека Левинсона. Но новоиспеченных супругов только забавляли удивлённые лица приятелей и

вопросы о беременности.

— Давай уедем пораньше, — притянул к себе Чарли Оливер, когда они наконец-то остались одни на открытой веранде. — Отец вернётся только завтра к вечеру, дом полностью наш.

— Знаешь же, что я не смогу остаться на всю ночь, — с досадой вздохнула Чарли, обхватив его шею руками.

Это было обязательным условием родителей — никакой совместной ночёвки до выпуска. Больше всего на этом настаивала мама, и Чарли пришлось согласиться, хотя она и считала это глупостью. Родители знали, что они занимаются сексом, так какая разница?

— Меня убивает, что я не могу спать в одной постели со своей женой! — поморщился Оливер.

— Меня тоже, особенно когда думаю о тебе, сонном, но уже таком твёрдом, — соблазнительно зашептала Чарли, грудью прижавшись к мужу.

Оливера будто жаром окатило. Умела же Чарли завести его с пол-оборота. Теперь он думать ни о чём не мог, кроме того, как забрать её домой и снять с неё красные кружевные трусики, резинка которых дерзко выглядывала из-под пояса юбки.

— Сейчас я совсем несонный, но, как ты можешь почувствовать, — твёрдый, — севшим голосом отозвался он.

Чарли улыбнулась и, приподняв ногу, коленом прижалась к паху Олли.

— Мы уезжаем. Немедленно! — отрезал он, хватая Чарли за руку и ведя к машине.

— Мы же не попрощались ни с кем! — засмеялась девушка.

Оливер нетерпеливо отмахнулся.

— В понедельник всё равно увидимся. Сейчас мне нужна только моя жена.

Спустя два часа Чарли заявила, что умирает от голода, потому что Олли её вымотал. Правда, у него были сомнения, кто кого, но он не стал их озвучивать.

— Будь здесь, я быстро вернусь и не дам тебе умереть голодной смертью.

Олли натянул боксеры, чмокнул Чарли в нос и, тихо насвистывая какой-то мотивчик, спустился в кухню.

Чарли расслабилась на подушках, с самой счастливой улыбкой глядя в потолок. Казалось, ничто не способно согнать улыбку с её губ, но стоило ей взглянуть на часы, как та померкла. Через час ей надо быть дома, а она меньше всего хотела покидать его постель.

Заставив себя подняться, Чарли надела одну из футболок Олли, прикрывающую её ягодицы, и оглядела комнату, которую знала не хуже своей собственной, раздумывая, что изменила бы в ней, живя здесь.

Как на её вкус, то тут было много спортивной атрибутики, да и не помешала бы парочка живых растений. Ковер и занавески тоже можно было бы сменить. А ещё купить кровать побольше — на этой особо не развернёшься.

Чарли взглянула в сторону кровати и прикусила губу, вспомнив, что происходило на ней каких-то пятнадцать минут назад. Далее её взгляд переместился к тумбочке и, потворствуя любопытству, Чарли решила проверить её содержимое.

Однажды она нашла у Олли журналы порнографического содержания, и, хотя понимала, что для парней его возраста в этом нет ничего необычного, теперь, когда они были женаты и с сексом проблем не было, ей не хотелось, чтобы Олли всё ещё держал их у себя.

Никаких журналов с голыми девицами она не нашла, но вот кое-что другое, привлекшее её

внимание, обнаружила.

— С арахисовым маслом, без корочки, как ты люб...

Оливер замолчал, застав Чарли с конвертом из «Mountains foothills» в руках.

— Что это? — она подняла на него растерянный взгляд.

«То, о чём ты никогда не должна была узнать».

— Я тебе всё объясню, — как в плохом анекдоте начал он. Отставив тарелку с сэндвичами, сел рядом с Чарли. — Несколько месяцев назад я заполнил форму и отослал, ни на что особо не рассчитывая, уже и забыть успел, но на прошлой неделе они прислали ответ.

— Тебя приняли на три месяца в лагерь по военной подготовке, и ты мне не сказал? Ты вообще собирался это делать? — Тон у Чарли был обиженный, а глаза смотрели с обвинением.

Оливер вздохнул, взъерошив светлые волосы. В любой другой раз эта сцена непременно бы взволновала её, но сейчас она была очень расстроена и неприятно поражена.

С каких пор у Олли секреты от неё?

— Я знаю, что должен был сказать. Но, Чарли, говорить-то и не о чем — я никуда не собираюсь, — улыбнувшись, пожал он плечами.

Чарли нахмурилась.

— Но для чего-то же ты подавал форму? Значит, ты хотел этого. Почему сейчас передумал?

— Это было до того, как мы поженились. Можешь не волноваться, я не планирую оставлять тебя.

— О, ну мне тут же полегчало! — вскипела она, поднявшись. Уговаривающий тон Оливера только подстегнул её. — То есть то, что мы поженились, препятствие для тебя?

— Зачем ты перекручиваешь? Я просто не хочу оставлять свою жену на три месяца. Это делает меня придурком?

— Нет, но твоя ложь делает!

Оливер закатил глаза, мысленно уже миллион раз назвав себя кретином, что не сжёг этот чёртов конверт.

— Как ты вообще его нашла? Рылась в моей тумбочке?

Щёки Чарли вспыхнули румянцем:

— А что, посмотреть в тумбочке у мужа уже преступление?

Он хмыкнул.

— Как удобно, да?

— С каких пор ты угаиваешь от меня подобные вещи, Олли?

— Я не знаю, что тебе ещё сказать, кроме того, что сожалею об этой дурацкой ситуации. Я не планирую ехать в лагерь, и извини, что не сказал тебе сразу.

Оливер поднялся и, подойдя к расстроенной Чарли, взял её руки в свои.

— Давай просто забудем об этом, — заглянул он в её глаза. — Договорились?

Поколебавшись, Чарли кивнула, но забыть оказалось непросто. Дома той ночью и всю следующую неделю она думала о своей находке и спрашивала себя: а не лишает ли она Олли чего-то важного? Что, если это его мечта, о которой она не знала?

Вдруг, если бы они не поженились, Олли не стал бы отказываться от возможности, которая ему представилась? Выходит, это она его останавливает?

Чарли успела прочитать про лагерь «Mountains foothills» и знала, что туда не берут всех

желающих. Необходимо было обладать определённой физической формой и соответствовать ряду требований. Большинство тех, кто проходил лагерную подготовку, далее шли в армию.

Неужели Олли хотел этого? И как так вышло, что, зная его почти всю жизнь, она ни о чём не догадывалась?

Чарли

— Что ты сделала?

— Я купила особняк Честфилдов, — пришлось повторить мне, хотя Лиз и в первый раз всё хорошо слышала.

— И что ты собираешься делать с ним? Жить там? Что, в Гери переедешь? Особняк огромный, зачем тебе такой?

Я помешала сахар в чашке с чаем и отложила ложечку на блюде, терпеливо ожидая, когда её вопросы иссякнут.

— Всё, замолкаю! — Лиз подняла руки вверх, правильно расценив моё молчание.

— Гостиница, я планирую открыть там гостиницу.

— Серьёзно? — с интересом подалась вперёд сестра.

— Ваши оладьи и омлет. — Молоденькая официантка по имени Дикси принесла наш заказ. — Что-то ещё?

Мы с Лиз ответили отказом, и девушка ушла, вновь оставив нас одних.

— Помнишь, как в детстве мне нравился «Честфилд-хаус»? Я представляла, что это отель, а я там хозяйка, — приступив к своему омлету, улыбнулась я.

— Да, но он уже тогда был старым. Сейчас это древний, огромный и мрачный дом. Дешевле построить новый, а этот снести. После смерти мисс Харрис там лет пятнадцать никто не жил.

— Он не в таком плохом состоянии, его осматривали. Ты же не думаешь, что я бы выкинула уйму денег, сначала не оценив всё?

Я не стала признаваться Лиз, но подозревала, что эта довольно спонтанная покупка вызвана не только детскими мечтами. Мне нужно было чем-то заткнуть дыру в душе после потери Зака и Олли.

Что могло быть лучше огромного дома, который теперь станет отнимать всё моё время и силы?

— И это никак не связано с Оливером? — с подозрением спросила Лиз.

— А он здесь при чём? — У меня очень естественно получилось изобразить удивление — мой учитель по актёрскому мастерству был бы мной доволен. — Я планирую надолго остаться в Гери, и мне нужно какое-то занятие.

— Ты не делаешь этого, потому что надеешься вернуть Оливера?

Отложив вилку, я откинулась на спинку дивана. Из-за этих разговоров аппетит как-то пропал.

— Я не надеюсь вернуть Оливера, — передразнила я. — Если я хочу вернуться домой, это непременно должно означать, что дело в нём?

Лиз улыбнулась.

— Может, я и ошибаюсь, но скажи честно — между вами что-то было с тех пор, как ты тут?

Я бы могла соврать сестре, но не видела смысла, ведь Пет и мама уже были в курсе.

— Оливер назвал бы это «помутнением», — невесело пошутила я. — Мы провели вместе одну

ночь, а потом он вспомнил, что ненавидит меня.

Лицо Лиз нахмурилось.

— Он сказал тебе так?

— Человеку не обязательно говорить то, что он тебя ненавидит, это становится и так ясно. Поверь мне.

Я посмотрела в окно, надеясь, что меня не вырвет уже съеденным от воспоминаний, вызвавших тошноту.

Мне кажется, я никогда не смогу забыть злость и боль в его словах. Я на самом деле уничтожила его своим уходом. Всё, что Олли чувствует ко мне — я это заслужила.

— А ты не думала, что тебе будет сложно всякий раз сталкиваться с ним? Гери — город небольшой, это неизбежность. Ты же не станешь отрицать, что всё ещё его любишь?

Слова Лиз звучали здраво, и я постоянно думала об этом, но дело было в том, что я очень хотела вернуться домой. Даже не из-за Олли, а ради себя.

В какой-то момент, много лет назад, я потеряла себя. Может быть, дома я смогу найти прежнюю Чарли Пирс?

— Я должна попробовать, Лиз. Мне это действительно нужно.

Моё новое владение и правда стало отнимать у меня всё время, силы и ещё много денег. Я проводила там весь день: с раннего утра и до позднего вечера, наблюдая за ходом ремонтных работ, а ещё планируя, как будет отделана каждая комната, когда до этого дойдёт.

Так у меня почти не оставалось свободного времени на мысли об Олли (хотя это не так, я думала о нём постоянно). Больше, чем об Олли, я думала только о Заке. Но в отношении сына я никогда ничего не смогу изменить, и мне придётся остаток жизни жить с этим.

Может быть, только «может быть» я могла всё исправить с Олли? Даже если мы больше никогда не будем вместе, наши отношения не обязательно должны быть такими, как сейчас.

На это может потребоваться много времени, но теперь я никуда не торопилась.

На третий день после старта ремонтных работ я чуть позже обычного подъехала к особняку Честфилдов, и к своему удивлению — так и не разобралась, приятному или не очень — увидела Chevrolet Silverado Оливера.

Распираемая любопытством, вышла из машины, держа стаканчик с кофе в руке, как раз навстречу своему подрядчику Гордону и Олли. Пришлось постараться, чтобы не выдать, как меня взволновало его присутствие здесь.

Как всегда хорош собой, даже в поношенных джинсах, зелёной футболке и рабочих ботинках.

— Доброе утро, мисс Пирс, — приветствовал меня Гордон. — Могу вас обрадовать — крыша обойдётся дешевле, чем мы думали. Оливер согласился сделать неплохую скидку.

Подрядчик выглядел очень довольным — будто это его деньги только что сэкономили.

Я перевела взгляд на невозмутимое лицо Олли.

— Что ты делаешь здесь?

Я не хотела, чтобы мой вопрос прозвучал с претензией, но именно так и вышло.

— Гордон закупает материалы у меня, так что я просто смотрел, что ему понадобится и нужно дозаказать то, чего нет на складе, — не смутившись, ответил он.

— Оливер своё дело знает, мисс Пирс. Можете быть уверены. — Гордон хлопнул Олли по плечу, после чего окликнул какого-то рабочего и отошёл.

— Ничего не смыслю в строительстве, но допускаю, что твоё личное присутствие здесь было не обязательно, — сухо заметила я, сама не понимая, для чего это делаю.

— Ты меня подловила — мне было любопытно, какой «Честфилд-хаус» изнутри.

Олли засунул руки в передние карманы джинсов, и короткие рукава его футболки натянулись на крепких бицепсах. Я постаралась незаметно перевести дыхание, потому что было абсурдным то, что он мог завести меня одним только жестом.

— Ну и как?

В детстве мы часто гуляли поблизости, и я признавалась Олли, что сделала бы с домом Честфилдов, будь он моим. Впервые рассказав об этом, я ожидала, что он станет смеяться надо мной, но Олли так не поступил. Моя идея понравилась ему, и он заявил, что, если я однажды открою здесь гостиницу, он будет встречать гостей и носить их багаж в номера.

Нам тогда было по девять лет, и всё в жизни казалось возможным.

— Ожидал большего, — пожал плечом он, глядя мне в глаза.

Я усмехнулась, отвернувшись. Уверена, что он просто вредничал.

— Хорошего дня, Оливер, — холодно пожелала я, направившись мимо него.

— Не за что, — вслед мне выкрикнул он.

— Что?

Я развернулась, недоуменно уставившись на него.

— Говорю, не надо благодарности за то, что сделал тебе скидку, — уходя, бросил он.

Я догнала его и преградила путь.

— Извини, но...

— Извиняю.

Мои глаза сузились — он начал выводить меня из себя.

— Но я тебя ни о чём не просила!

Олли хмыкнул, сделав движение бровями, за которое я захотела его стукнуть.

— Конечно, нет, Чарли. Не просила. Но это был добрый жест с моей стороны, так как нам, очевидно, придётся жить в одном городе.

Досада отразилась на его лице.

— Тебя это так пугает? — недоверчиво спросила я. — Ты бы скорее согласился жить по соседству с Ганнибалом Лектером, чем делить со мной пространство в двадцать миль?

Олли молча смотрел на меня в течение долгих секунд с едва уловимой улыбкой в уголках губ.

Он что, серьёзно раздумывал?

— Всего хорошего, Чарли! — с преувеличенной доброжелательностью произнёс он, так и не удостоив меня ответом. Запрыгнул в пикап и уехал, оставив меня в полном хаосе эмоций и чувств.

— Здесь ничего не изменилось за последние десять лет? — вслух озвучила я свои мысли, когда мы с Лиз и Эмили вошли в «Злого лося».

— Нет, всё тот же старый добрый «Злой лось», — покачала головой Лиз.

В субботний вечер бар был забит под завязку, так как был одним из немногих приличных заведений Гери, где можно было зависнуть с друзьями в выходной.

Пока мы пробирались к бару, я почувствовала больше физического контакта, чем за весь

последний год. Жалко, что нежеланного.

— Такое впечатление, что в Гери только отменили сухой закон, и всем срочно захотелось напиться.

— Может, тебе не гостиницу, а бар открыть? — со смешком предложила Эмили.

Я была рада видеть, что она наконец-то стала приходить в себя после смерти папы.

— Я об этом подумаю.

Несмотря на то, что возле бара была очередь, нам почти сразу удалось получить свои напитки. Бармен узнал меня и взял мой автограф на салфетке для сестры.

— Как удобно, когда твоя сестра – голливудская звезда, — отсалютовала своим пивом Лиз.

— Звёзды на небе, а я всего-навсего известна, — я равнодушно пожала плечами. Слава никогда не была тем, из-за чего я теряла голову. Разве только в самом начале, но мне удалось сохранить трезвость разума и не заразиться звёздной болезнью, которую можно было диагностировать у доброй половины Фабрики грёз.

— Не надо приуменьшать, Чарли. — Эмили изогнула тёмные брови, пригубив своё пиво-лайт. — Думаю, это классно, что ты сумела достичь большого успеха в Лос-Анджелесе.

— Не жалеешь, что отказалась от всего этого?

Сёстры в ожидании смотрели на меня. Наверное, им казалось, что я совершаю большую глупость, оставив мир шоу-бизнеса ради гостиницы в небольшом городишке, но я несколько не сомневалась в своём решении.

— Мне нужен перерыв, — я поправила волосы и сделала глоток пива, — большой перерыв. Возможно, когда-нибудь я захочу вернуться в эту индустрию, но на данном этапе своей жизни я хочу быть здесь.

— Ну, мне тоже не хочется уезжать, — погрустнев, призналась Эмили.

В понедельник она должна была вернуться в университет.

— Эм, ты должна вернуться к учёбе. Ты же не хочешь на самом деле застрять здесь, — покачала головой Лиз.

— Но ты живёшь здесь, — возразила наша младшая сестра. — Ты же вернулась в Гери после колледжа. Считаешь, что застряла здесь?

— Я остаюсь в Гери только потому, что меня наконец-то назначили главной медсестрой, и будет жаль потерять все эти бонусы. А ещё доктор Флетчер наконец-то развёлся со своей ужасной женой, и я не теряю надежду, что рано или поздно он в меня влюбится, — усмехнулась Лиз.

Эмили закатила глаза.

— Ох уж эти твои фантазии о докторе Флетчере!

Мы засмеялись, потому что одержимость Лиз доком уже стала нашей шуткой.

— Смотрите, кого принесло, — бросив взгляд к входной двери, пробормотала Лиз.

Я повернула голову вправо и увидела Оливера в компании Джулз, Майло и ещё какого-то парня, которого видела впервые.

Хорошее настроение спикировало вниз.

— Ты в порядке?

Я поймала сочувствующий взгляд Лиз и кивнула.

— Всё хорошо. Да и почему должно быть иначе?

— Если хочешь, уйдём отсюда, — предложила Эмили.

Я выдохнула, резко поднявшись.

— Нет, я не хочу уходить. Я хочу пойти и взять себе ещё пива.

«А ещё лучше – чего-нибудь покрепче».

На самом деле мне хотелось уйти, но это было бы самое настоящее бегство. Я не стану сбегать, и мне следует привыкать к тому, что время от времени мы с Олли будем пересекаться.

Я не смогу делать ноги каждый раз, как это случится.

— Ещё пива, красавица? — Бармен Ленс, имя которого значилось на футболке, одарил меня своей белозубой улыбкой.

Я кивнула.

— Давай сразу два.

— Рисковая ты девушка, — пошутил он, выставляя передо мной пару запотевших бутылок.

«Не то слово»

— Сколько с меня?

— Ничего, если не откажешься сфотографироваться со мной.

— Конечно.

Я перегнулась через стойку, подозревая, что тот автограф был не для его сестры, а для самого Ленса.

Достав телефон, Ленс сделал наше селфи, чем был очень доволен.

Услышав хмык где-то совсем рядом, я спустилась с табурета и обернулась.

— Если вы закончили, могу я получить свой заказ? — язвительно изрёк Олли, стоя прямо передо мной. Его брови недовольно сошлись на переносице, но не думаю, что дело было в задержке.

— Не терпится напиться, Скотт? — подражая его тону, отпарировала я. — Прошу, тебе это нужнее.

И я отступила, давая ему дорогу к бару. Забрав своё пиво, я вернулась к нашему столику, ликуя... Ровно три секунды. А потом мне стало гадко из-за того, что я повела себя как дрянь.

Я покосилась в сторону Джулз, которая смеялась над чем-то, сказанным Майло. Наверное, только со мной он вёл себя как придурок.

Мне не хотелось представлять, чем займутся сегодня ночью Олли и эта девушка. Не хотелось, только я всё равно представляла. От этих видений мне хотелось забиться в угол с бутылкой текилы и безостановочно рыдать.

— О чём вы говорили? — полюбопытствовала Лиз.

Я пожала плечами.

— Пожелали друг другу хорошего вечера.

Я видела, что она мне не поверила, но выпытывать больше ничего не стала.

— Что с ногой у друга Оливера? — сменила тему я.

— Он получил ранение в Ираке, докторам пришлось удалить часть мышц, чтобы спасти ногу, — сказала Эмили.

Мы с Лиз недоуменно уставились на неё, чем смутили.

— Что? Я однажды говорила с ним и спросила, — покраснела Эм.

— И он не плевался в тебя огнём? — искренне усомнилась я. — Этот парень ужасен.

— Мне так не показалось, — негромко возразила Эмили.

Хм... Мне это не нравилось. Надеюсь, моя сестра не запала на этого козла.

То, что Олли был с друзьями всего через несколько столиков от нас, заставляло меня беспокоиться и чувствовать себя в расшатанном состоянии, поэтому я пила, надеясь, что алкоголь сделает меня невосприимчивой к его присутствию здесь. Вместе с Джулз.

И где-то на четвёртой бутылке я правда начала чувствовать себя как-то иначе. Воинственной. Когда Олли пошёл с Джулз играть в дартс, обучая ту, как правильно делать бросок, стоя вплотную к её спине, всё, чего я хотела — это вцепиться в её волосы и оттащить от него.

— Шлюха! — прожигая Джулз злобным взглядом, зашипела я.

— Что? — непонимающе взглянула на меня Эмили. Лиз отошла поговорить с кем-то из знакомых, и мы остались вдвоём за столиком.

— Нужно пописать, — громче заявила я, поднявшись. Голова кружилась, и всё вокруг потеряло свою чёткость.

Зря я столько выпила.

Оказавшись в очереди в туалет, я поняла, что туда мне не нужно, а вот воздухом подышать не помешает, поэтому я вышла из бара, направившись в сторону машины Лиз. Эм выпила только одну бутылку лёгкого пива, так что этим вечером она была нашим водителем.

Я глубоко втянула носом воздух, и голова стала кружиться чуть меньше.

— Я надеюсь, ты не планируешь садиться за руль?

Я быстро обернулась — Олли шёл в мою сторону.

— А что, ты бы расстроился, если бы я встретила с деревом на обочине? — с недоверием фыркнула я. — Твоя проблема в моём лице просто исчезла бы. Разве не этого ты хочешь?

— Ты пьяная, — снисходительно заметил он, подойдя ближе.

— Я не пьяная, — невнятно возразила я. — Может быть, немного. Ты-то что здесь делаешь? Разве твоя подружка не ждёт тебя?

— Джулз не моя подружка.

Я выставила руки вперёд, будто меня это не волновало.

— Не важно, как ты её называешь. Ты спишь с ней. Но это только твоё дело, меня это не касается.

Я скрестила руки на груди с самым незаинтересованным видом и пошатнулась. Полагаю, выглядела я нелепо в своём отрицании очевидного, потому что уголки губ Олли приподнялись в сдержанной улыбке.

— Отлично, я тебя позабавила! — с досадой всплеснула руками я. — Хорошо, мне не всё равно, что ты спишь с ней! И я очень сильно хотела сделать ей больно, пока вы играли в дартс! Ты специально делал это? Неужели ты не понимаешь, что мне больно видеть тебя с ней?

В моих словах звучал упрёк. Я понимала, что не имею на это никакого права, но алкоголь помогал мне признаться во всём, чего бы я не решилась сказать, будучи трезвой.

— Возможно. Я не знаю, Чарли. — Олли поднял голову, глядя в звёздное небо.

— Так ты правда делаешь это, чтобы задеть меня? — пролепетала я.

Он пожал плечами, вернув взгляд на меня.

— Так вот как теперь будет, да, Олли? Ты что, составляешь планы, как сделать мне побольнее?

— Я не делаю этого, Чарли, — устало опроверг он.

— Нравится тебе это или нет, но я надолго задержусь в Гери, и нам с тобой придётся как-то сосуществовать. Я не собираюсь доставлять тебе неприятности, но и уезжать только потому, что

ты не рад мне, я не намерена, — внесла ясность я.

— Кто тебя просит об этом? Ты вольна делать всё, что хочешь, Чарли. Не моё дело, останешься ты здесь или нет.

Хм... А у него это вышло естественней, чем у меня чуть ранее.

— Ну, я рада, что мы это выяснили, — махнула я рукой на него. — Теперь я бы хотела вернуться к Эмили и Лиз.

Олли не собирался задерживать меня, поэтому я вернулась в бар и честно старалась остаток вечера не замечать его. Надо отдать ему должное — он сохранял дистанцию между собой и Джулз.

Мне бы хотелось думать, что я была тому причиной.

«Начало конца?»

2004

— Ты уверена? Ещё не поздно всё отменить.

— Бросай шмотки в машину, Скотт. Ты же не хочешь опоздать в первый же день?

Чарли послала ему ослепительную улыбку, опустила солнцезащитные очки на глаза и скользнула на место водителя.

Уверена ли она?

Да. Хочет ли на три месяца расставаться с Олли? Нет, конечно, нет. Но этого хотел Олли, и она обязана была его поддержать, так как она его жена и лучший друг.

Чарли сама сказала, что Олли не должен отказываться от лагеря, если это то, чего он хочет. Три месяца не тот срок, который способен изменить что-то в их отношениях. Они справятся.

— Кстати, когда ты возьмёшь мою фамилию?

Это был первый вопрос, который он задал, когда они отправились в путь до Теннесси. Чарли бросила на него быстрый взгляд и поняла, что он не шутит.

— Мы с тобой не обговаривали это.

— Тогда давай сейчас — времени-то у нас полно.

— Ты хочешь, чтобы я взяла твою фамилию?

И почему она раньше этого не знала?

Олли кивнул.

— Конечно. Ты моя жена, для меня это важно.

Чарли взглянула на палец с обручальным кольцом. Она часто его разглядывала, особенно когда вела машину и приходилось стоять на светофорах. За месяц, прошедший со дня их свадьбы, Чарли привыкла к тому, что отныне этот символ их любви всегда будет при ней и никогда его не снимала. Ей нравилось называть себя «миссис Скотт», но она никогда всерьёз не думала о том, чтобы взять фамилию Олли.

— Хорошо, я займусь этим, — согласилась она, чем удивила своего мужа.

— Вот так просто? Даже не хочешь услышать мои аргументы?

Чарли рассмеялась.

— Не хочу. А почему это не должно быть просто? Я только рада буду носить фамилию человека, которого люблю.

На лице Оливера расплылась довольная улыбка. Он подался к ней и оставил поцелуй на её щеке.

— Знаешь, что ты у меня лучшая жена на свете?

— От лучшего слышу, — с теплотой ответила Чарли, надеясь, что у неё получится не расплакаться, когда придёт время прощаться.

— Это не повлияет на наши планы, — заверил Олли, потому что подозревал, что это беспокоит Чарли, хотя она и не произносила ничего подобного вслух. — Осенью мы оба будем в университете Индианы.

Чарли улыбнулась, посмотрев на него. Она боялась, что желание Олли простирается дальше тренировок в лагере. Что, если его будущее — это армия, а вовсе не обучение в университете вместе с ней? Что ей тогда делать? Снова отпустить его? Но разве она сможет?

Никакой лагерь военной подготовки не сравнится с настоящей армией, а на службе с ним может произойти всё что угодно. Но Олли обещал, что все их планы в силе, и она хотела верить ему.

— Они сбреют тебе волосы?

Чарли любила волосы Олли, особенно зарываться в них пальцами, когда они занимались любовью. Жаль будет, если их состригут.

— Не знаю. Возможно, — повёл плечами парень.

— Ты пропустишь моё восемнадцатилетие, — с сожалением вспомнила она.

Её печальное лицо заставляло чувствовать себя препаршиво. Ему хотелось в лагерь «Mountains foothills», но он всё равно сомневался в правильности принятого решения.

— Мне бы не хотелось этого, Чарли.

— Я знаю. — Девушка заставила себя улыбнуться, понимая, что для него это ничуть не легче, чем для неё. — Мы наверстаем потом, — пообещала она, послав ему красноречивый взгляд.

Оливер улыбнулся, оставляя поцелуй на её виске.

— Я люблю тебя, Чарли. Больше, чем ты можешь себе представить.

Оливер

— Извини.

Я освободился из рук Джулз, сел на углу постели и потёр ладонями лицо, пытаюсь встряхнуться.

Что, блядь, со мной не так?!

Джулз протяжно вздохнула и тоже села, застёгивая блузку.

— Что происходит, Оливер?

Повернул голову, посмотрев на неё. Джулз была симпатичной, сексуальной и удовлетворяла меня в постели — почему я не хотел её?

Хотя кого я обманываю? Прекрасно ведь знаю, почему не тянет к Джулз. Всё дело в Чарли.

Теперь и не встанет на других — так, что ли?

Проживание в такой близости от неё может принести больше проблем, чем я ожидал.

— Просто устал, — пожав плечом, солгал я.

Джулз заулыбалась, судя по всему, не поверив мне.

— А может, это как-то связано с этой девушкой, Шарлоттой Пирс? — Джулз поднялась,

поправляя на себе одежду. Выглядела она довольно... спокойной.

Провёл рукой по шее, замявшись. В итоге решил быть честным. Джулз не была из тех девушек, которым приходилось лгать, чтобы избежать скандала. Она никогда не заблуждалась по поводу наших отношений.

— У нас очень сложное прошлое, и теперь, когда она вернулась... Это выбило меня из колеи.

«Это отправило меня в чёртов нокаут», но вслух я такого говорить не стал.

— Да, я уже слышала, что вы были женаты.

Джулз легко улыбнулась, глядя на меня сверху вниз. Она была отличной девчонкой и заслуживала большего, чем я мог дать ей.

— Да, всё закончилось паршиво. — Я поднялся, застёгивая ремень.

Джулз выгнула одну бровь.

— Очевидно, что ещё ничего не закончилось. Для вас обоих.

— Я над этим работаю, — без уверенности отозвался я.

Так ли это было на самом деле? Что я делал для того, чтобы окончательно вычеркнуть Чарли из своей жизни и своего сердца?

Я всё ещё сходил с ума по ней. Меня тянуло туда, где была она; и мои глаза искали ее даже там, где она не могла находиться.

Я прирос к Чарли. Намертво. И пока я не вырву эти корни, соединяющие нас, не видеть мне покоя.

Я ещё раз извинился, провожая Джулз. Она поцеловала меня в щёку и заверила, что всё нормально. Зла на меня она не держит, так как всегда знала, на что можно рассчитывать от связи со мной.

У меня на лбу написано, что я безнадежен и эмоционально недоступен?

Чарли сделала всё возможное, чтобы уничтожить меня для всех женщин планеты.

Я взял телефон, поддавшись порыву, и набрал её номер, но сбросил почти мгновенно. Чёрт возьми, что я делаю?! Какого хрена ищу встреч с ней, тогда как должен избегать всеми возможными способами?

Чарли

Я почти заснула, когда зазвонил мой телефон. Входящий номер был неизвестным. Обычно я такие звонки игнорировала — чаще всего поклонники или просто придурки, раздобыв мой номер, принимались названивать.

Не знаю, что заставило меня ответить в этот раз. Наверное, я вновь становилась настоящей жительницей Индианы — здесь вы не игнорировали звонки, потому что это невежливо. Если же кто-то ошибся номером, вы просто желаете ему удачного дня.

Или ночи.

Было далеко за полночь. Проведя пальцем по экрану, я поднесла трубку к уху.

— Алло?

— Эм... Извините, это Чарли? — в замешательстве прозвучал голос звонившего.

Это был мужчина.

— Да, а это кто?

«Господи, очередной псих, уверенный, что наша судьба — остаток дней провести вместе?»

— Ленс, бармен из «Злого лося». Я звоню вам из-за Оливера. Ваш номер в его последних набранных вызовах, и я подумал, что вы сможете его забрать. Правда, я подумал, что вы парень...

При упоминании Оливера моё сердце набрало скорость. Вся сонливость испарилась.

— Что значит «забрать»? — перебила я мужчину, резко сев в постели. — Что с Оливером?

— Ничего, кроме того, что он перебрал, — услышала я его усмешку. — Я не могу позволить, чтобы он сел за руль в таком состоянии.

— Сейчас я приеду за ним, — пообещала я, чуть успокоившись, что Олли не при смерти и не ввязался в драку.

«Отключившись», я очень быстро влезла в джинсы, натянула футболку с кофтой, схватила ключи от машины и вышла в ночь.

Интересно, для чего Олли звонил мне? И почему у меня нет его в пропущенных? Если только он не отменил вызов до того, как пошли гудки...

Я думала об этом, пока ехала в бар, где должна была забрать своего бывшего мужа. Что-то, похожее на истерический смешок, сорвалось с моих губ. Это действительно было бы смешно, не будь так грустно.

Я оставила авто на стоянке перед баром и направилась к двери, готовясь к тому, что увижу внутри. Помещение бара оказалось практически пустым. Олли я обнаружила за стойкой — опустив голову, он пил что-то прозрачное из стакана. Если он всё ещё мог пить, может быть, всё было не так плохо?

Глаза бармена Ленса округлились от удивления, когда он увидел меня.

— Мисс Пирс...

— Чарли, — улыбнулась я.

— Вот оно что, — он ответил мне понимающей улыбкой.

— Посмотрите-ка, а вот и моя жёнушка! — протянул Олли, едва удостоив меня взглядом. По всей видимости, с речью проблем у него не было. — Когда-то, Ленс, «мисс Пирс», — издевательски передразнил он, — была «миссис Скотт». Скажи ему, дорогая.

Было странно видеть его таким, и я немного растерялась.

— Извините, — виновато посмотрев на явно испытывающего неудобство Ленса, попросила я.

Тот покачал головой.

— Это бар, мисс, здесь и не такое бывает.

— Ты можешь идти, или нужна помощь? — обратилась я к Олли, про себя молясь, чтобы всё прошло по возможности легко.

— Скажи ему, — будто и не слыша меня, потребовал он с особой настойчивостью.

— Что сказать?

— Что ты была моей женой! Что любила меня! — круто развернувшись и поднявшись, заорал Олли. — Как любила, когда я трахал тебя, — наступил он на меня, впиваясь прожигающим взглядом в мои глаза. — Нежно, грубо, быстро и медленно. По-всякому, Чарли. Тебе это нравилось. Ты голову теряла, — тяжело дыша, тише закончил он.

Я таращилась на него, не понимая, что на него нашло. Мои щёки горели от смущения и чего-то ещё. Я не хотела думать, что хриплый голос и грубые слова Олли вызывают во мне что-то кроме негодования, но это было так.

— Эй, приятель, перестань. — Ленс вышел из-за стойки, останавливая Олли, но тот вдруг так злобно взглянул на него, что я поняла — нужно уводить его отсюда, иначе драки не избежать.

— Всё хорошо, я забираю его. — Я заставила себя улыбнуться, пытаюсь развеять сгустившуюся атмосферу. — Ленс, спасибо, что позвонили. Дальше я сама.

«Господи, пожалуйста, пусть эта бестолочь пьяная пойдёт со мной!»

— Оливер, пожалуйста.

Я постаралась изобразить самый кроткий взгляд, на который была способна. Он хмурился, смотрел на меня из-под нахмуренных бровей и пошатывался, но не было похоже на то, что собирался упасть.

— Думаешь, достаточно сказать «пожалуйста», и я буду выполнять твои пожелания?

— Послушай, — я приблизила своё лицо к его и прошипела: — хочешь что-то высказать мне — я согласна, только не здесь. Давай выйдем, и тогда я не стану закрывать тебе рот!

Казалось, он раздумывал, а я мысленно скрестила пальцы, чтобы он не заартачился.

К моему облегчению, Олли вышел из бара, и я последовала за ним, напоследок ещё раз извинившись перед Ленсом.

— Моя машина там. — Я указала в сторону отцовского Buick Regal, но Олли остановился и не двигался.

— Что, даже до дома не потерпишь? — обречённо вздохнула я, похныкав про себя.

— Какого чёрта ты здесь?

— Здесь, это где? В Гери, в баре? — Я ближе подошла к нему, внутренне настраивая себя на очередной раунд. Выяснение отношений на парковке у бара уже входило в традицию, которая мне не нравилась. — Не мог бы ты уточнить?

Олли прикрыл на мгновение глаза, сделав вдох.

— В баре. Что ты делаешь в баре, Чарли?

— Собираюсь отвезти твою пьяную задницу домой в целости и сохранности. Ты думаешь, я напрашивалась на роль твоего водителя? — взорвалась я, потому что он продолжал изводить меня своим неприветливым взглядом, что меня нервировало. — Ленс позвонил мне, потому что подумал, что я твой приятель Чарли; и мой номер оказался последним, по которому ты звонил.

— Ленс? Вы уже и подружиться успели?

Я решила, что не стану реагировать на эту придирку.

— Почему ты звонил мне, Оливер? — в свою очередь спросила я.

— Я не звонил тебе, — отрицательно замотал головой он.

Я недоверчиво изогнула брови — да неужели?

— Это был миг слабости, просто миг слабости! — повысил голос Олли, видя, что я не верю ему. — Я совершаю глупости с тех пор, как ты здесь! — Он сделал несколько шагов в мою сторону, оказавшись слишком близко. Олли вновь злился: я видела, как пульсирует вена на его шее, и боялась, что он на грани взрыва.

Только один мой вид вызывает в нём такую агрессию?

— Зачем, Чарли? Зачем ты всё ломаешь?!

Я почувствовала, как навернулись слёзы на глаза. Сколько он ещё будет это делать?

— Что я ломаю, Оливер?! — мой голос тоже повысился. — Ну что?!

— Меня! Ты ломаешь меня! — хлопнув себя по груди, в моё лицо выкрикнул он. Он был таким напряжённым и сердитым. — Фрагмент за фрагментом, по куску я собирал себя просто для того, чтобы дышать... после тебя, но появилась ты — и всё рухнуло, взорвалось! — задыхаясь, он отступил и согнулся, упершись ладонями в колени.

Я поняла, что плачу и смахнула слёзы со щёк.

— Олли...

Сделала шаг к нему, но он выставил руку, останавливая меня.

— Не подходи. Ты хотя бы представляешь, как это сложно? — Олли выпрямился, криво улыбнувшись сквозь гримасу боли. — Дерьмово, Чарли, вот как это. Когда ты рядом, я с ума схожу от того, как сильно хочу... — он глубоко вдохнул, махнув в мою сторону и тише, обреченно закончил: — тебя.

— Ты можешь... можешь получить меня, Олли, — несмелым шёпотом отозвалась я. — Я тебе всегда принадлежала, — пожав плечами, мягко призналась я.

Он издал короткий смешок. Потом ещё один, а потом рассмеялся. Это меня охладило. Олли был пьян и смеялся над моими словами.

Что я пыталась донести до него?

— Перестань! — закричала я, потому что он никак не останавливался.

— Принадлежала мне? Серьёзно? — Всё ещё улыбаясь, он посмотрел на меня так, будто я была грязью под его ногами. — А те парни, с которыми ты была, знали об этом? Трахая тебя, они знали об этом?!

Стиснув зубы, я со всей силы ударила его по лицу, да так, что моя ладонь взорвалась огненной волной боли. Голова Олли дёрнулась, и он остутился, но устоял на ногах.

Распираемая гневом и обидой, я пошла к машине, но не смогла сесть и уехать, оставив его здесь в таком состоянии.

— Садись в машину, Оливер! — отрывисто указала я. — И сделай одолжение, не раскрывай рта по дороге!

Может быть, он устал со мной ругаться или моя пощёчина охладила его пыл, но Оливер молча сел на заднее сиденье «бьюика», и я не слышала от него ни слова, пока мы не приехали.

Только когда я остановилась в проулке у магазина, поняла почему.

Оливер уснул.

Оливер

Голова раскалывалась. А может, уже раскололась. Я обхватил её руками, убеждаясь, что это всего лишь ощущение, не больше.

Давно я так не напивался. Теперь вспомнил, почему.

Вчера, после того как едва не позвонил Чарли, отправился в бар и там надрался. Тогда мне это показалось предпочтительней.

Вот чёрт, Чарли!

Я резко сел, поморщившись от взрыва боли в затылке и висках. Мы вчера поссорились — крики я помню точно. Я что-то наговорил ей, но не был уверен, что память не подводит меня.

Кажется, я повёл себя как дерьмо. Не стоило. Решил ведь, что отныне буду спокоен и уравновешен, встречая её. Вежлив. Но затея провалилась. И если не ошибаюсь, Чарли ночью плакала.

Я довёл её до слёз.

«Молодчина, Оливер!»

Гордится нечем.

Чувствуя себя развалиной, выбрался из постели и на нетвёрдых ногах вышел из комнаты. И замер, увидев у окна Чарли с чашкой в руках. Пришлось моргнуть, убеждаясь, что она мне не мерещится.

Чарли обернулась, окинув меня ничего не выражающим взглядом. Некоторое время никто из нас не заговаривал — я просто рта не мог раскрыть после всего, что наплёл ей вчера.

Она первой прервала тишину:

— Кофе на кухне, если хочешь.

— Почему ты здесь? — Я с недоумением подошёл к ней ближе.

— Не буду лгать: ночью мне хотелось уйти, оставив тебя в отключке. Но мне не наплевать на тебя, и, как бы я не злилась, не хочу, чтобы ты захлебнулся собственной рвотой.

Я поморщился — малоприятная картина. Надеялся только, что меня всё же не стошнило при ней.

— Спасибо, — пробормотал я, теперь, после её слов, чувствуя себя ещё хуже, чем до этого.

Мало того что она позаботилась обо мне, ещё и кофе сварила. Было из-за чего чувствовать себя дерьмом.

Развернувшись, я ушёл на кухню, надеясь, что, может, кофеин немного прочистит мои мозги. Видит Бог, мне это надо.

Я знал, что должен извиниться перед ней за вчерашнее, но что-то мешало мне.

— Это безопасно, — Чарли кивнула на мою чашку, которую я поднёс ко рту, но пить колебался. — Думаешь, я стала бы класть туда что-то?

— Нет, — покачал я головой, на самом деле допуская такую возможность.

— Нам надо поговорить, Оливер.

Я покосился на Чарли, не зная, что у неё на уме. Мне не нравилось, как она произнесла моё имя. Все называли меня Оливер, но из её уст это звучало как-то неправильно.

— О чём?

— То, что ты сказал мне вчера, заставило меня задуматься. Я не собираюсь больше ругаться. Это не то, чего я ожидала, вернувшись.

— А чего ты ожидала, Чарли?

Невесёлая улыбка тронула её губы.

— Это больше не имеет значения. Главное, что я хочу сказать — я готова уехать, если это то, чего ты в действительности хочешь, — на одном дыхании промолвила она.

Я моргнул, поставив недопитую чашку на стол.

— Что?

— Всё верно, — медленно кивнула она. — Я уеду из Гери. Наверное, это была плохая идея изначально. Я думала, что мы справимся, но, очевидно, этот город мал для нас двоих.

Она серьёзно готова была пойти на это? Просто потому, что меня не устраивало её присутствие здесь?

— Мне нужно подумать, — в замешательстве пробормотал я, выйдя из кухни.

Моя башка отказывалась работать. Это что вообще за нахрен? Развернувшись, я быстро вернулся — Чарли стояла на том же месте.

— Ты вообще, что ли?! Из жалости решила свалить? — заорал я, сам не понимая, из-за чего злюсь.

Глаза Чарли удивлённо округлились.

— При чем тут жалость? Я лишь только предлагаю тебе решение проблемы, вот и всё.

— Какое благородство!

— Ты снова... — Она запнулась и, прикрыв глаза, глубоко вздохнула. — Я уже сказала, что не хочу ругаться с тобой.

— Ну, тогда не болтай ерунду, если так, — бросил в ответ я.

Сам себя понять не мог: меня злило, когда она была здесь, и злило, когда она говорила об отъезде.

— А разве это не то, чего ты хочешь — никогда больше меня не видеть? — Чарли развела руками, в ожидании посмотрев на меня.

Мне едва удалось сдержать смех. Это было смешно, потому что я хотел чего угодно, но не этого. К примеру, сейчас я хотел закинуть её на плечо, отнести в свою постель и заставить её глаза сиять от восторга; заставить её стонать и изгибаться подо мной, и выбросить мысли об отъезде из головы.

— Как же твоя гостиница? — грубовато спросил я, пытаюсь скрыть направление своих мыслей.

— Гостиницу я могу в любом другом месте открыть.

Я хмыкнул.

— «Честфилд-хаус» всегда был твоей мечтой.

Чарли обхватила плечи руками, сухо ответив:

— Я большая девочка, чтобы не плакать из-за очередной несбывшейся мечты.

— Если моё мнение тебя интересует, тебе не надо уезжать, — негромко произнёс я, хмурясь.

— Хочешь, чтобы я осталась? — Она удивлённо покосилась на меня.

— Это то, чего ты добивалась — вытянуть из меня признание? — криво улыбнулся я. — Я лишь говорю, Чарли, что тебе нет необходимости уезжать из-за меня. Но как ты поступишь — только твоё дело.

На этом я считал, что тема закрыта, и я бы ни за что не признался ей, что в этот момент всё, чего я хотел — чтобы она осталась.

Чарли

Моим первым порывом после того как привезла Оливера домой, было тут же уйти. Я нашла ключ от квартиры в кармане его джинсов и кое-как довела до кровати. Это оказалось непростой задачей — он спал на ходу, и мне приходилось едва ли не тащить его.

Уложив Олли на постель, я издала стон облегчения — с меня будто полтонны сгрузили. Он был физически развитым, но на вид не таким тяжёлым, как оказалось.

Теперь мне можно было уйти, но что-то меня останавливало. Что, если ему станет плохо? Или его вырвет? Рядом не будет никого, кто сможет помочь ему. И, несмотря на все гадости, что он мне сегодня наговорил, я не хотела, чтобы он пострадал.

Олли всё ещё тяжело переживал наш разрыв, хотя и прошло много времени. Я не могла винить его в этом. Так он выплёскивал свои обиду и боль.

Я села рядом с ним и осторожно погладила пальцами лоб, потом коснулась тёплых губ. И не знаю, что двигало мною дальше, но я наклонилась и прижалась губами к его губам в робком поцелуе.

Смутившись своего поведения, я быстро поднялась и вышла из комнаты.

Было почти три часа утра, но спать мне совсем не хотелось. Слишком взвинченными были нервы. Та ещё выдалась ночка.

Найдя ванную, я ополоснула лицо холодной водой. Чувствуя, как набирает обороты головная боль, решила поискать что-нибудь обезболивающее в шкафчике за зеркалом.

«Ибупрофен» отыскался быстро, но я заметила ещё кое-что, показавшееся мне странным. Лекарств было больше, чем я ожидала увидеть. Я взяла два жёлтых пузырька, прочитав надпись на этикетках.

«Паксил» и «Прозак», чьи описания повергли меня в настоящее недоумение, породив подозрения. Каждый пузырёк был пуст наполовину.

Для чего Олли принимал их? Неужели антидепрессанты, что я держала в руках, были необходимостью для него?

Мысли о том, что Олли страдал депрессией, привели меня в подавленное состояние. Ещё одна сторона его жизни, о которой мне ничего не было известно.

Если Олли болен, то как долго это длится? И насколько всё серьёзно?

Вернув таблетки на место, терзаемая вопросами, я вернулась в его комнату. Мне нужно было убедиться, что прямо сейчас он в порядке. И внешне это было так. Но что я знала о его душе? Он показал мне, как страдает с тех пор, как я вернулась. Теперь эта находка открыла мне глаза на истинное положение.

Я до сих пор не понимала, что всё так плохо.

Станет ли ему лучше, если я уеду?

Глядя на то, как спит Олли, как размеренно движется его грудь в такт дыханию, я решила, что позволю ему самому выбрать. И какое бы решение он ни избрал, я приму его.

Я люблю его. Иногда, когда любишь, наступает момент, когда нужно набраться храбрости и отпустить.

Оливер

— Чем ты занимаешься?

— Разве не очевидно?

— Я не об этом! — отмахнулся отец. — Прекрасно знаешь, что я о Чарли.

Я вынул ручку из-за уха, вычеркнув ещё один пункт из блокнота, когда Сэм и Дуг, парни, что работали грузчиками в магазине, погрузили последний лист гипсокартона в кузов.

— А что с Чарли? — не отрываясь от своего занятия, незаинтересованно спросил я.

— Как ты планируешь возвращать её?

— Никак. — Я сделал знак ребятам, что они могут ехать и, развернувшись, вошёл в склад.

Отец не отставал от меня.

— Что ты такое говоришь? Как это – не собираешься?

— Это очень просто — никого не возвращать.

Папа недовольно поджал губы.

— Хватит умничать! Очевидно же, что эта девочка всё ещё любит тебя.

Я хмыкнул, просматривая накладные.

— Да, она то же самое говорит.

Мои слова удивили отца.

— Она тебе так сказала?

— Несколько раз.

— Тогда я ничего не понимаю.

— Чего именно? Что я не хочу быть с Чарли? Это что, так невозможно?

— А ты не хочешь? — в голосе старика так и сквозило недоверие.

Я вздохнул, покачал головой и ушёл, не желая продолжать этот безнадёжный разговор.

Собственный отец не хотел мне верить. Конечно, у него были все основания на то. Наверное, я не слишком хорошо показывал своё нежелание быть с Чарли. Но что с того, что сейчас она здесь? В любой момент может сорваться и вернуться в Калифорнию. А если и нет, это всё равно ничего не меняет.

Что с того, что она убеждает меня в своей любви? Где она была, любовь её, семь лет назад? Тогда ей не составило труда поставить крест на нашем браке. Все её обещания оказались не больше пустых слов, за которыми ничего не стояло. Как я могу быть уверен, что в этот раз всё не повторится?

— Ты и дальше хочешь быть несчастным?

Что это на него нашло? Откуда такая настойчивость? Обычно Джеффри Скотт не ведёт себя так навязчиво.

— Кто сказал, что я несчастлив?

— Хочешь сказать, что это не так?

Начав испытывать раздражение, я резко выдохнул, потерев ладонями лицо. Не хотелось грубить отцу, поэтому приходилось себя сдерживать. Правда не знал, надолго ли меня хватит.

— Хочу сказать, что тема закрыта!

— Разве все эти годы ты не надеялся втайне, что Чарли вернётся к тебе? — наседал отец.

— Она не ко мне вернулась, — возразил я. — И да, когда-то давно я правда хотел и надеялся, но это в прошлом.

— Ты знаешь, что обманываешь не только меня, Оливер. Ты пытаешься убедить себя, но рано или поздно тебе придётся признать правду. Твои отношения с девушками не складываются, потому что ни одна из них не Шарлотта, а мы оба знаем, что тебе всегда была нужна только она.

— Только это оказалось не взаимно, — тихо произнёс я, не желая признавать, что он прав.

Отец издал громкий фырк.

— Вы были слишком молоды! Вы оба! А молодым свойственно совершать ошибки. Ни ты, ни она так и не устроили свою личную жизнь, всё потому, что оба в душе знаете, что должны быть вместе.

— Забавно, что это ты говоришь, отец. Если ты так много понимаешь в отношениях мужчины и женщины, почему не наладил свою личную жизнь после ухода мамы?

Я ощутил себя козлом в тот же момент, как увидел боль и разочарование в глазах папы. Может, он и лез не в своё дело, но я не имел права говорить с ним в таком тоне.

— Пора перестать быть болваном, Оливер, — напоследок обронил он, прежде чем развернулся и пошёл к выходу.

Я просто не мог быть ещё большим ослом.

Чарли

Я знала, что мне не надо поддаваться на уговоры Лиз и идти с ней и её подружкой Калли на праздник по случаю Дня памяти. И тем не менее я дала себя уговорить, что привело к следующему: я любовалась тем, как Олли обхаживал какую-то девушку.

Прежде мне не приходилось её видеть, и, хотя я находилась на некотором расстоянии от них, не могла не заметить очевидного: она была красавицей. Обладательница умопомрачительной фигуры, кожи цвета кофе с молоком и чёрных, глянцево-волос.

Они много смеялись, переходя от аттракциона к аттракциону, и хорошо проводили время.

Уж точно лучше меня.

— Хватит тарашиться на него, Чарли. Ты даже не пытаешься скрыть, что умираешь от ревности.

Голос Лиз обрушился на меня, как ушат холодной воды, отрезвляя. Я обернулась, поймав их взгляды на себе.

— Я не... — попыталась запротестовать я, но тут же поняла, что только зря потрачу силы. — Вы знаете, кто она?

Этот вопрос интересовал меня сейчас больше всего.

— Впервые вижу, — покачала головой Калли — милая девушка азиатских кровей.

— Я тоже. Не похоже, что она местная, — пожала плечами Лиз.

«Лучше бы мне остаться дома», — мрачно подумала я. Удовольствия никакого от веселья вокруг я не получала, а вид флиртующего Олли надолго лишит покоя.

Конечно, я знала, что он не ведёт жизнь монаха. Мне даже думать не хотелось о тех девушках, что были у него за годы после нашего развода. Было мучительно больно представлять, как его губы целовали кого-то, кто не я; как руки ласкали чужие тела, даря удовольствие. Те руки, чьи прикосновения я всегда любила, к которым льнула.

Ком встал поперёк горла, мешая дышать, и я почувствовала, как засадили глаза от поступивших слёз.

Я когда-нибудь смогу смотреть на него без того, чтобы не ощущать, как ноет в груди? Без желания, а просто смотреть и видеть только лишь друга детства, а не любовь всей своей жизни?

— Чарли, куда ты? — раздался голос Лиз мне вслед, когда я поднялась.

Не оглядываясь и оставив сестру без ответа, я пошла к киоску с напитками, у которого стояли Олли с незнакомкой. Поначалу он меня не заметил — очень уж был увлечён разговором со своей спутницей. Я встала за ними, деля вид, что единственная причина, по которой я здесь — это лимонад.

И только секунд через тридцать Олли случайно оглянулся (уверена, он знал, что я стою позади) и изобразил лёгкое удивление.

— Чарли, — кивнул, приветствуя меня.

Просто сама вежливость!

Я едва не скривилась.

— Оливер, — вторила ему, переведя взгляд на незнакомку, которую теперь могла рассмотреть лучше.

Зараза! И правда красавица.

— О мой Бог! Вы Шарлотта Пирс?! — заулыбалась девушка, округлив тёмные миндалевидные глаза.

Я со всей скромностью пожала плечами. Мне всё ещё хотелось убить её, но теперь быстро, без

мучений.

— Невероятно просто! Я ведь обожаю ваши фильмы!

Я покосилась на Олли, проверяя его реакцию на то, что его подружка – моя поклонница. Он только терпеливо улыбался, спокойно наблюдая за нами.

— Спасибо, это очень лестно... — Я замолчала, ожидая, что Олли представит её, но девушка его опередила:

— Соня.

— Очень приятно, Соня.

— Ты не говорил мне, что знаком с голливудской звездой! — притворно пожурив его она, шлёпнув по руке.

Олли что-то ответил неразборчивое, потеряв подбородок.

— Следующий! — звонко огласила пухлая румяная женщина в костюме цыганки, и Олли заказал два больших стакана лимонада для себя и Сони.

— Очень, очень рада была познакомиться с вами, — с искренней сердечностью сказала Соня, когда они собрались отойти.

Я кивнула, нацепив на лицо улыбку. Она была приятной девушкой, мне стало почти стыдно, что я думала гадости о ней.

Мне пришлось купить напиток, и я очень пожалела, что в нём нет водки или чего покрепче. Ревность сжирала меня, разъедала, как кислота. Я не знала способа, как это прекратить.

— Всё нормально? — обеспокоенно спросила меня Лиз, когда я вернулась.

Я кивнула и заверила её, что всё хорошо.

Ложь. Ничего не было нормально. Далеко нет.

— Чарли?

Я обернулась, увидев обращённую ко мне улыбку бармена Ленса.

— Надеюсь, вы не против, что я вас так называю?

— Нет,нисколько, — послав ему ответную улыбку, покачала головой я.

В глазах парня отразилось облегчение. Наверное, ему нелегко далось решение подойти ко мне.

— Можно пригласить вас? — Он указал в сторону танцевальной площадки — музыканты на сцене как раз заиграли медленный танец.

— Она согласна! — опередила меня Лиз.

Я одарила её натянутой улыбкой, но сестра приняла самый невинный вид.

— С радостью, — подала руку Ленсу я, решив, что ничего плохого не случится, если я потанцую с симпатичным парнем. К тому же это поможет мне на время избавиться от мыслей об Олли.

Наверное.

— Я немного волнуюсь, поэтому сразу прошу прощения, если наступлю вам на ноги, — пошутил Ленс.

Я покачала головой.

— Признаюсь, что тоже волнуюсь, так как очень давно не танцевала. И как насчёт того, чтобы перейти на «ты»?

— Полностью поддерживаю, — согласно закивал тот.

Ленс положил ладонь на мою талию и повёл в танце. Надо отдать ему должное — двигался он очень даже неплохо.

— Надеюсь, в тот вечер всё обошлось?

Я подняла голову, встретив его вопрошающий взгляд. Мне до сих пор не по себе было от сцены, которую Олли устроил в баре.

— Да, если забыть о том, что мне пришлось вести на третий этаж спящего на ходу Оливера, — слабо заулыбалась я. — И мне стыдно, что ты и остальные посетители бара стали свидетелями той отвратительной сцены, — призналась я.

— Уверен, что все, кто находился там в то время, ничего на утро не вспомнили, — вскинул тёмные брови Ленс.

Я внимательно присмотрелась к нему — он выглядел примерно моим ровесником и обладал привлекательной внешностью, но меня не тянуло к нему. Мои ноги не слабели: мне не хотелось привстать на носки и прижаться к его рту в поцелуе. В его объятиях мой пульс был абсолютно спокоен. И так было с любимым. Кроме Олли. Рядом с ним со мной всегда происходило нечто волшебное, и в то же время пугающее. Потому что моя реакция на него лишает меня надежды на то, что однажды я смогу построить крепкие отношения с кем-то, кто не он.

— Такое часто происходит? Часто он напивается в баре? — не смогла скрыть обеспокоенность я.

— Иногда Оливер бывает в «Злом лесе», но в таком состоянии, как тем вечером, я видел его впервые. Хотя я работаю там меньше года.

Я нахмурила брови — невозможно было не думать, что своим возвращением я вредила ему. И ещё мне нужно было выяснить, насколько плохо дела обстояли с антидепрессантами, но я не представляла, как это сделать без того, чтобы он не узнал.

Спросить у Джеффри? Но что, если он не в курсе проблем сына? Получается, я выдам Олли.

У Майло? Ну, тот только пошлёт меня как можно дальше.

Спросить самого Олли?

Почему-то меня это пугало.

— Так значит, вы правда были женаты? — прервал поток моих мыслей Ленс.

Я кивнула.

— Да, когда-то давно были.

Мы дотанцевали танец, и, поблагодарив меня, Ленс провёл меня к Лиз и Калли. Думаю, он понял, что я не была заинтересована.

Девчонки стояли в очередь к чёртовому колесу, но я наотрез отказалась подниматься — я не была поклонницей высоты.

— Уверена, что не хочешь с нами? — переспросила Лиз, прежде чем они зашли за ограждение.

— Идите, я подожду вас здесь.

Сестра с подругой заняли место в кабине, и я помахала им, когда они начали набирать высоту.

Внезапно я почувствовала, как чья-то ладонь обхватила меня за руку, и быстро обернулась, готовая дать отпор.

— Потанцуй со мной, — попросил Олли — призрачная улыбка блуждала в уголках его губ, а я от растерянности не знала, что и сказать. В себя пришла, только когда он подвёл меня к сцене.

— Твоя девушка не будет против? — Я повертела головой, высматривая Соню. Старалась

игнорировать, как сладко всё подбирается изнутри только лишь от его рук на моей талии.

Олли легко усмехнулся.

— Ревнуешь, Чарли?

Я взглянула в его глаза и впервые за долгое время не увидела там злости. В них плескалось веселье, даже какой-то задор.

— Ревную, — не стала отрицать я.

Олли наклонился, зашептав мне на ухо:

— Соня сестра Майло. Сегодня он не смог быть здесь, поэтому я пришёл с ней, чтобы она не скучала, пока он занят.

Было очень, очень не просто контролировать реакцию своего тела на его близость; на его тёплое дыхание, касавшееся моего виска; интимность шёпота, порождавшую во мне самое сильно желание.

— Так это не свидание? — негромко спросила я, проведя языком по пересохшим губам.

— Нет. — Олли проследил за этим движением, и голос его прозвучал так, будто ему вдруг стало не хватать воздуха.

Его ладонь чуть сильнее сжалась на моей талии, а голубизна глаз потемнела, приобретя кобальтовый оттенок.

Я захватила зубами уголок рта, ощутив, как в тот же миг напряглось его тело.

Мы ходили по краю. Сомневаюсь, что кто-то из нас слышал музыку. Мы едва двигались, пожирая друг друга глазами. Можно было потрогать сексуальное напряжение между нами — таким оно стало плотным и осязаемым.

Олли сорвался первым. Схватил меня за руку и потащил сквозь толпу, а мне было плевать куда, главное с ним. Он торопился, и я следом за ним, крепко сжимая пальцами его горячую руку.

«Главное не отпускай, иначе я точно умру».

Остановился он только в конце третьего ряда на стоянке, и я лишь мельком успела заметить Dodge Challenger, прежде чем он толкнул меня на заднюю дверцу, обхватил мою голову ладонями и набросился на мои губы в жадном, сминающем поцелуе.

Что-то, похожее на хнык или стон, вырвалось из моей груди, порождённое долгим ожиданием, нетерпением и им, полностью поглотившим меня.

Только Олли был способен на такое — по щелчку заставить меня забыть всё на свете, видеть и чувствовать только его одного.

— Хочу тебя, — сжимая руки в моих волосах, в мой рот напряжённо выдохнул Олли. — Блядь, Чарли, как же сильно...

Оливер набросился на меня с ещё одним поцелуем, и это было немного больно, но чертовски хорошо. Каждый мой вздох сопровождался тихими короткими всхлипами, и каждое вращение его языка, каждый толчок бёдер делали меня более жаждущей.

Руки Олли спустились на мою попку, нырнули под юбку, легонько сжимая голые ягодицы, не скрытые трусиками-танга. Олли издал низкий, рокошущий звук, потираясь своими бёдрами о мои — мы уже практически занимались сексом, просто ещё не разделись.

Настолько потеряли голову от охватившей страсти, что забыли на некоторое время, что находимся на стоянке. Но Олли опомнился, открыл машину, и мы забрались на заднее сиденье.

Его тело приятной тяжестью накрывало моё, и чем глубже и несдержанней были наши поцелуи, тем сильнее он вжимался в меня. Мои бёдра были разведены, юбка задралась до пояса,

и сквозь тонкое бельё я чувствовала, как скользит грубая джинсовая ткань по моей возбужденной плоти.

Держась одной рукой за спинку заднего сиденья, Олли расстегнул джинсы, сдвинул мои трусики в сторону и толкнулся в меня, полностью готовую принять его.

Меня подбросило вверх от столь желанного вторжения, я выгнула спину, раскрыв рот в беззвучном крике.

Короткими сильными ударами Олли сотрясал моё тело, ни на миг не сводя тёмного взгляда с моего лица. Одной согнутой в колене ногой я прижалась к нему, пяткой упершись в кожаную обивку, а другую вытянула к двери — было не очень удобно, но каждое прекрасное мгновение с ним стоило того.

Я знала, что не продержусь долго. Напряжение внизу увеличивалось, готовое взорваться тёплой, захлестывающей волной. Ногтями вцепилась в упругую кожу его спины, жадно хватая ртом воздух. Быстро нагнувшись, Олли слегка прикусил мою нижнюю губу, проник в мой рот, мягко надавив своим языком на мой.

— Ах-х, — я ещё раз выгнулась ему навстречу, задрожав всем телом, прежде чем его накрыло полное, чистое блаженство.

— Где ты была? Мы тебя везде обыскались. Ещё и трубку не берёшь! — набросилась на меня Лиз, когда я отыскала их с Калли.

— Прости, но мне нужно было отойти, — я не очень хорошо изобразила раскаянье и никак не могла согнать с лица дурацкую улыбку сытого кота.

Мои ноги всё ещё были слабыми, и я чувствовала недавнее присутствие Олли у себя между бёдрами.

Чёрт, наверное, я покраснела в этот момент, потому что глаза сестры подозрительно прищурились.

— Ты что, сексом занималась? — наклонившись, на ухо мне зашипела Лиз.

Мой вид говорил сам за себя, поэтому я не стала ничего отрицать.

— Господи, скажи мне, что это был Скотт, а не тот бармен! Он, конечно, красавчик, но это была бы огромная ошибка.

Я посмотрела на неё как на сумасшедшую.

— Ты меня за кого принимаешь?

Лиз послала мне говорящий взгляд «ту-что-трахалась-в-машине-на-парковке».

— В любом случае, думаешь, это хорошая идея?

Я не знала, что ей ответить. Не хотела думать и всё оценивать сейчас, после того как десять минут назад испытала умопомрачительный оргазм с Олли.

— Не знаю, Лиз, — честно ответила я. И я не хотела, чтобы этот вечер омрачался сомнениями и сожалениями.

Надеюсь только, что мне не придётся жалеть. И Олли тоже не станет. Что всё не получится как в прошлый раз. Но стоило мне засомневаться, и моя эйфория омрачилась.

Мой мобильный издал звук входящего сообщения, которое пришло от Олли.

«Буду дома через пятнадцать минут».

Так он приглашал меня? Неужели Оливер хотел провести со мной всю ночь?

Стая бабочек вновь запорхала внутри меня. Я не раздумывала ни секунды, стоит ли мне ехать к

нему.

— Можешь дать мне свою машину? — обратилась я к Лиз.

— Дай угадаю — Оливер? — ухмыльнулась она, протягивая мне ключи.

Я только улыбнулась в ответ.

— Ты доберёшься домой?

— Калли меня подвезёт. Давай, езжай уже к своему Ромео.

Дважды повторять мне не пришлось. Преисполненная надежды и предвкушения, я помчалась к Олли, по пути всячески отгоняя от себя страхи и неуверенность.

Не хотелось радоваться раньше времени, но я лелеяла надежду, что он решил дать нам второй шанс.

Господи, если это так, я ухвачусь за него двумя руками и сделаю всё, чтобы у нас получилось! Мне только нужна возможность показать ему, что мне можно доверять и что я никогда больше его не подведу.

И начать нужно с правды.

Я обязательно расскажу ему о Заке. Не сегодня, но скоро.

Едва справляясь с волнением, я постучалась в квартиру Олли, а он будто только и ждал меня. Распахнул дверь, вовлекая меня внутрь, и тут же, на ходу, атакуя поцелуем.

— Слишком. Долго, — отдельно произнёс он, ногой захлопывая дверь.

Я не поняла, о чём именно он говорит, но уточнять не стала. Совсем не время.

Олли толкнулся языком в мой рот, и я застонала, распаяясь ещё больше. Прервав поцелуй, дыша тяжело и шумно, он чуть отстранился, положив ладонь на моё горло. Глядя в глаза, двинул рукой вниз и, к неожиданности, дёрнул мою блузку так сильно, что верхняя половина пуговиц отлетела.

Впрочем, сейчас мне было на это наплевать. Глаза Олли полыхали диким пламенем. Похотью. С той же грубой силой он сдёрнул с меня лямки лифчика, обнажая грудь.

Я приоткрыла рот и задышала быстрее, чувствуя, как закипает в венах кровь и отзываются самые чувствительные места сладкой пульсацией.

В Олли будто сам дьявол вселился, но мне это нравилось.

Погладив грудь, он сжал сосок, перекатывая его между пальцами, заставив меня всхлипнуть от острого удовольствия.

— Ты всё такая же отзывчивая, Чарли, — севшим голосом прошептал мне на ухо он, развернув к себе спиной.

Я хотела сказать, что это он делает меня такой, но побоялась, что не смогу выдать ничего вразумительного.

Я охнула, когда Олли надавил мне на поясницу, нагибая, и мне ничего не оставалось, как схватиться за спинку дивана.

— Ты должна очень широко развести ноги, потому что я собираюсь вылизать тебя, — каким-то новым, незнакомым мне голосом велел он, и от изумления (и немного смущения) я послушно выполнила приказ.

Я не узнавала его. Таким ещё точно не видела. Это одновременно пугало и волновало.

Он опустил на корточки и стянул с меня трусики. Мне оставалось только переуступить через них.

— Ниже, Чарли, — приглушённо произнёс он, нажав на мою спину. Я наклонилась,

перегнувшись через спинку, и теперь была полностью раскрыта перед ним.

Почувствовала, как его пальцы коснулись меня между ног, и задрожала. Мне хотелось обернуться и посмотреть, но я не стала. Нужно было расслабиться и просто получать удовольствие, но что-то мешало мне. Все нервы во мне были натянуты до предела.

Тёплое дыхание Олли коснулось моих складок, и затем он поцеловал меня — нежно, слегка втягивая мою плоть в рот.

Резко выдохнула, только заметив, что задерживала дыхание. Прикосновение его губ и языка ко мне *там*, такой возбуждённой, ощущались слишком остро и в то же время восхитительно.

Олли сделал движение языком вдоль, после чего вновь мягко втянул нежные складки в рот, и к тому моменту я уже не сдерживала рвущиеся наружу стоны. Олли ласкал меня, полизывая и покусывая с нужной интенсивностью, удерживая на самом краю. Я кусала пальцы, метаясь в некой агонии ни с чем не сравнимого удовольствия, но мне хотелось завершения, которого он не давал.

Последний раз он коснулся языком клитора, заставив меня вздрогнуть, и поднялся, расстёгивая джинсы.

Мне необходимо было, чтобы он заполнил меня собой, потому что всё моё тело превратилось в дрожащий комок оголённых нервов.

Я слышала, как Олли распечатал и надел презерватив, прежде чем его рука захватила мои волосы, а другая легла на талию. Он издал протяжный шипящий звук, потонувший в моём вскрике, когда в одном несдерживаемом ударе он соединил нас.

— Хочешь воды или ещё чего-нибудь? — застёгивая ремень, предложил Олли.

Я бросила на него неуверенный взгляд и кивнула. Смотрела, как расслабленно, с ленивой грацией, он идёт в сторону кухни, и противный червячок сомнения начал точить меня изнутри.

Всё как-то неправильно. Почему он выглядит таким чужим и отстранённым после всего, что только что произошло?

Кусая губы, натянула лямки бюстгалтера, пытаюсь что-то сделать с блузкой, но многих пуговиц не хватало, поэтому я всё равно была больше раздета, чем наоборот.

— Держи.

Олли вернулся, протянув мне маленькую бутылку воды. И правда очень хотелось пить. Сделала глоток, ожидая... Даже не знаю, чего и ждала от него.

— Уже поздно, а мне завтра рано вставать, так что... — Он пожал плечами, давая понять, что мне пора.

И его слова, словно кулак, с силой ударивший меня в живот.

Моргнула, умоляя себя не расплакаться перед ним. Расставив ноги и спрятав руки в карманы джинсов, Олли невозмутимо ждал, когда я уйду.

— Хочешь, чтобы я ушла? — сама едва слышала свой шёпот.

— Это был долгий вечер, Чарли, — не мигая, ответил он.

Я поставила бутылку на стол, ещё раз попытавшись соединить половинки блузки вместе. Больше не могла смотреть на него — слишком больно и унижительно.

— Я поняла, — тихо отозвалась я, направившись к двери с опущенной головой.

Нужно убраться отсюда, пока ещё держусь.

— Чарли, — окликнул меня Оливер.

Помешкав, я обернулась, заставив себя посмотреть на него.

— Это не было воссоединением, — сказал он, чем окончательно добил меня.

«Миссис Скотт»

2004

— Привет, красавчик!

Чарли сверху донизу оглядела вышедшего за ворота поста Оливера, сияя самой соблазнительной улыбкой.

Оттолкнувшись от Dodge Challenger, который водила в его отсутствие, помчалась навстречу мужу. Подхватив Чарли, Оливер закружил её, ища губы жены для поцелуя.

Господи, как же он по ней соскучился! Знал, что расставание не дастся просто, но оказалось, что это едва ли переносимо. Каждую минуту до последней клетки своего тела он остро ощущал нехватку Чарли.

Она была важным элементом в его кислороде, без которого дышать становилось трудно.

Олли зарылся пальцами в её волосы, с жадностью разглядывая любимое лицо, желая впитать как можно больше в себя; наполниться ею, хотя и понимал, что будет мало. Всегда мало.

И мысль, что придётся попрощаться с ней в конце дня, связывала его внутренности в узел.

— Соскучился! — выдохнул Олли, вновь целуя её. Ещё и ещё, наслаждаясь неповторимым вкусом её губ.

— Волосы, — с сожалением прошептала Чарли, проводя по остриженной голове. Увидела его с «ёжиком» вместо светлых прядей, и сердце затосковало.

— Очень расстроилась? — Олли прижался лбом к её лбу, заглядывая в тёмно-карие глаза.

Расстроилась, но отрицательно мотнула головой — не до того сейчас. Месяц его не видела, а кажется, целую вечность. Тосковала страшно. Даже плакала ночами. Называла себя дурой, а поделать ничего не могла.

Так плохо без него. Неуютно. В собственном теле неуютно.

— Давай убираться отсюда, — взяла его за руку, потянув за собой. Чего доброго ещё расплачется перед ним, а портить единственный выходной не хотелось.

— В шесть мне надо вернуться, — поморщился Олли.

Чарли чуть не задохнулась от разочарования.

Совсем времени мало! Она-то рассчитывала, что у них вся ночь впереди.

— Но этого мало! — Не хотела, чтобы голос так плаксиво прозвучал, но не сдержалась.

— Малыш, знаю. — Оливер положил ладонь на её щёку, ненавидя в этот момент свой выбор. Ему нравился лагерь, всё, что он узнавал и чему учился, но одновременно ненавидел за то, что вставал между ним и Чарли.

Она знала, что это не его вина. Нет смысла тратить драгоценное время на обиды.

Чарли заставила себя улыбнуться:

— Тогда давай поторопимся и сразу поедem в отель. Не хочу и минуты с тобой потерять.

Не выдержав, Чарли рассмеялась — лёгкие, нежные поцелуи Олли, оставляемые им на её веках, скулах, носу и подбородке щекотали, словно крылья бабочки.

Добравшись до мотеля, они едва не сорвали одежду друг с друга, только ступив в номер, но Олли смог взять себя в руки и, переведя дыхание, сказал, что не хочет спешки.

— Я мечтал об этом весь последний месяц. Хочу наслаждаться тобой, а не второпях утолять голод.

За это она ещё больше любила его. За это и миллион самых разных причин. Горячо, всем сердцем. Так сильно, что дыхание сбивалось, когда смотрела на него.

— Моя любимая девочка, — шептал он в её губы — трепет и благоговение звучали в его голосе.

За время их разлуки он ещё больше стал дорожить ею. У Оливера не было сомнений, что, потеряв Чарли, он потеряет смысл своей жизни, своего существования.

Парни в лагере смеялись, называли глупцом, делать которому нечего — женился на первой девчонке, которая дала, да ещё и школу не окончив. Спятил, очевидно. А он всё мимо ушей пропускал. Объяснить не пытался, потому что не видел никакого смысла. Да и как объяснить восемнадцатилетним пацанам, у которых одно желание — снять как можно больше красоток, — что не хочет всего этого. Он нашёл ту, с которой хочет провести всю дальнейшую жизнь. Для чего десятки чужих лиц, тел, если он уже обладал самой лучшей?

Она такая одна. Его.

— Ты вкусный, — тихо промурлыкала Чарли в его ухо.

Оливер резко выдохнул, крепко сжав её бедро. Это так сексуально прозвучало из её уст, что заставило его задрожать. Он прижал губы к её шее, нежно посасывая кожу, между тем лаская её бедро, и теперь пришла очередь Чарли затрепетать от удовольствия.

Переместив руки, Оливер подхватил её под ягодицы, тем самым приподнимая. Оказывается, уже и забыл, как охренительно она пахла — её запах всегда будоражил его, такой сладкий и неповторимый.

Оливер лёг на спину, увлекая Чарли за собой, и уложил её к себе на грудь. Его ладони крепче сжались на её ягодицах, бёдра толкнулись вверх, и Чарли полностью ощутила, каким твёрдым он был. Не прерывая поцелуя, она всхлипнула в его рот, вжимаясь в него.

Олли издал горловой, похожий на рык звук — он не хотел торопиться, но и сделан он был не из железа. Он не был со своей девочкой целый месяц, и было чертовски трудно не поддаться сексуальной горячке.

Оливер мягко надавил на язык Чарли, приподнял край платья и погладил её попку сквозь тонкие кружевные трусики.

Это было грёбаное испытание! Болезненной пульсацией отозвалась эрекция, и ему пришлось стиснуть зубы.

— Я знаю, что сам предложил не торопиться, но, если сейчас не окажусь в тебе, кончу в штаны, — хрипло признался он у её виска.

Чарли уткнулась в изгиб его тёплой шеи, тихонько хохотнув. Потом выпрямилась, и томная улыбка проступила на её лице.

— Мы ведь не можем этого допустить.

Чтобы ещё чуть-чуть подразнить его, она одну за другой спустила лямки платья, обнажив грудь.

— О, Господи! — закрыв глаза, протяжно выдохнул Оливер.

Член, которому стало тесно в джинсах, вновь болезненно дёрнулся.

— Ладно, к чёрту!

Отбросив прежние намерения, Оливер молниеносно поднялся, опрокинув визжащую Чарли на спину. Закинув её ноги себе на плечи, без особых церемоний стянул с неё трусики и устроился между разведённых бёдер.

Наверное, ещё никогда в жизни он не расстёгивал свой ремень так быстро. Но сейчас лишь одно желание осталось в нём — Чарли, и Чарли была всем.

Опустившись на вытянутых руках, он навис над ней, глядя в глаза, которые любил больше жизни. Всё веселье и игривость испарились из них, он видел лишь чистую любовь и желание.

— Займись со мной любовью, Олли, — прошептала Чарли, погладив его по лицу.

Она могла разглядеть каждую грань, каждый оттенок синего в его глазах, когда Оливер соединил их тела, сделав одним целым.

— У меня есть кое-что для тебя, — загадочно улыбнулась Чарли, выбравшись из-под одеяла. Совершенно не испытывая скованности из-за своей наготы, прошла к сумке, брошенной в кресло, и, отыскав в ней водительские права, вернулась в постель.

Опершись на спинку кровати, Оливер любовался своей женой, которая из угловатой девчонки незаметно превратилась в прекрасную молодую женщину.

— Вот, смотри. — Чарли передала пластиковую карточку Олли и прикусила уголок рта в ожидании его реакции.

— Ты это сделала? — осветилось широкой улыбкой его лицо, и Чарли подумала, что стоило это сделать хотя бы из-за этого.

— Да, — кивнув, подтвердила она. — Теперь я официально Шарлотта Скотт.

— Чарли, — засмеялся Оливер, привлекая её в свои объятия. — Это лучший подарок, который ты могла сделать мне.

— Но точно не единственный, — с лукавством отозвалась она, перекинув ногу через него и устроившись сверху. Склонившись к его губам, прошептала: — Надеюсь, ты успел отдохнуть, потому что я собираюсь использовать по полной время, что у нас осталось.

Чарли

— Чёрт!

Я посмотрела в зеркало заднего вида, поморщившись. Этот день не мог быть хуже, но станет, если мне выпишут штраф.

Прекрасно, просто прекрасно!

— Офицер Флинн, — представился полицейский, остановивший меня. — Права и техпаспорт, пожалуйста.

Я вынула документы из бардачка и передала их ему через окно.

— Кевин? Кевин Флинн?

— Чарли? — Мой старый приятель снял солнцезащитные очки, недоверчиво разглядывая меня.

Засмеявшись, я вышла из машины, и мы с ним обменялись объятьями.

— Так ты сейчас здесь, или просто в гости наведалась?

— Вернулась, — подтвердила я. Встреча со школьным другом обрадовала меня — хоть какой-то приятный момент за сегодня.

— Ну надо же, сама Шарлотта Пирс! — впечатлённо присвистнул Кевин.

Я закатила глаза.

— Прекрати смущать меня!

— Стейси не поверит, когда я ей расскажу!

Я удивлённо уставилась на него.

— Стейси Камингс? Так вы что, вместе?

Кевин скромно кивнул.

— У нас свадьба в это воскресенье.

— Вау, Кев! Это же замечательно!

И очень неожиданно, потому что я помнила, что эти двое никогда не ладили в школе, постоянно задирая друг друга. Теперь понятно, что так они выражали свою симпатию.

— Ты обязательно должна прийти на нашу свадьбу.

Я была тронута и заявила, что непременно буду там.

— Слушай, приходи сегодня к нам на ужин. Стейс будет рада видеть тебя.

— С удовольствием. Вино с меня.

— Договорились, а пока я тебя отпускаю, — засмеялся парень, возвращая мне мои права.

— Спасибо! Обещаю, что впредь буду более внимательна и не стану превышать скорость, — клятвенно пообещала я.

Кевин назвал мне их со Стейси адрес, и мы простились до вечера.

Вернувшись за руль, я улыбалась, думая о Кевине и Стейси, которые уже в это воскресенье создадут свою семью; о том, как непредсказуема жизнь, и не заметила, как мысли мои перекочевали на нас с Оливером.

Были бы мы до сих пор вместе, если бы тогда я сделала иной выбор? Или жизнь всё равно нас разлучила бы? Мы были слишком молоды, когда поженились, и потом оказалось, что у каждого из нас разные планы на будущее.

Прошло несколько дней после той ночи в квартире Олли. Ночи, которую я всячески старалась забыть. Запрещала думать себе о случившемся, но получалось не очень успешно.

До того дня во мне ещё теплился небольшой уголёк надежды, что для нас не всё потеряно, но я ошиблась. Олли изменился. Мы оба изменились, но он стал кем-то, кто был чужим, жестоким и неприступным.

Олли, в которого я однажды влюбилась, был другим.

Мне хотелось похоронить себя в тоске. Я жалела себя и плакала несколько ночей подряд, заглушая звуки в подушке, но потом поняла, что не могу себе этого позволить. Я вернулась в Гери с намерением начать новую жизнь, и я не могу сделать это, пока всячески цепляюсь за прошлое.

Мне стоило догадаться, что Оливер тоже будет на свадьбе. Но это не проблема, как я убеждала себя, сидя в третьем ряду во время церемонии. Я смогу провести этот день, получая удовольствие от торжества без того, чтобы видеть только его и думать только о нём.

Если это испытание для меня, я пройду его.

Часовня Святого Эндрю была полностью заполнена людьми, которые пришли сегодня, чтобы поздравить Кевина и Стейси. На какой-то миг, глядя на то, как жених с невестой произносят свои клятвы у алтаря, я вспомнила свою собственную свадьбу. Она не была такой пышной и нарядной, и у нас совсем не было гостей, но я всегда считала её прекрасной. Волшебство, которое мы создали только для нас.

Если бы я знала тогда, что наш брак не продлится долго и потерпит крушение, изменила бы я своё решение выйти за Олли? Даже теперь, когда мы стали чужими друг другу, я уверена, что вновь прошла бы через это.

Мы были счастливыми влюблёнными, и сколько бы времени ни провели вместе, оно было прекрасным.

Я с грустью улыбнулась, когда Кевин, светящийся от радости, поцеловал свою новоиспечённую жену. Слезы так и просились на глаза, поэтому я моргнула, прогоняя их.

Достаточно, я больше не хочу плакать. Только не сегодня.

Почувствовав на себе чей-то взгляд ещё до того, как повернула голову в его сторону, знала, кому он принадлежит. Олли ровно мгновение смотрел на меня, прежде чем вновь вернуть внимание на жениха и невесту.

Интересно, он тоже вспомнил нашу с ним свадьбу?

После официальной части все гости собрались в банкетном зале загородного клуба, где и проходит большая часть всех свадеб города. Я встретила много знакомых лиц, и мне удалось расслабиться, поэтому я не скучала. По негласному соглашению мы с Олли избегали друг друга, что вполне устраивало меня.

Я узнала, что многие мои бывшие одноклассницы успели не только выйти замуж, но и обзавестись детьми. Некоторые даже не по одному. Я восторгалась каждой просмотренной детской фотографией, игнорируя щемление в груди.

Я могла бы быть на их месте – довольным, счастливым родителем. С гордостью вынула бы фото Зака из сумочки и показала своего прекрасного мальчика. Но я никогда не смогу позволить себе этого. Никто никогда не должен узнать ревностно хранимую мною тайну.

— А это мой сорванец, ни минуты покоя с ним, — с любовью сказала Дафни, передавая мне снимок темноволосого мальчика лет шести. Должно быть, она родила его ещё в колледже.

Я вынудила себя улыбнуться — скорее всего, этот ребёнок не на много младше Зака.

— Когда... когда ты родила его? — спазм в горле мешал мне говорить.

Дафни рассмеялась.

— На последнем курсе, экзамены сдавала, постоянно отвлекаясь на кормления и пелёнки. Нелегко нам тогда пришлось с Билли, но мы счастливы, что у нас есть Закари.

Я как будто получила удар под дых. Со всей дури. Все краски схлынули с моего лица. Наверное, я выглядела странно, но меня это мало волновало.

— Закари? — негромко переспросила я.

Дафни кивнула.

— Мы зовём его Зак. Так звали дедушку Билли, Зака мы назвали в его честь.

Я больше не слушала. Моя рука дрожала, когда я возвращала фотографию Дафне. Извинившись, пробормотала что-то о том, что мне надо выйти.

Необходимо немедленно отсюда выбраться, потому что я буквально задыхаюсь. Боль скручивала каждый нерв моего тела. Ничего не видела перед собой, шла вперёд, пока не оказалась за дальней стеной клуба.

Привалилась тяжело к кирпичной кладке и, обхватив живот руками, позволила первым рыданиям вырваться наружу.

Сегодня ко мне подходили люди, которых интересовала жизнь голливудской звезды. Возможно, некоторые мне и завидовали, но ирония в том, что я завидовала им. Тем, кто всё сделал правильно. Кому-то вроде этой девушки Дафни.

Я бы, не раздумывая, променяла славу и богатство на единственный шанс вернуться в прошлое и выбрать моего мальчика.

Я больше не плакала, но ещё не была готова вернуться внутрь. Отыскав скамейку среди розовых кустов, спряталась, не желая никому на глаза попадаться.

Когда-то Рен сказал, что мне нужно к кому-нибудь обратиться. К профессионалу.

Ну, может, он и прав. И теперь я уже не так скептически настроена.

Подняв глаза, я увидела Оливера. Он наблюдал за мной, оставаясь на расстоянии нескольких метров.

Интересно, как долго он стоит здесь? И насколько заметно, что я плакала?

Поколебавшись, он всё же решил подойти. Опустился рядом на скамейку, достал сигареты из кармана пиджака и закурил, выпуская дым в сторону.

Мы сохраняли молчание, и я ни за что не собиралась нарушать его первой.

Он выкурил почти половину сигареты, когда я наконец-то услышала:

— Никогда бы не догадаться, да? — кивнув в сторону банкетного зала, немного нервно усмехнулся он.

Знаю, что он о Кевине и Стейси, но не думала, что это то, о чём он хотел поговорить.

Так как я всё ещё молчала, Олли шумно вздохнул, с волнением проведя рукой по шее.

— Слушай, извини.

Я покосилась в его сторону. Не очень хорошее начало.

— Скажешь что-нибудь?

Я полностью обернулась к нему, заговорив:

— Ты извиняешься?

— Пытаюсь.

— Плохо пытаешься, — не удержалась от скептицизма я.

— Знаю. — Олли вынул ещё одну сигарету, и я заметила, что его руки немного дрожали. Он волновался больше, чем показывал. — Я не должен был вести себя как урод той ночью.

С этим я не могла не согласиться.

— Ты действительно был им, — сухо заметила я.

— Я этого не хотел, Чарли.

Я послала ему полный сомнения взгляд.

— Разве?

Вина отразилась на его лице.

— Я не должен был хотеть этого.

— Спасибо за честность. — Я поправила платье, прикрывая колени.

— Ты плакала? — нахмурился Олли, присмотревшись ко мне.

С полнейшей невозмутимостью я пожала плечами.

— Это свадьба, на свадьбах всегда плачут.

— Только не ты.

Я заставила себя улыбнуться.

— Откуда ты знаешь? Может быть, теперь я делаю это?

Признаюсь, моей целью было уязвить его и, судя по мелькнувшему выражению в его глазах, стрела достигла цели.

Мы вновь надолго замолчали, но никто из нас не торопился уйти.

— Знаешь, о чём я подумал? Я никогда не спрашивал у тебя, почему ты решила уйти от меня. — Кривая усмешка проступила на его губах. — Ослеплённый гневом и обидой, ничего не хотел знать. Думал, что причина не имеет значения. Но это не даёт мне покоя. Так почему, Чарли?

Если я хотела открыть ему правду, то лучше момента не было.

Или хуже.

Я не могла предугадать реакцию Оливера, а недалеко от нас находилось более сотни людей.

— Дело в другом парне? У тебя был кто-то?

Я видела, что он не верит в это. Он и тогда не думал, что я могла уйти от него из-за кого-то другого. Иначе я ни черта не понимала в нём.

— Никого не было, Оливер, — слабо покачала головой я. — Никакого другого парня.

«Во всяком случае, не так, как ты мог подумать».

— Тогда что?

Он не выглядел раздражённым или ищущим конфликта, но хотел знать причину. Это было важным для него.

— Ты правда хочешь это услышать? — Мой голос был полностью смиренным. Я устала носить в себе это годами. Я собиралась рассказать ему и принять последствия, если он больше никогда не пожелает слышать моего имени. — И ты готов к тому, что возненавидишь меня ещё больше?

Олли тревожно нахмурился. Он был растерян, может быть, немного напуган.

Интересно, какие возможные варианты он предполагал? Что передумал за прошедшее время?

— Чарли, — позвал меня Олли, понуждая к признанию.

Я прикрыла глаза, собирая всю храбрость, на которую была способна, но именно в этот момент наше уединение было потревожено. Какие-то молоденькие девушки, хихикая, оказались в поле нашего зрения.

Я быстро поднялась, торопясь уйти.

— Не сейчас и не здесь, но скоро, — пообещала ему, оставляя недоуменно глядящего мне вслед Олли.

Оливер

Остаток вечера я себе места не находил. Она не могла оставить меня в таком подвешенном состоянии и уйти, но она это сделала.

Я вернулся в зал, планируя вытянуть из неё всё немедленно, но Чарли исчезла.

Просто сбежала!

Первым порывом было броситься её догонять, потребовать признаться, но она пообещала, что скоро сделает это. Я решил дать ей двадцать четыре часа, и после она уже не сможет вывернуться.

Но ждать так долго не пришлось. В тот же день, поздно вечером, она прислала короткое сообщение на мой телефон:

«Почтовый ящик».

Я вышел на улицу, не обнаружив никакого присутствия Чарли. Но в ящике меня ждал конверт,

подписанный «*Оливеру*». Ещё одно письмо от неё. Вернувшись в квартиру, я уже знал, что ничего хорошего ждать не стоит. Но я и предположить не мог, что всё окажется настолько плохо.

Конверт не был запечатанным. Внутри я нашёл небольшое письмо и, к своему полному недоумению, фотографию ребёнка — мальчика лет шести или семи. Ничего не понимая, поднял написанное от руки письмо и начал читать:

«Оливер, знаю, что сейчас ты в недоумении, для чего я отправила тебе фотографию этого мальчика. Но вон она — истинная причина того, почему я ушла тогда.

Ребёнка на фото зовут Зак, и ему семь лет. Это мой сын, Олли. У тебя сейчас в голове, наверное, тысячи вопросов, ты, должно быть, растерян. Я всё тебе расскажу. Я жду тебя, если ты согласен выслушать меня.

Твоя Чарли».

Чарли

Я не знала, сколько ему потребуется времени после того, как он прочтёт письмо. Захочет ли он вообще приехать ко мне.

Всё во мне было напряжено до предела, и я то и дело выглядывала в окно.

Меня пугала его возможная реакция, и я не хотела быть там, когда он всё узнает. Отправив письмо, я дала ему выбор и теперь не находила себе места от тревоги и неизвестности.

Прошло меньше часа, как я отослала ему сообщение, когда машина Оливера затормозила у нашего дома. Он торопился и был чертовски возбуждён, с силой захлопнув дверцу «доджа».

На секунду я прикрыла глаза, сделав несколько глубоких вдохов, готовясь к шторму. Слава Богу, мама у Пет и не станет свидетелем того, что вот-вот случится.

— Чарли! — заорал Оливер, кулаками забарабанив в дверь. — Чарли, открой!

Даже по голосу я слышала, что он в бешенстве. Дрожащими руками отворила засов, раскрывая дверь перед ним.

Грозвые глаза Оливера впились в моё лицо, а всё его тело вибрировало гневом. Впившись обеими руками в дверную раму, он тяжело дышал, прожигая во мне дыру.

— Как. Ты. Могла? — каждое слово в отдельности процедил он. — Блядь, Чарли, почему?! — саданув ладонью по стене, сорвался на крик Олли, что заставило меня вздрогнуть. Сквозь весь его гнев и ярость я увидела то, что было самым ужасным. То, что било сильнее всего.

В глазах Олли стояли слёзы.